

УИЛБУР СМИТ

ВЛАСТЬ МЕЧА

Роман

АЗБУКА

Кортни

Уилбур Смит

Власть меча

«Азбука-Аттикус»

1986

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

Смит У.

Власть меча / У. Смит — «Азбука-Аттикус», 1986 — (Кортни)

ISBN 978-5-389-22532-9

Столкновение интересов, идеалов, цивилизаций в Южной Африке 1930-х превратило ее в бурлящий котел. Великая депрессия. Венчурные инвестиции. Раздел территорий, раскол в обществе, распри в семье. Сводные братья, сыновья одной матери, выросшие в одной стране, но совершенно в разных мирах, с первой встречи, происшедшей в ранней юности, испытывают друг к другу ненависть, а потом по воле судьбы становятся смертельными врагами. Один не постоит за ценой, расчищая себе дорогу к власти. Другой готов пожертвовать всем, чтобы предотвратить кровавую тиранию в стране. Чем закончится их противостояние, которое длилось два десятилетия? Продолжение эпопеи о неукротимых Кортни, чей девиз гласит: «Я выдержу». Роман выходит в новом переводе.

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-22532-9

© Смит У., 1986
© Азбука-Аттикус, 1986

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

118

Уилбур Смит

Власть меча

Wilbur Smith POWER OF THE SWORD

Copyright © Orion Mintaka (UK) Ltd, 1986, 2018

© Т. В. Голубева, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Азбука®

Оформление обложки Ильи Кучмы

* * *

Эта книга посвящается моей жене Мохинисо – с ней связано все лучшее, что случилось со мной в жизни

Туман окутал океан, приглушая все краски и звуки. Он колыхался и бурлил, когда первые струйки утреннего бриза потекли к суше. Траулер стоял в тумане в трех милях от берега, на краю течения, где восходящие глубинные воды, богатые приносящим жизнь планктоном, встречались со спокойной прибрежной водой, образуя более темную зеленую полосу.

В рулевой рубке Лотар де ла Рей, облокотившись на штурвал, вглядывался в туман. Он любил эти тихие волнующие минуты перед рассветом. Он ощущал, как его тело начинает покалывать, словно в крови бежали электрические искры. Это была страсть охотника, которую он испытывал уже бесчисленное множество раз, неистребимая, такая же мощная, как зависимость от опиума или крепких напитков.

Мысленно вернувшись в прошлое, он вспомнил нежный розовый рассвет, что медленно растекался над вершинами Магерсфонтейна. В тот день сам Лотар, припав к брустверу окопа, ждал, когда из темноты появятся линии шотландской пехоты в плавно волнующихся килтах и с развевающимися лентами на шапках, чтобы двинуться маршем прямо на их ожидающие винтовки маузера. По его коже побежали мурашки при этом воспоминании.

С тех пор миновали сотни других рассветов, когда он точно так же ожидал большую добычу – льва с косматой гривой в Калахари, запаршивевшего старого буйвола с огромными рогами, мудрого серого слона с морщинистыми боками и драгоценными длинными бивнями. И хотя теперь добыча была не очень крупной, но по многочисленности такой же необъятной, как порождавший ее океан.

Течение его мыслей прервалось, когда из камбуза на открытую палубу вышел мальчик. Он ступал босиком, ноги у него были длинными, загорелыми и сильными. Ростом он уже почти не уступал взрослому мужчине, так что ему пришлось нагнуться, входя в дверь рулевой рубки. В каждой руке он держал по оловянной кружке с горячим кофе.

– Сахар? – спросил Лотар.

– Четыре ложки, па. – Мальчик усмехнулся в ответ на улыбку Лотара.

Туман осел каплями росы на его длинных ресницах, и он сморгнул их, как сонный кот. Хотя вьющиеся светлые волосы мальчика выгорели на солнце так, что в них появились пряди платинового тона, брови и ресницы у него были густыми и черными; они обрамляли и подчеркивали его янтарные глаза.

– Много рыбы сегодня, – сказал Лотар.

И скрестил пальцы правой руки в кармане штанов, чтобы отогнать неудачу из-за сказанного вслух. «Нам это необходимо, – подумал он. – Чтобы выжить, нам нужно много хорошей рыбы».

За пять лет до этого он в очередной раз поддался зову охотничьего рога, соблазнившись погоней и дикими местами. Он продал процветающую компанию по строительству автомобильных и железных дорог, так старательно им созданную, собрал все средства, что мог, включая заемные, и поставил на кон.

Он знал, какие безграничные сокровища скрывают холодные зеленые воды Бенгельского течения. Он впервые заметил их в те хаотичные последние дни Великой войны, когда он в последний раз восстал против ненавистных англичан и их марионетки, предателя Яна Смэтса, вставшего во главе армии Южно-Африканского Союза.

С тайной базы среди высоких пустынных дюн на берегу Южной Атлантики Лотар снабжал топливом и оружием немецкие подводные лодки, нападавшие на корабли британского торгового флота. И, сидя в те дни на берегу океана в ожидании прихода субмарин, он увидел, что этот самый океан таит безмерные дары. Их нужно было просто взять. И в те годы, что прошли после заключения постыдного мира в Версале, он строил планы, трудясь в пыли и жаре, взрывая и расчищая горные перевалы или ведя свои дороги напрямик через мерцающие долины. Он копил, планировал, составлял схемы...

Эти траулеры для ловли сардин, обнаруженные им в Португалии, представляли собой заброшенные, прогнившие суда. А еще он нашел там да Сильву, старого и мудрого, знающего жизнь моря. Они вместе отремонтировали и переоснастили четыре древних траулера, набрали основную команду и отправились на юг вдоль Африканского континента.

Консервный завод, который Лотар нашел в Калифорнии, был построен там, чтобы перерабатывать тунца, но основавшая его компания переоценила численность рыбы и недооценила стоимость вылова этих непредсказуемых «морских цыплят». Лотар купил заводик за малую долю его первоначальной стоимости и целиком перевез все его оборудование в Африку. Здесь он заново поставил завод на плотных песках пустыни, рядом с развалинами заброшенной китобойной базы, от которой и произошло голландское название этой безлюдной бухты – Уолфиш-Бей, Китовый залив.

В первые три сезона Лотар и старый да Сильва нашли тунца, и они пожинали урожай бесконечных косяков рыбы, пока Лотар выплачивал висевшие на нем ссуды. Он сразу заказал новые суда, чтобы заменить ветхие португальские траулеры, срок службы которых подошел к концу, и в результате еще глубже погряз в долгах, чем в начале этого приключения.

А потом рыба исчезла. По причинам, которых никто не мог понять, огромные косяки сардин пропали, оставив лишь маленькие редкие стайки. И пока они искали впустую, уходя в море на сотню миль и дальше, обшаривая длинное пустынное побережье на таком расстоянии от завода, что это теряло экономический смысл, месяцы безжалостно текли, и каждый приносил возросшую сумму процентов, при этом содержание завода и судов тоже стоило денег, так что Лотару пришлось искать новые ссуды.

Два года без рыбы. И тут весьма эффектно, как раз в тот момент, когда Лотар понял, что проиграл, в волнах течения произошла легкая перемена – или это немного изменился ветер – и рыба вернулась, хорошая рыба, жирная, идущая косяками, густыми, как молодая трава...

– Пусть только не уйдет, – молча молился Лотар, всматриваясь в туман. – Пожалуйста, Боже, пусть она не уйдет...

Еще три месяца – это все, в чем он нуждался, всего три коротких месяца, – и он рассчитается со всеми долгами и снова станет свободным.

– Туман поднимается, – сказал мальчик.

Лотар моргнул и слегка качнул головой, возвращаясь к реальности.

Туман расходился, как театральный занавес, и открывшаяся сцена выглядела мелодраматично, даже слишком красочно для естественной, когда рассвет загорелся, словно шоу фейерверков, оранжевый, золотой и зеленый там, где он отражался в океане; он окрашивал подвижные столбы тумана в цвета крови и роз, и сама вода вспыхнула неземным огнем. Магическую картину усиливала тишина, тяжелая и прозрачная, как кристалл, и людям казалось, что они внезапно оглохли, будто, кроме зрения, все остальные их чувства исчезли, и им оставалось лишь в изумлении смотреть на открывающееся зрелище.

А потом вспыхнуло солнце, сияющий луч чистого золота прорвался сквозь покров тумана. Он заиграл на поверхности воды, и линия течения ярко осветилась. Прибрежные воды оставались мутно-синими, спокойными и гладкими, как масло. Та линия, где они встречались с глубинными водами настоящего океанского течения, выглядела прямой и четкой, словно острие ножа, а за ней поверхность воды была темной и взъерошенной, как зеленый бархат, который погладили против ворса.

– Daar spring hy! – закричал с передней палубы да Сильва, показывая на линию темной воды. – Вон она, прыгает!

В раннем свете солнца, едва касающегося воды, из глубины выпрыгнула одинокая рыба. Она была чуть длиннее мужской ладони – крошечный кусочек полированного серебра.

– Готовьсь!

Голос Лотара прозвучал хрипло от возбуждения. Мальчик быстро поставил свою кружку на штурманский стол, и последние капли кофе расплескались; мальчик быстро спустился по трапу вниз, в моторный отсек.

Лотар защелкал переключателями, а мальчик внизу наклонился к заводной рукоятке.

– Заводи! – крикнул Лотар вниз.

Мальчик налег на рукоятку, запуская четырехцилиндровый мотор. Ему еще не исполнилось тринадцати, но он уже обладал почти такой же силой, как мужчина, и когда он работал, на его спине бугрились мускулы.

– Давай!

Лотар закрыл клапаны, и мотор, еще не остывший после пробега из залива, взревел. Из выхлопной трубы в бок корпуса вырвалась струя маслянистого черного дыма, и мотор заработал ровно.

Мальчик поднялся по трапу, выскочил на палубу и поспешил на нос, где стоял да Сильва.

Лотар повернул штурвал, и судно вышло к линии течения. Туман рассеялся, и они увидели другие суда. Те тоже тихо стояли в тумане, ожидая первых лучей солнца, но теперь спешили к течению, и за ними по безмятежной поверхности воды разбегались в стороны волны, а перед носами волны вскипали белой пеной в солнечном свете. Вдоль поручней стояли команды, которые всматривались вперед, и звуки их взволнованных голосов слышались даже сквозь гул моторов.

Сквозь стекла рулевой рубки Лотар имел полный обзор рабочей территории пятидесятифутового траулера, и он в последний раз проверил готовность. Длинная сеть лежала вдоль поручней правого борта, ее верхняя пробковая линия была аккуратно выложена. Сухая сеть весила семь с половиной тонн, а мокрая была во много раз тяжелее. Длина сети составляла пятьсот футов, и в воде она свисала с поплавков на глубину семьдесят футов, как прозрачный занавес. Она обошлась Лотару больше чем в пять тысяч фунтов, куда больше, чем обычный рыбак мог заработать за двадцать лет упорного труда, и остальные три его судна были снаряжены так же. А на корме каждого траулера был надежно закреплен фалинем «буки» – ялик длиной в восемнадцать футов.

Окинув все внимательным взглядом, Лотар решил, что все готово к броску, а потом посмотрел вперед как раз в тот момент, когда из воды выпрыгнула другая рыба. На этот раз она была так близко, что Лотар смог увидеть темные полосы на ее блестящих боках и окраску

– неземной зеленый над полосой и сияющее серебро ниже. Потом рыбина хлопнулась в воду, оставив на поверхности темную вмятину.

Точно это стало сигналом, океан ожил в одно мгновение. Вода потемнела, как будто солнце закрыла тяжелая туча, но эта туча всплыла из глубины, поднимаясь к поверхности, и вода закипела, словно где-то внизу буянили монстры.

– Сардины! – кричал да Сильва, поворачиваясь морщинистым темным лицом к Лотару и одновременно широко разводя руки, будто желая охватить безбрежность воды, кипящей рыбой.

Перед ними возник косяк в милю шириной и уходящий в глубину настолько, что взор не мог уловить его край. За все охотничьи годы Лотар ни разу не видел такого скопления жизни, такого множества существ одного вида. Кроме разве что саранчи, способной скрыть африканское полуденное солнце, да стай крошечных птиц-ткачиков, чей объединенный вес ломал ветви огромных деревьев, на которые они садились. Команды траулеров замолкли и благоговейно взирали на косяк, вырвавшийся на поверхность, и вода побелела и заискрилась, как снежный сугроб; несметные миллионы маленьких чешуйчатых тел вырвались на солнечный свет, когда их приподняли над водой бесчисленные сородичи, напиравшие снизу.

Да Сильва опомнился первым. Он повернулся и побежал по палубе, быстро и живо, как юноша, и задержался лишь у двери рулевой рубки.

– Мария, Мать Божья! Даруй нам полные сети до конца этого дня!

Это прозвучало как трогательное предупреждение, а потом старик умчался на корму и перебрался через планшир в ялик, и по его примеру остальная часть команды спохватилась и поспешила к своим местам.

– Манфред! – позвал Лотар сына.

Мальчик, зачарованно стоявший на носу траулера, послушно кивнул и бросился к отцу.

– Бери штурвал.

Это была огромная ответственность для столь юного человека, но Манфред уже много раз доказывал свои способности, так что Лотар не мучился дурными предчувствиями, покидая рубку. На носу он подал сигнал, даже не оглядываясь, и тут же ощутил, как палуба накренилась под его ногами, когда Манфред повернул штурвал, следуя сигналу отца, чтобы начать описывать широкий круг, огибая рыбный косяк.

– Так много рыбы, – прошептал Лотар.

Когда он взглядом оценивал расстояние, направление ветра и течение, то вспомнил о предупреждении старого да Сильвы: траулер и сеть могут выдержать сто пятьдесят тонн этих шустрых серебристых сардин, а при особом умении и удаче, возможно, и двести тонн.

Перед Лотаром был косяк в миллионы тонн рыбы. Если забросить сеть необдуманно, можно сразу выловить десять или двадцать тысяч тонн, но такой вес легко порвет сеть, оторвет пробковый линь или скovyрнет с палубы швартовую тумбу и утащит ее в морские глубины. Или, еще хуже, если выдержат линь и тумба, сам траулер может перевернуться. Лотар может тогда потерять не только дорогую сеть, но и судно, и команду, а также сына.

Он невольно оглянулся через плечо, и Манфред улыбнулся ему в окно рулевой рубки, лицо мальчика светилось возбуждением. Его сверкающие янтарные глаза и белые зубы живо напомнили Лотару его мать, и его кольнуло горькой болью, прежде чем он вернулся к делу.

Эти несколько мгновений рассеянности чуть не испортили все. Траулер шел прямо на косяк, и через считанные секунды он бы налетел на массу рыб, те услышали бы шум мотора, и тогда косяк, двигаясь в таинственном единении, как некий цельный организм, мог снова исчезнуть в океанских глубинах. Лотар быстро подал знак повернуть, и мальчик мгновенно повиновался. Траулер резко развернулся, и они двинулись вдоль края косяка, держась в пятидесяти футах от него, выжидая подходящий момент.

Еще один быстрый взгляд вокруг дал Лотару понять, что другие его шкиперы тоже осторожно держатся поодаль, ошеломленные неизмеримой массой сардин, возле которой они кружили. Темный Хендрик смотрел с другой палубы на Лотара; лысая голова этого черного гиганта блестела на раннем солнце, как пушечное ядро. Товарищ Лотара в войне и в сотнях дерзких начинаний, он, как и Лотар, с готовностью перешел с суши на море и теперь ловил рыбу с таким же искусством, с каким прежде охотился на слонов и на людей. Лотар подал ему знак «осторожно, опасность», и Темный Хендрик беззвучно засмеялся и махнул рукой, показывая, что понял.

Грациозно, как танцоры, четыре судна кружили вокруг огромного косяка, пока последние клочки тумана не рассеялись и легкий бриз не унес их прочь. Солнце очистило горизонт, далекие дюны пустыни засияли, как бронза, только что вышедшая из плавильни, являя собой прекрасный фон для начинавшейся охоты.

Рыба продолжала держаться плотной массой, и Лотар уже начал отчаиваться. Сардины находились на поверхности уже больше часа, дольше обычного. В любой момент они могли исчезнуть по непонятному сигналу, а ни один из его траулеров еще не забросил сеть. Им препятствовало именно изобилие, они были нищими перед безграничным сокровищем, и Лотар почувствовал, как в нем просыпается безрассудство. Он уже слишком долго ждал.

«Закидывать – и пропади все пропадом!» – подумал он и подал знак Манфреду, прищурившись от яркого света, когда они повернули к солнцу.

Но прежде чем он успел совершить глупость, он услышал свист да Сильвы и оглянулся на португальца – тот стоял на банке ялика и бешено жестикулировал. Позади них косяк начал вздуться. Сплошная округлая масса рыбы меняла форму. От нее отделился усик, бугорок... нет, это скорее походило на голову на тонкой шее, когда часть косяка отошла чуть в сторону. Этого они и ждали.

– Манфред! – закричал Лотар и замахал правой рукой.

Мальчик крутанул штурвал, траулер развернулся, и они нацелились носом на шею косяка, как топор палача.

– Малый ход!

Лотар хлопнул в ладоши, и траулер почти остановился. Судно осторожно нацелилось носом на узкую часть косяка. Вода была такой прозрачной, что Лотар мог видеть отдельных рыбок, и каждая из них радужно сияла в окружении солнечных лучей, а внизу грудилась основная часть гигантской стаи, темно-зеленая, непрозрачная, как айсберг.

Лотар и Манфред аккуратно подвели нос траулера к живой массе, винт едва вращался, чтобы не встревожить рыбу. Узкая струйка сардин раскололась перед носом судна, и небольшая часть рыбы отделилась. Лотар, как пастушеская овчарка, отгонял их в сторону, поворачивая и медленно двигаясь вперед, а Манфред точно следовал сигналам его руки.

– Все еще слишком много, – пробормотал себе под нос Лотар.

Они отделили от косяка лишь малую часть, но Лотар прикинул, что там все равно больше тысячи тонн, а еще больше рыбы скрывалось в глубине, так что он вообще не мог оценить ее количество.

Да, это был риск, большой риск. Краем глаза он видел да Сильву, взволнованно предупреждавшего жестами об осторожности, а теперь он еще и свистнул. Старик боялся такой массы рыбы, и Лотар усмехнулся; его желтые глаза прищурились и сверкнули, как отполированный топаз, когда он подал Манфреду знак еще больше сбросить скорость и намеренно повернулся спиной к старику.

На скорости пять узлов он проверил Манфреда и направил его вокруг под крутым углом, вынуждая оторвавшихся рыб сгрудиться в центре круга, а потом, когда они обходили сардин во второй раз и траулер оказался с подветренной стороны от косяка, Лотар повернулся к корме и приложил ладони рупором ко рту.

– Бросай! – проревел он. – Бросай!

Команда, состоявшая из чернокожих гереро, распустила скользкий узел на фалине, что удерживал ялик, и сбросила лодку на воду. Маленький деревянный ялик вместе с да Сильвой, цеплявшимся за планшир и продолжавшим протестовать, упал за траулером и запрыгал на кильватерной волне, волоча за собой конец тяжелой сети.

Пока траулер продолжал описывать круг возле части косяка, грубые коричневые ячейки сети скрежетали и шипели, переваливаясь через деревянный поручень, пробковый линь раскручивался, как питон, и стекал за борт, являя собой пуповину, связывающую ялик и траулер. Пробковые поплавки, распределенные равномерно, словно бусы на нитке, образовали кольцо вокруг плотной массы косяка, и теперь ялик с да Сильвой, все еще выражавшим недовольство, оказался прямо впереди.

Манфред работал штурвалом, сопротивляясь тяге огромной сети, осторожно подводя траулер к ялику и закрывая дроссель, когда они соприкоснулись. Теперь сеть замкнулась, окружив косяк, и да Сильва взобрался на траулер, таща на плече концы тяжелых трехдюймовых линий из манильской пеньки.

– Ты потеряешь сеть! – набросился он на Лотара. – Только сумасшедший будет окружать такую стаю – они просто удерут вместе с твоей сетью! Да будут мне свидетелями святой Антоний и благословенный святой Марк...

Но, следуя кратким указаниям Лотара, команда гереро уже начала медленно поднимать сеть. Двое сняли с плеча да Сильвы линии, а один помогал Лотару заправить в лебедку стяжной трос.

– Это моя сеть и моя рыба, – проворчал Лотар, начиная вращать грохочущую лебедку. – Не путайся под ногами!

Сеть висела в прозрачной зеленой воде на семьдесят футов в глубину, но снизу она оставалась открыта. Прежде всего требовалось немедленно закрыть ее до того, как рыба обнаружит путь к бегству. Лотар согнулся над лебедкой, мускулы на его обнаженных руках вздулись буграми под загорелой кожей, и он ритмично двигал плечами, быстро наматывая стяжной трос на барабан лебедки. Трос, проходящий сквозь стальные кольца по всей нижней части сети, теперь закрывал ее, как шнурок на гигантском табачном кисете.

В рулевой рубке Манфред осторожно маневрировал, то слегка продвигая траулер вперед, то отступая, чтобы корма оказывалась достаточно далеко от сети и не намотала ее на винт. Старый да Сильва отвел ялик к дальней стороне поплавков и захватил линь крюком, чтобы придать пробкам больше плавучести в тот момент, когда огромный косяк обнаружит, что попался в ловушку, и начнет паниковать. Лотар, работая быстро, продолжал вытягивать стяжной трос, пока наконец на борту не оказались последние из стальных колец. Сеть закрылась, косяк оказался в мешке.

Лотар, обливаясь потом, в промокшей рубашке, прислонился к планширу, настолько вымотанный, что даже не мог говорить. Его длинные серебристо-белые волосы, отяжелевшие от пота, упали ему на лоб и на глаза, когда он жестами отдавал приказ да Сильве.

Пробковые поплавки лежали аккуратным кольцом на пологих зеленых волнах холодного Бенгельского течения, и на дальней от траулера стороне был закреплен маркер. Но пока Лотар наблюдал за ним, задыхаясь, хватая ртом воздух, кольцо поплавков начало менять форму, быстро удлиняясь, когда рыбный косяк в первый раз ощутил сеть и одновременно налег на нее. Потом напор изменил направление, рыбы развернулись и бросились в другую сторону, волоча сеть и ялик так, словно это были обрывки плавающих водорослей.

Сила рыбьей массы была неодолимой, как сила Левиафана.

– Боже, да мы захватили даже больше, чем я рассчитывал, – выдохнул Лотар.

Потом, встрепенувшись, отбросил с глаз мокрые светлые волосы и побежал к рулевой рубке.

Косяк метался в сети в разные стороны, без труда подбрасывая на кипящих волнах ялик, и Лотар почувствовал, как палуба траулера резко накренилась под его ногами, когда живая масса снова шарахнулась в сторону.

– Да Сильва был прав. Они сходят с ума, – прошептал Лотар, бросаясь к рукоятке туманной сирены.

Он резко прогудел трижды, зовя на помощь, а когда снова выбежал на палубу, то увидел, что три других траулера повернули и спешат к нему. Ни на одном из них так и не набрались храбрости, чтобы забросить сети в гигантский косяк.

– Скорее! Скорее, черт побери! – бессмысленно рявкнул в их сторону Лотар, а потом закричал на свою команду: – Всем поднимать сеть!

Матросы колебались, пятились, не желая тащить сеть, ходящую ходуном под водой.

– Пошевеливайтесь, черные ублюдки! – заорал Лотар и сам подал пример, подбегая к планширу.

Им нужно было лишить рыбу пространства, согнать маленьких рыбешек так плотно друг к другу, чтобы косяк потерял силу.

Сеть была грубой и жесткой, как колючая проволока, но люди наклонились к ней, используя качку корпуса на невысоких волнах, чтобы согласованными рывками вручную вытянуть ее выше.

Потом косяк снова метнулся, и все, что им удалось вытянуть, снова очутилось в воде. Один из гереро оказался слишком медлителен, чтобы вовремя отпустить сеть, и пальцы его правой руки застряли в ячейке. Плоть снялась с руки, как перчатка, оставив голые белые кости и обрывки мышц. Гереро закричал и прижал искалеченную руку к груди, пытаясь остановить поток яркой крови. Она плеснула ему в лицо и потекла по блестящей от пота черной коже груди и живота, впитываясь в штаны.

– Манфред! – громко крикнул Лотар. – Займись им!

Косяк попытался уйти на глубину, утащив край каната с поплавками под поверхность, и небольшая часть рыбы сбежала поверх него, тут же растворившись в светлой воде, как темно-зеленый дым.

– Хорошо, это излишки, – пробормотал Лотар. – Скатертью дорога!

Основная часть рыбы оставалась в ловушке, поплавки подпрыгивали на поверхности. Косяк снова нырнул в глубину, и на этот раз тяжелый пятидесятифутовый траулер опасно накренился, так что команде пришлось ухватиться за поручни, темные лица стали серыми, как пепел.

По другую сторону кольца поплавков резко дернулся ялик, он просто не мог сопротивляться. Зеленая вода плеснула через планшир, наполнив лодку.

– Прыгай! – закричал Лотар старику. – Держись подальше от сети!

Они оба прекрасно осознавали опасность.

В предыдущий сезон один из членов их команды упал в сеть. Рыбы тут же одновременно бросились на него, утаскивая под воду, сражаясь с сопротивлением его тела в своих попытках сбежать.

Когда несколькими часами позже они наконец достали тело со дна сети, они увидели, что напор рыб и огромное давление в глубине косяка просто разорвали человека. Рыбы пробились через его рот в живот; они, словно серебряные кинжалы, вонзились в глазницы, вытеснив глазные яблоки и проникнув прямо в мозг. Они даже прорвали ткань его поношенных штанов и забрались в анус, так что человек оказался битком набит мертвой рыбой и раздулся, словно некий гротескный воздушный шар. Такое зрелище никто из них не смог бы забыть.

– Подальше от сети! – снова закричал Лотар.

Да Сильва бросился к дальнему концу тонущего ялика как раз в тот момент, когда лодку затащило под воду. Он отчаянно барахтался, но его тяжелые морские сапоги начали тянуть его вниз.

Однако рядом уже был Темный Хендрик, спешивший на помощь. Он аккуратно положил свой траулер вдоль вздувшейся линии поплавок, и двое из его команды выудили да Сильву из воды и втащили на борт, а остальные по команде Темного Хендрика зацепили крюками дальнюю сторону сети.

– Только бы сеть выдержала, – проворчал Лотар.

Два других траулера уже подошли и тоже захватили поплавки. Четыре больших судна выстроились вокруг плененного косяка, и матросы начали поспешно «сушить сеть».

Фут за футом они вытаскивали ее, по двенадцать человек на каждом траулере, и даже Манфред занял место рядом с отцом. Они хрипели, напрягались и потели, обдирая до крови руки, пока рыбы металась в воде. Постепенно, дюйм за дюймом, люди наконец усмирили огромный косяк; сеть показалась из воды, и верхние рыбы уже беспомощно бились на воздухе над плотно сбитой массой своих сородичей, тонувших и умиравших в давке.

– Вычерпывай! – кричал Лотар.

На каждом из траулеров по три человека, вооружившись ручными сетями на длинных рукоятках, начали выбрасывать рыбу на палубу.

Ручные сети имели ту же форму, что и сачки для бабочек или те маленькие сетки, с помощью которых дети ловят креветок и крабов на берегу моря. Только у этих сачков рукоятки были длиной в тридцать футов, а сами сетки могли подхватить до тонны живой рыбы зараз. По краю стального кольца сетки в трех местах крепились манильские канаты; они были сращены с более мощным канатом лебедки, с помощью которой сетки поднимали и опускали. Нижнюю часть сетки можно было открывать или стягивать с помощью стяжного линя, пропущенного через ряд небольших колец, точно так же как и большую сеть.

Пока ручную сеть вытаскивали на нужную позицию, Лотар и Манфред быстро открыли люк трюма. И тут же оба вернулись на свои места – Лотар к лебедке, а Манфред к стяжному канату ручной сети. Лотар со скрежетом и грохотом вращал лебедку, поднимая сеть к грузовой стреле над их головами, а трое мужчин длинной рукояткой направили сеть за борт, над беснующимся рыбным косяком. Манфред резко дернул стяжной канат, и нижняя часть сети закрылась.

Лотар переключил механизм лебедки – и, все так же скрипя шкивом, сеть упала в серебряную живую массу. Трое матросов всем своим весом налегли на рукоятку, заставляя сеть погрузиться в живую кашу из сардин.

– Поднимай! – закричал Лотар и снова переключил механизм лебедки.

Сеть пошла вверх сквозь косяк и выскочила на поверхность с тонной бьющихся серебряных сардин. Манфред крепко удерживал стяжной канат, и полная сеть закачалась над открытым люком.

– Выпускай! – крикнул сыну Лотар.

Манфред отпустил стяжной трос. Нижняя часть сети открылась, и тонна сардин хлынула в трюм. Крошечные чешуйки обдирались с рыбьих тел от такого грубого обращения, и сардины посыпались над стоявшими на палубе людьми, как снежинки, сверкая на солнце чудесными оттенками розового, красного и золотого.

Когда сеть опустела, Манфред снова дернул стяжной трос, закрывая ее, и матросы опять шестом направили ее за борт. Опять заскрипела лебедка, сеть упала в косяк, и все повторилось снова. На каждом из других траулеров также тяжело трудились матросы с сетями и стоявшие у лебедок люди, и каждые несколько секунд еще одна тонна рыбы, водорослей и прозрачных чешуек выплескивалась из сетей над разверстыми люками и выливалась в трюм.

Эта монотонная, однообразная работа была крайне тяжелой и требовала напряжения всех мышц; каждый раз, когда сеть поднималась над головами, команду обдавало ледяной морской водой и чешуей. Когда действовавшие ручными сетями люди выдыхались, шкиперы заменяли их, не нарушая ритма подъемов и спусков, и те, кто управлял главной сетью, брались за «сачки». Лотар оставался у лебедки, высокий, бдительный и неутомимый, и его белые волосы, слипшиеся от рыбьей чешуи, сияли на солнце, как огонь маяка.

– Серебряные трехпенсовики... – Лотар усмехался, пока рыба падала в трюмы всех четырех его траулеров. – Блестящие трехпенсовики, а не рыба. Мы сегодня возьмем полный груз тики.

«Тики» на сленге означало монетку в три пенса.

– Палубный груз! – закричал он через сужавшееся кольцо большой сети туда, где трудился над другой лебедкой Темный Хендрик, обнаженный до пояса и блестящий, как полированное эбонитовое дерево.

– Палубный груз! – проревел тот в ответ, наслаждаясь физическими усилиями, позволявшими ему демонстрировать огромную силу на глазах команды. Трюмы траулеров уже наполнились до краев, и в каждом лежало полторы сотни тонн рыбы. Теперь они собирались высыпать сардины на палубу.

И снова это был риск. Уже нагруженные суда не могли избавиться от рыбы, пока не доберутся до залива и не перекачают сардины на завод. А палубный груз добавит к их весу еще по сотне тонн, что намного превышало безопасные пределы. И если погода изменится, если ветер задует с северо-запада, то необъятное море мгновенно вздуется и может утащить перегруженные траулеры в холодные зеленые глубины.

– Погода продержится, – заверил себя Лотар, действуя лебедкой.

Он был на гребне волны; ничто не могло сейчас его остановить. Он слишком рисковал, но мог получить тысячу тонн рыбы, и это означало пятьдесят фунтов чистой прибыли за тонну. Пятьдесят тысяч фунтов за один выход в море. Величайшая из удач в его жизни. Да, он мог потерять сеть, или судно, или даже жизнь, но нельзя упускать шанс выплатить долги, забросив сеть лишь один раз.

– Боже мой... – прошептал он, поворачивая лебедку. – Нет, теперь ничто не может пойти плохо, ничто больше не станет мне помехой. Я свободен и чист.

И вот, наполнив трюмы, они начали сваливать рыбу на палубы траулеров, заполняя их до верха планширов, и команды погружались в это серебристое болото по пояс, поднимая сети и орудия длинными шестами.

Над траулерами кружило огромное белое облако морских птиц, добавляя свои пронзительные крики к какофонии лебедек. Птицы ныряли прямо в сеть, чтобы обжираться до тех пор, пока уже просто не могли ничего проглотить, даже лететь не могли, а просто уплывали по течению, раздувшиеся и неповоротливые, напрягая глотки, чтобы не потерять то, что съели. На носу и корме каждого из траулеров стояли мужчины с острыми крюками на длинных шестах, и они отгоняли акул, которые поднялись на поверхность в надежде добраться до массы плененной рыбы. Их острые как бритвы, треугольные клыки могли прорезать даже крепкие ячейки сети.

Пока птицы и акулы насыщались, корпуса траулеров оседали все ниже, пока наконец, вскоре после полудня, даже Лотар не решил, что достаточно. Новый груз оказалось просто некуда класть; каждый раз, когда рыба сыпалась на палубы, она просто соскальзывала в воду, чтобы накормить акул.

Лотар остановил лебедку. В главной сети, пожалуй, оставалось еще сотня тонн рыбы, по большей части измятой и полуживой.

– Опустошить сети! – приказал он. – Отпустите рыбу! Поднимите сеть на борт!

Четыре траулера, сидевшие на воде так низко, что морская вода заливала шпигаты при каждом покачивании, а скорость снизилась до того, что они двигались как цепочка беременных уток, повернули к суше, идя нос к корме, и Лотар возглавлял их.

За судами осталась примерно половина квадратной мили поверхности океана, усеянной мертвой рыбой, плывущей вверх серебристыми брюшками; их количество не уступало числу осенних листьев в лесу. Над ними продолжали кружить тысячи объевшихся чаек, а под водой продолжали пировать большие акулы.

Измученные команды с трудом пробирались сквозь зыбучие пески все еще бившейся рыбы, заполнившей палубу до сходного трапа. Под палубой люди, мокрые от рыбьей чешуи и потрохов и соленой воды, изнеможенно бросались на свои узкие койки.

В рулевой рубке Лотар выпил две кружки горячего кофе, потом проверил хронометр, висевший над его головой.

– Четыре часа идти до завода, – сказал он. – Самое время для уроков.

– Ох, па! – умоляюще воскликнул мальчик. – Только не сегодня, ведь это особенный день! Разве нам обязательно учиться сегодня?

В городе Уолфиш-Бей не было школы. Ближайшая немецкая школа располагалась в Свакопмунде, в тридцати милях от них. Лотар стал для мальчика и отцом, и матерью с самого дня его рождения. Он принял его в свои руки, мокрого и измазанного материнской кровью. А мать Манфреда даже не взглянула на него. Это было частью их неестественной сделки. Лотар растил его в одиночестве, без посторонней помощи, если не считать того молока, которое давали темнокожие кормилицы из племени нама. И они с сыном стали так близки, что Лотар не выдержал бы разлуки с ним на один-единственный день. Он даже предпочел сам заняться его образованием, лишь бы не отсылать прочь.

– Нет никаких особенных дней, – сказал он Манфреду. – Мы учимся каждый день. Мускулы не делают человека сильным. – Он постучал себя по голове. – Вот что дает человеку силу. Доставай книги!

Манфред покосился на да Сильву, ожидая сочувствия, но знал, что спорить бессмысленно.

– Бери штурвал. – Лотар передал его старику, а сам сел рядом с сыном за маленький штурманский стол. – Не арифметика. – Он покачал головой. – Сегодня английский.

– Ненавижу английский! – с жаром воскликнул Манфред. – Ненавижу английский и ненавижу англичан!

Лотар кивнул.

– Да, – согласился он. – Англичане – наши враги. Они всегда были и всегда останутся нашими врагами. Поэтому мы должны овладеть их оружием. Поэтому мы учим этот язык – чтобы, когда придет время, мы смогли использовать его в схватке с ними.

Он впервые за этот день заговорил на английском. Манфред начал было отвечать на африкаансе, диалекте голландского языка, распространенном в Южной Африке, который признали отдельным языком и приняли как официальный язык Южно-Африканского Союза только в 1918 году, более чем за год до рождения Манфреда. Лотар вскинул руку, останавливая сына.

– На английском, – предупредил он. – Говори только на английском.

Примерно час они работали вместе, читая вслух Библию короля Якова, потом выпуск «Кейп таймс» двухмесячной давности, а потом Лотар устроил диктант на целую страницу. Чужой язык заставлял Манфреда ерзать, хмуриться и грызть карандаш, пока наконец у него не лопнуло терпение.

– Расскажи мне о дедушке и о клятве! – подольстился он к отцу.

Лотар усмехнулся:

– Ты хитрая маленькая обезьянка, да? Что угодно, лишь бы не трудиться!

- Пожалуйста, па...
- Я тебе уже сто раз рассказывал.
- Расскажи еще раз. Сегодня особенный день.

Лотар посмотрел в окно рубки на драгоценный серебряный груз. Мальчик был прав: это действительно особенный день. Сегодня он освободится от долгов после нескольких тяжелых лет.

- Хорошо. – Он кивнул. – Я расскажу тебе еще раз, только на английском.

Манфред восторженно захлопнул учебник и наклонился над столом; его янтарные глаза сияли предвкушением.

История великого восстания повторялась так часто, что Манфред знал ее наизусть и даже поправлял все отклонения от оригинала или останавливал отца, когда тот пропускал какие-то подробности.

– Что ж, – начал Лотар. – Когда вероломный английский король Георг Пятый в тысяча девятьсот четырнадцатом году объявил войну немецкому кайзеру Вильгельму, твой дед и я знали, в чем состоит наш долг. Мы поцеловали на прощание твою бабушку...

- Какого цвета были волосы у бабушки? – уточнил Манфред.

– Она была прекрасной знатной дамой, немкой, и ее волосы были цвета зрелой пшеницы на солнце.

- Прямо как у меня, – подсказал Манфред.

– Как у тебя, – улыбнулся Лотар. – И мы с твоим дедом поскакали на боевых конях, чтобы присоединиться к старому генералу Марицу и его шестистам героям на берегу Оранжевой реки, где он готовился выступить против старого Слима Янни Смэтса.

«Слим» на африкаансе означало человека хитрого или коварного, и Манфред энергично кивнул.

- Продолжай, па, продолжай!

Когда Лотар дошел до описания первого сражения, в котором отряды Янни Смэтса разгромили повстанцев с помощью пулеметов и артиллерии, глаза мальчика затуманились печалью.

- Но вы сражались как демоны, правда, па?

– Мы сражались как безумные, но их было слишком много, к тому же у них имелись большие пушки и пулеметы. Потом твоего дедушку ранили в живот, я посадил его на свою лошадь и увез с поля боя.

Когда Лотар сказал это, на глазах мальчика заблестели крупные слезы.

– Когда твой дед уже умирал, он дал мне старую черную Библию, из седельной сумки, на которой лежала его голова, и заставил меня поклясться на этой книге.

- Я знаю эту клятву! – воскликнул Манфред. – Позволь мне произнести ее.

- В чем заключалась клятва? – кивнул Лотар.

– Дедушка сказал: «Пообещай мне, сын мой, пообещай, положив руку на эту книгу, что война с англичанами никогда не закончится».

– Да. – Лотар снова кивнул. – Такой была клятва, торжественная клятва, которую я дал отцу, когда он находился при смерти.

Лотар взял руку мальчика и крепко ее сжал.

Их настроение разрушил старый да Сильва; он откашлялся и сплюнул через окно рулевой рубки.

- Постыдился бы ты – набиваешь голову ребенку ненавистью и смертью, – сказал он.

Лотар резко встал.

- Придержи язык, старик, – предостерег он. – Это не твое дело.

– Спаси нас Пресвятая Дева, – проворчал да Сильва, – потому что это воистину дьявольское дело.

Лотар нахмурился и отвернулся от него.

– Манфред, на сегодня достаточно. Убери книги.

Он выбрался из рулевой рубки и поднялся на ее крышу. Удобно устроившись на комингсе, он достал из нагрудного кармана длинную черную сигару и откусил ее кончик. Потом сплюнул через борт и похлопал по карманам в поисках спичек.

Мальчик высунулся над краем комингса, нерешительно помедлил, но когда отец не ото-слал его прочь – иногда Лотар пребывал в таком угрюмом настроении, что предпочитал оди-ночество, – Манфред пристроился рядом с ним.

Лотар прикрыл ладонями огонек спички и глубоко вдохнул дым сигары, а потом поднял спичку, позволяя ветру загасить ее. Он бросил ее в воду и небрежно опустил руку на плечо сына.

Мальчик даже вздрогнул от восторга; физическое проявление привязанности со стороны отца было редкостью, и он прижался к Лотару и сидел как можно более неподвижно, почти не дыша, боясь испортить момент.

Небольшой флот шел к суше, обогнув острый северный мыс. Морские птицы следовали за судами, целые эскадры олушей с желтыми шеями неслись низко над зеленой водой, и заходящее солнце золотило их и зажигало светом на фоне высоких бронзовых дюн, встававших словно горные хребты за крошечным, почти незаметным скоплением строений на краю залива.

– Надеюсь, у Уиллема хватило ума, чтобы затопить бойлеры, – пробормотал Лотар. – Нам придется хорошо поработать, чтобы завод не стоял всю ночь и весь завтрашний день.

– Нам никогда не законсервировать всю эту рыбу, – прошептал мальчик.

– Нет, мы большую часть превратим в рыбий жир и рыбный корм. . .

Лотар внезапно умолк и пристально всмотрелся вперед, через залив. Манфред почув-ствовал, как напряглось тело отца, а потом, к разочарованию мальчика, Лотар убрал руку с плеча сына и прикрыл ладонью глаза от солнца.

– Чертов дурак, – проворчал он.

Зрение охотника позволило ему рассмотреть далекие дымовые трубы заводской бойлер-ной. Дым из них не шел.

– Чем он, черт побери, занимается? – Лотар резко встал и легко приспособился к качке движущегося траулера. – Он позволил бойлерам остыть! Теперь потребуется пять или шесть часов, чтобы снова их разжечь, а наша рыба уже начнет портиться! Черт бы его побрал, чтоб он катился к черту!

Кипя яростью, Лотар быстро ушел в рулевую рубку. Дернув шнур сирены, чтобы преду-предить людей на заводе, он пробормотал:

– На деньги за эту рыбу я намереваюсь купить одну из этих новинок, коротковолновое радио Маркони, чтобы мы могли говорить с заводом, находясь в море; тогда такого не случится.

Он умолк ненадолго, всматриваясь вперед.

– Что там происходит, черт побери?

Он схватил бинокль, лежавший рядом с приборным щитком, и настроил его. Суда уже подошли к берегу достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть небольшую толпу людей у главного входа на завод. Чистильщики рыбы и рабочие консервной линии стояли там в своих резиновых фартуках и сапогах. А им следовало находиться на заводе, на своих местах.

– И Уиллем там. . .

Управляющий завода стоял на краю длинного деревянного разгрузочного причала, выхо-дившего в спокойные воды залива на мощных тиковых сваях.

– Что он там затеял. . . бойлеры холодные, люди болтаются снаружи. . .

По сторонам от Уиллема стояли двое незнакомцев. Они были одеты в темные костюмы и вид имели важный и надутый; они явно походили на тех мелких чиновников, которых Лотар хорошо знал и страшился.

– Сборщики налогов или еще какие-то чинуши, – прошептал он, и его гнев утих, сменившись беспокойством.

Никогда еще прислужники властей не приносили ему ничего хорошего.

– Неприятности, – догадался он. – И именно теперь, когда у меня тысяча тонн рыбы, которую нужно переработать и законсервировать...

А потом он заметил автомобили. Их скрывали заводские строения, пока да Сильва не повернул в главный фарватер, которым траулеры подходили к разгрузочному причалу. Две машины. Одна была старым потрепанным «фордом», но вторая... Хотя ее и покрыла светлая тонкая пыль пустыни, выглядела она потрясающе величественно. И Лотар почувствовал, как у него на мгновение остановилось сердце, а дыхание изменилось.

Во всей Африке не нашлось бы второй подобной машины. Это был тяжеловесный «даймлер», желтый, как нарцисс. Когда Лотар видел его в последний раз, он стоял перед конторой компании Кортни на главной улице Виндхука.

Лотар как раз шел туда, чтобы обсудить вопрос продления срока ссуды. Он остановился на противоположной стороне широкой и пыльной немощеной улицы и наблюдал, как она спустилась по широким мраморным ступеням, сопровождаемая двумя подобострастными служащими в темных костюмах и высоких целлулоидных воротничках; один из них поспешил открыть перед ней дверцу великолепной желтой машины и с поклоном помог сесть на водительское сиденье, а второй обежал автомобиль, чтобы взяться за заводную рукоятку. Презирая шоферов, она водила машину сама. Она даже не взглянула в сторону Лотара и уехала, оставив его бледным и дрожащим от противоречивых чувств, вызванных одним лишь ее видом. Это произошло почти год назад.

Лотар взял себя в руки, когда да Сильва подвел тяжело нагруженный траулер к причалу. Они так низко сидели на воде, что Манфреду пришлось бросить вверх носовой линь одному из тех, кто стоял на причале над ними.

– Лотар, эти люди... они хотят поговорить с тобой! – крикнул сверху Уиллем.

Он, потея, нервно ткнул большим пальцем в сторону одного из тех чинуш, что стояли рядом с ним.

– Вы мистер Лотар де ла Рей? – спросил незнакомец пониже ростом, сдвигая пыльную фетровую шляпу на затылок и вытирая узкий бледный лоб.

– Верно. – Лотар уставился на мужчину, уперев сжатые кулаки в бока. – А вы кто такой, черт побери?

– Вы владелец Южно-Африканской компании рыболовства и консервирования?

– Да!¹ – ответил Лотар. – Я владелец, и в чем дело?

– Я судебный исполнитель Виндхука, и у меня предписание о наложении ареста на все имущество компании.

Судебный исполнитель помахал бумагой, которую держал в руке.

– Они закрывают завод! – с отчаянием крикнул Лотару Уиллем. – Они заставили меня погасить мои бойлеры!

– Вы не можете этого сделать! – рявкнул Лотар, и его глаза сузились, сверкнув желтым огнем, как глаза разъяренного леопарда. – У меня тысяча тонн рыбы для переработки!

– Эти четыре траулера зарегистрированы на имя компании? – продолжил исполнитель, не обратив внимания на вспышку гнева.

Тем не менее он расстегнул темный пиджак и сдвинул его полы назад, положив руки на бедра. Тяжелый револьвер Уэбли висел на его поясе в кожаной кобуре. Мужчина повернул голову, наблюдая, как другие траулеры встают на свои места по обе стороны причала, а потом, не дожидаясь ответа Лотара, спокойно продолжил:

¹ Да! (африкаанс)

– Мой помощник опечатает их и их груз. Я должен предупредить вас, что попытаться увести суда или груз – уголовное преступление.

– Вы не можете так обойтись со мной!

Лотар стремительно поднялся по трапу на причал. Его тон уже не был таким воинственным.

– Я должен переработать рыбу! Вы что, не понимаете? Она же провоняет жутко к завтрашнему утру...

– Это не ваша рыба. – Исполнитель покачал головой. – Она принадлежит «Компании Кортни по разработкам месторождений и финансированию».

Он нетерпеливо махнул рукой в сторону своего помощника:

– Принимайтесь за дело.

И начал отворачиваться.

– Она ведь здесь? – спросил Лотар, и исполнитель снова повернулся к нему.

– Она здесь, – повторил Лотар. – Это ее машина. Она приехала лично, так?

Исполнитель опустил взгляд и пожал плечами, но Уиллем ответил за него:

– Да, она здесь... ждет в моем кабинете.

Лотар быстро зашагал по причалу; его тяжелые промасленные штаны шуршали, кулаки по-прежнему были сжаты, словно он собирался драться.

Взбудораженные рабочие ждали его у конца причала.

– Что происходит, баас?² – взволнованно спрашивали они. – Нам не разрешают работать. Что нам делать, оу баас?³

– Ждите! – коротко бросил им Лотар. – Я с этим разберусь.

– А мы получим деньги, баас? У нас дети...

– Вам заплатят! – резко бросил Лотар. – Это я обещаю.

Такое обещание он не мог сдержать, пока не продаст рыбу. Он протолкался сквозь толпу и быстро обогнул угол здания, направляясь к конторе управляющего.

«Даймлер» стоял перед дверью, а к крылу большой желтой машины прислонился какой-то мальчик. Его вид говорил о том, что он недоволен и ему скучно. Он был, пожалуй, на год старше Манфреда, но на дюйм или около того ниже ростом, более худощавый и стройный. На нем была белая рубашка, слегка смявшаяся от жары, а дорогие оксфордские штаны из серой фланели пропылились и выглядели слишком модными для мальчика его возраста, но при этом он держался непринужденно, и он был хорош собой, как девочка, с безупречной кожей и темно-синими глазами.

Лотар остановился, увидев его, и, не успев осознать, произнес:

– Шаса!

Мальчик мгновенно выпрямился и смахнул со лба темные волосы.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – спросил он.

Несмотря на его тон, темно-синие глаза вспыхнули любопытством, когда он рассматривал Лотара со спокойной, почти взрослой уверенностью в себе.

Лотар мог бы дать ему добрую сотню ответов, и они вертели у него на языке: «Когда-то, много лет назад, я спас тебя и твою мать от смерти в пустыне... Я возил тебя на своем седле, когда ты был младенцем... Я любил тебя почти так же, как некогда любил твою мать... Ты брат Манфреда – ты единокровный брат моего сына... Я бы узнал тебя где угодно, даже через много лет...»

Но вместо этого он сказал:

² Начальник, хозяин (*африкаанс*).

³ Старший хозяин (*африкаанс*).

– «Шаса» на языке бушменов значит «хорошая вода», а это самое драгоценное, что есть в их мире.

– Верно, – кивнул Шаса Кортни.

Этот человек заинтересовал его. В нем ощущались сдержанная жестокость, грубость и скрытая сила, а его глаза были до странности светлыми, почти желтыми, как кошачьи.

– Да, вы правы. Это бушменское имя, но мое христианское имя – Мишель. Оно французское. Моя мама – француженка.

– Где она? – довольно резко спросил Лотар.

Шаса посмотрел на дверь конторы.

– Она не хочет, чтобы ее беспокоили, – понизив голос, предупредил он.

Но Лотар де ла Рей прошел мимо него – так близко, что Шаса почуял рыбный запах и заметил мелкие белые чешуйки, прилипшие к загорелой коже.

– Вам бы лучше постучать...

Лотар не обратил внимания на его слова и распахнул дверь конторы с такой силой, что она качнулась обратно на петлях, ударившись о стену. Он остановился в дверном проеме, и Шаса мимо него заглянул внутрь.

Его мать встала со стула с прямой спинкой, что стоял у окна, и повернулась к двери.

Она была стройной, как девушка, желтый китайский креп ее платья облегал ее маленькую, по-модному сжатую грудь и собирался волнами над узким поясом, повязанным низко на бедрах. Ее шляпка-колокол с маленькими полями была надвинута на лоб, скрывая густые темные волосы, а огромные глаза казались почти черными.

Выглядела она очень молодо, ненамного старше своего сына, пока не вскинула голову и не показала четкую, решительную линию подбородка, одновременно приподнялись уголки ее глаз и в темных глубинах вспыхнул медовый свет. Теперь она стала грознее, чем любой из опасных мужчин, встречавшихся Лотару.

Они смотрели друг на друга, оценивая перемены, внесенные временем со дня их последней встречи.

«Сколько же ей лет? – пытался сообразить Лотар, но тут же вспомнил. – Она родилась через час после полуночи в первый день века. Ей столько же, сколько самому двадцатому веку, – вот почему ее назвали Сантэн. Значит, тридцать один... а на вид все еще девятнадцать, как в тот день, когда я нашел ее, истекающую кровью в пустыне, где когти льва изодрали ее нежную юную плоть».

«А он постарел, – думала Сантэн. – Серебряные пряди в светлых волосах, морщины вокруг рта и глаз... Ему сейчас должно быть около сорока, и он много страдал... но недостаточно. Я рада, что не убила его, рада, что моя пуля не угодила ему в сердце. Это было бы слишком просто. А теперь он в моей власти, и он начнет понимать...»

И тут, совершенно против собственной воли и намерений, она вспомнила ощущение его золотистого тела на своем, обнаженного, гладкого и твердого, и ее бедра сжались, а потом расслабились, так что она почувствовала прилив мягкого жара, такого же горячего, как кровь, бросившаяся к ее щекам, и как ее гнев на саму себя и на собственную неспособность справиться с этой животной частью своих эмоций. Во всем остальном она тренировала себя как атлет, но вот эта неуправляемая чувствительность оставалась вне ее власти.

Она посмотрела на дверь за спиной мужчины и увидела Шасу, стоявшего снаружи в солнечном свете, свое прекрасное дитя, с любопытством наблюдавшее за ней, и устыдилась и разочлилась из-за того, что оказалась захваченной врасплох в тот момент, когда, как она была уверена, выплеснулись наружу ее самые низменные чувства.

– Закрой дверь! – приказала она, и ее голос прозвучал ровно, хотя и хрипло. – Войди и закрой дверь.

Она отвернулась и устремила взгляд в окно, снова беря себя в руки, перед тем как повернуться лицом к человеку, которого решила уничтожить.

Дверь захлопнулась, и Шаса испытал острый укол разочарования. Он чувствовал, что происходит нечто жизненно важное. Этот светловолосый незнакомец с желтыми кошачьими глазами, знавший его имя и его происхождение, что-то затронул в нем, что-то опасное и волнующее. И еще реакция его матери, этот внезапный прилив румянца на ее щеки и щеках и нечто такое в ее глазах, чего он никогда не видел прежде... это же не чувство вины, правда? Значит, неуверенность, что было ей совершенно несвойственно... Она никогда не испытывала неуверенности относительно чего бы то ни было, это Шаса знал. Ему отчаянно захотелось узнать, что происходит за закрытой дверью. Стены строения были сделаны из рифленого оцинкованного железа...

«Если хочешь что-то узнать, пойди и узнай!» – таким было одно из любимых изречений его матери, и когда Шаса обходил угол конторского строения, его смущало лишь то, что она может застать его за этим делом; он ступал осторожно, чтобы гравий не хрустел под его ногами. А потом он прижался ухом к нагретому солнцем волнистому металлу.

Но как он ни напрягал слух, изнутри доносился лишь неотчетливый гул голосов. Даже когда незнакомец заговорил резко, Шаса не мог разобрать слов, а голос его матери и вовсе звучал низко, хрипло, почти неслышно.

«Окно!» – подумал мальчик и быстро подошел к углу. Обогнув его в стремлении подслушать, он вдруг стал объектом внимания сразу пятидесяти пар глаз. Управляющий заводом и его оставшиеся не у дел рабочие все еще топтались у входа; сразу умолкнув, они уставились на мальчика, появившегося из-за угла.

Шаса вскинул голову и повернул в сторону от окна. Но они продолжали наблюдать за ним, поэтому он, сунув руки в карманы оксфордских штанов, искусно изображая безразличие, не спеша зашагал к длинному деревянному причалу, как будто изначально именно это и планировал. То, что происходило в конторе, теперь стало недостижимым для него, разве что потом он сумеет вытянуть что-то у матери, хотя Шаса полагал, что на это вряд ли можно всерьез надеяться. Потом он вдруг заметил четыре траулера, стоящие у причала; каждое судно сидело на воде очень низко под весом серебряного груза, и разочарование Шасы слегка утихло. Это было нечто такое, что могло нарушить монотонность этого жаркого и унылого пустынного дня, и Шаса прибавил шагу, идя по бревнам причала. Любые суда всегда его зачаровывали.

А это зрелище и вовсе являлось чем-то новым и волнующим. Он никогда не видел такого количества рыбы, – должно быть, ее здесь были тонны. Он поравнялся с первым траулером. Тот был грязным и уродливым, на его бортах виднелись следы человеческих экскрементов там, где команда присаживалась у поручней, и траулер вонял мазутом и немывтыми телами людей, живших в тесных каютах. У траулеров даже имен не оказалось – только номера регистрации и лицензии были написаны на потрепанных волнами носах.

«Судно должно иметь название, – подумал Шаса. – Это оскорбительно – не дать ему имя, и это ведет к неудаче». Его собственная яхта длиной в двадцать пять футов, подаренная ему матерью на тринадцатый день рождения, называлась «Печать Мидаса» – это имя предложила его мать.

Шаса наморщил нос, почуяв запах траулера, и ему стало неприятно и грустно видеть такое состояние судна.

«Если мама из-за этого гнала сюда от Виндхука...»

Шаса не успел додумать эту мысль, потому что из-за высокой угловатой рулевой рубки вышел какой-то мальчик.

На нем были заплатанные шорты из грубой холстины, босые ноги были загорелыми и мускулистыми, и он легко балансировал на комингсе.

Заметив друг друга, оба мальчика насторожились и замерли, как два неожиданно встретившихся пса. Они молча изучали друг друга взглядом.

«Денди, модный парень», – подумал Манфред.

Он видел одного или двух похожих во время своих с отцом нечастых визитов в курортный городок Свакопмунд на побережье. Дети богатых людей одевались в нелепую неудобную одежду, послушно вышагивали за своими родителями с раздражающе высокомерным видом. «Да уж, посмотреть только на его волосы, – насмешливо думал Манфред. – Блестят, словно их бриллиантом смазали, а пахнет просто как букет цветов!»

«Один из этих бедных белых африканеров, – думал при этом Шаса. – Сын скваттера». Мать категорически запрещала ему играть с такими детьми, но он понял, что с некоторыми из них очень весело. Конечно, их притягательность усиливалась из-за запрета матери. Один из сыновей старшего механика на их руднике умел подражать птичьим голосам с такой изумительной точностью, что мог заставить птиц спускаться с деревьев, и он показал Шасе, как ставить карбюратор и свечи на их старый «форд», которым мать позволяла сыну пользоваться, хотя из-за юного возраста он еще не мог получить водительские права. А старшая сестра того мальчика, на год старше Шасы, показала ему нечто еще более замечательное, когда они на руднике уединились на несколько запретных мгновений за насосной станцией. Она даже позволила мальчику потрогать это, и это было теплым, мягким и пушистым, как новорожденный котенок, свернувшийся под ее короткой хлопковой юбкой, – самое замечательное переживание, которое Шаса намеревался повторить при первой же новой возможности.

Но и этот мальчик казался интересным, и, возможно, он мог бы показать Шасе моторный отсек траулера. Шаса оглянулся на завод. Мать не следила за ним, и он вознамерился проявить великодушие.

– Привет!

Он улыбнулся, сделав рукой царственный жест. Его дед, сэр Гарри Кортни, самый важный мужчина в жизни Шасы, всегда убеждал его: «По праву рождения ты занимаешь высокое положение в обществе. Это не только дает тебе преимущества и привилегии, но и возлагает на тебя обязанности. Настоящий джентльмен всегда вежлив и любезен с теми, кто ниже его по статусу, будь то черные или белые, молодые или старые, мужчины или женщины».

– Я Кортни, – сообщил Шаса. – Шаса Кортни. Мой дед – сэр Гарри Кортни, а мать – миссис Сантэн де Тири-Кортни.

Он ожидал выражения почтения, обычно вызываемого этими именами, но, когда ничего такого не заметил, продолжил, несколько сбившись:

– А тебя как зовут?

– Меня зовут Манфред, – ответил мальчик на африкансе и слегка вскинул густые черные брови над янтарными глазами.

Брови были настолько темнее его светлых волос, что казались покрашенными.

– Манфред де ла Рей, и мой дед, и мой двоюродный дедушка, и мой отец – тоже де ла Рей, и они всегда выбивали дух из англичан, если с ними встречались.

Шаса покраснел при этой неожиданной атаке и уже собирался повернуть назад, когда заметил старика, склонившегося к окну рулевой рубки и наблюдавшего за ними, и двух цветных матросов, что вышли из носового кубрика. Теперь он не мог отступить.

– Мы, англичане, победили в войне и в четырнадцатом году разгромили бунтовщиков, – огрызнулся он.

– «Мы!» – повторил Манфред и повернулся к зрителям. – Этот маленький надушенный джентльмен выиграл войну!

Матросы одобрительно загоготали.

– Понюхайте его, – продолжал Манфред, – его бы следовало назвать Лили – Лили, надушенный солдатик!

Манфред повернулся к Шасе спиной, и только теперь Шаса сообразил, что мальчик выше его на добрый дюйм, а руки у него пугающе мускулистые и загорелые.

– Так ты англичанин, Лили, да? Тогда ты должен жить в Лондоне, ведь так, сладкий Лили?

Шаса никак не ожидал, что бедный белый мальчик окажется таким красноречивым, а его остроумие – настолько язвительным. Обычно в любом разговоре главенствовал Шаса.

– Конечно я англичанин, – рассерженно подтвердил он, ища достаточно находчивый ответ, который положил бы конец обмену репликами и позволил бы ему с честью выйти из ситуации, над которой он быстро терял контроль.

– Значит, ты должен жить в Лондоне, – настаивал Манфред.

– Я живу в Кейптауне.

– Ха! – Манфред повернулся к зрителям, число которых уже увеличилось.

Темный Хендрик сошел со своего траулера на причал, а вся команда собралась у поручней.

– Так вот почему их называют *soutpiel*! – громко произнес Манфред.

Матросы захохотали, услышав это грубое выражение. Манфред никогда не произнес бы таких выражений в присутствии отца. Это означало «соленый хрен», и Шаса покраснел и инстинктивно сжал кулаки при оскорблении.

– *Soutpiel* стоит одной ногой в Лондоне, а другой в Кейптауне, – с удовольствием пояснил Манфред. – А его мотня болтается посреди старого соленого Атлантического океана.

– Ты возьмешь свои слова обратно!

От гнева Шаса не мог найти достойного ответа. С ним еще никогда ни один из низших не разговаривал подобным образом.

– Взять обратно – ты имеешь в виду вроде того, как ты оттягиваешь назад свою соленую крайнюю плоть? Ну, когда ты развлекаешься? Ты это хотел сказать? – спросил Манфред.

Аплодисменты команды сделали его безрассудным, и он подошел ближе к мальчику, стоявшему высоко на причале, оказавшись прямо под ним.

Шаса прыгнул на него без предупреждения, Манфред не ожидал этого так скоро. Он предполагал обменяться еще несколькими оскорблениями, прежде чем они реально столкнутся.

Шаса упал с высоты в шесть футов и ударил по Манфреду всем весом своего тела и своей ярости. Воздух с шипением вылетел из легких Манфреда, и мальчики полетели прямо в трясину мертвой рыбы.

Они перекатились в сторону, и тут Шаса потрясенно почувствовал силу другого мальчика. Его руки были твердыми как бревна, а пальцы казались железными крюками мясника, когда они впились в лицо Шасе. Лишь внезапность и то, что Манфред на миг задохнулся, спасло Шасу от мгновенного унижения, и он запоздало вспомнил наставления своего тренера по боксу Джока Мёрфи.

«Никогда не позволяй более крупному противнику втягивать тебя в ближний бой. Держи его на расстоянии. На расстоянии вытянутой руки».

Манфред старался провести захват Нельсона, мальчики барахтались в холодной рыбной массе. Шаса выбросил вперед правое колено и, пока Манфред в ярости напирал на него, ударил его в грудь. Манфред задохнулся и отшатнулся, но потом, когда Шаса попытался откатиться в сторону, тут же снова бросился вперед. Шаса ушел от удара, направленного в его голову, и правой рукой заставил локоть Манфреда разорвать захват, а потом, как учил его Джок, вывернулся в образовавшееся пространство. Ему помогла скользкая рыба, прилипшая к его шее, и то, что рука Манфреда скользила в ней, как в масле, – и в то самое мгновение, как он высвободился, он тут же ударил противника кулаком левой руки.

Джок неустанно тренировал его в приемах ближнего боя и прежде всего учил короткому прямому удару левой рукой. «Джеб – самый важный и эффективный удар, какой ты только можешь использовать».

Этот удар обычно получался у Шасы не лучшим образом, но все же он ударил другого мальчика в глаз вполне крепко, и голова у того откинулась назад, что отвлекло его на время, достаточное для того, чтобы Шаса вскочил на ноги и отпрыгнул.

К этому моменту причал над ними заполнила целая толпа цветных матросов с траулеров – в резиновых сапогах и синих свитерах с высокими воротами. Они ревели от восторга и возбуждения, подстрекая мальчиков, словно те были парой боевых петухов.

Смаргивая слезы с распухшего глаза, Манфред бросился на Шасу, но рыба, налипшая на его ноги, замедлила его движения, и тут последовал новый удар. Никаких предупреждений; просто резко и неожиданно, снова ужалив в поврежденный глаз, и Манфред взревел от ярости и ринулся на более легкого мальчика.

Шаса поднырнул под его руку и снова пустил в дело левый кулак, точно так, как учил его Джок.

«Никогда не предупреждай противника о своих намерениях движением плеч или головы, – звучал в голове Шасы голос Джок, – просто бей рукой».

Шаса ударил Манфреда в рот, и тут же на губах Манфреда, сплюсвившихся о зубы, выступила кровь. Вид крови противника привел Шасу в восторг, а громкий рев толпы зрителей вызвал в нем глубинный примитивный отклик. Он снова пустил в ход левую, врезав кулаком по покрасневшему распухшему глазу.

«Когда достанешь его, – снова зазвучал голос Джок, – продолжай бить в ту же точку».

Манфред опять закричал, но на этот раз в его голосе вместе с бешенством звучала боль. «Действует!» – восторгался Шаса.

Но в этот момент он налетел спиной на рулевую рубку, и Манфред, увидев, что его противник загнан в угол, ринулся на него через скользкую рыбу, широко раскинув руки, победоносно ухмыляясь полным крови ртом; его зубы окрасились в яркий розовый цвет.

В панике Шаса опустил плечи, на мгновение уперся в бревно рубки и тут же бросился вперед, метя макушкой головы в живот Манфреда.

Манфред снова лишился дыхания, и на несколько неловких мгновений они словно сплелись воедино в мешанине сардин; Манфред старался вдохнуть и не мог ухватить скользкие руки противника. Потом Шаса вывернулся и наполовину пополз, наполовину поплыл сквозь рыбу к основанию приставной деревянной лестницы, ведущей на причал, и заполз на нее.

Толпа хохотала и издевательски ухала, когда он сбежал, а Манфред пытался его поймать, выплевывая кровь и рыбу чешую из разбитого рта; его грудь тяжело вздымалась, легкие с трудом наполнялись воздухом.

Шаса уже одолел половину лестницы, когда Манфред схватил его за лодыжку и оторвал обе его ноги от ступенек. Шаса повис, вытянувшись под весом более тяжелого мальчика, как осужденный на дыбе, и отчаянно цеплялся за верхние ступени, и цветные лица рыбаков находились уже в нескольких дюймах от него, когда они наклонялись с причала и ревели во все горло, подбодряя своего.

Свободной ногой Шаса отбивался, и его пятка угодила в распухший глаз Манфреда. Тот взвыл и отпустил ногу, а Шаса вскарабкался на причал и огляделся с диким видом. Его боевой задор угас, он дрожал.

Путь к спасению лежал по причалу, и Шаса страстно желал им воспользоваться. Но мужчины вокруг хохотали и свистели, и гордость не позволила ему это сделать. Шаса обернулся и с приступом смятения, таким сильным, что его едва не затошнило, увидел, что Манфред уже взобрался наверх.

Шаса толком не понимал, как он ввязался в эту драку или в чем был ее смысл, и ему отчаянно хотелось выпутаться из этого положения. Но это не представлялось возможным, этому мешали все его воспитание и обучение. Он попытался остановить дрожь, когда снова поворачивался лицом к Манфреду.

Более крупный мальчик тоже дрожал, но не от страха. Его лицо распухло и побагровело от убийственной ярости, он бессознательно шипел сквозь окровавленные губы. Его пострадавший глаз уже наливался пурпуром, превращаясь в узкую щелку.

– Убей его, кляйн басы!⁴ – кричали цветные рыбаки. – Пришиби его, маленький хозяин!

Их насмешки заставили Шасу собраться с силами. Он глубоко вздохнул и встал в классическую боксерскую позицию, выдвинув вперед левую ногу и держа кулаки перед лицом.

«Постоянно двигайся», – услышал он очередной совет Джока и начал пританцовывать на месте.

– Посмотрите на него! – закричали в толпе. – Он воображает себя Джеком Демпси! Он хочет с тобой потанцевать, Мани! Покажи ему вальс Китового залива!

Однако Манфред был обескуражен отчаянной решимостью в темно-синих глазах и побелевшими костяшками левого кулака Шасы. Он начал кружить вокруг него, шипя угрозы:

– Я вырву тебе руку и засуну в твою глотку. Я заставлю твои зубы выйти из твоей задницы маршем, как солдаты.

Шаса моргал, но сохранял бдительность, медленно поворачиваясь лицом к Манфреду. Хотя оба промокли и блестели от рыбьей слизи, а их волосы слиплись от студенистой массы и покрылись чешуйками, в мальчиках не осталось ничего смешного или детского. Это был хороший бой, а обещал стать еще лучше, и зрители постепенно замолчали. Сверкая глазами, словно волчья стая, они приблизились, наблюдая за неравными противниками.

Манфред сделал ложный выпад влево, а затем атаковал и бросился сбоку. Он был очень быстр, несмотря на свой рост и крепость ног и плеч. Он низко опустил белокурую голову, черные изогнутые брови подчеркивали свирепость его хмурого взгляда.

Шаса по сравнению с ним казался почти по-девичьи хрупким. Руки у него были бледные и тонкие, а ноги в промокших серых фланелевых брюках казались слишком длинными и худыми, но двигался он хорошо.

Он уклонился от атаки Манфреда и, ускользая, снова нанес удар левой. Зубы Манфреда громко стукнули от удара, голова откинулась назад, и он чуть не упал, удержавшись на пятках.

Толпа вопила:

– Vat hom⁵, Мани! Хватай его!

Манфред снова бросился вперед и нанес мощный удар с разворота в гладкое бледное лицо Шасы.

Шаса поднырнул под удар и в тот момент, когда инерция заставила Манфреда потерять равновесие, неожиданно и больно ударил левым кулаком в фиолетовый опухший глаз.

Манфред прижал руку к глазу и зарычал:

– Дерись как следует, ты, soutie, мошенник!

– Да! – раздался голос из толпы. – Перестань убегать. Стой и сражайся как мужчина.

И тут Манфред сменил тактику. Вместо того чтобы делать ложные выпады или уходить от удара, он продолжал идти прямо на Шасу, работая обеими руками в жутком механическом ряде ударов. Шаса отступал, пригибаясь, раскачиваясь и уворачиваясь, уходя от кулаков противника, и продолжал бить левой, но Манфред безжалостно преследовал его, как будто привыкнув к боли от новых ударов по разбитому рту и распухшему глазу, словно не чувствуя их, – он не менял ритма и не прекращал атаку.

⁴ Маленький хозяин (*африкаанс*).

⁵ Хватай его, сделай его (*африкаанс*).

Его загорелые кулаки, затвердевшие от работы с лебедкой и сетью, скользили по волосам Шасы, когда тот пригибался, или проносились мимо лица, когда Шаса отскакивал назад. Потом последовал скользкий удар в висок, и Шаса прекратил попытки контратаки, стараясь просто держаться подальше от этих молотящих кулаков, и ноги под ним уже начали неметь и тяжелеть.

Манфред не знал усталости, он безжалостно напирал, и отчаяние вкупе с утомлением замедлили движение ног Шасы. Кулак врезался в его ребра, он хрюкнул, пошатнулся и тут же увидел, как другой кулак летит ему в лицо. Он не мог избежать удара, его ноги словно завязли в ведрах с патокой, и он просто схватил руку Манфреда и со всей силой повис на ней. Этого и добивался Манфред, который другой рукой обхватил шею Шасы.

– Ну вот, я тебя достал, – пробормотал он сквозь распухшие окровавленные губы, заставляя Шасу согнуться пополам и зажимая его голову под своей левой рукой.

Он замахнулся правой рукой и нанес врагу жестокий апперкот.

Шаса скорее ощутил, чем увидел, этот летящий кулак и извернулся так бешено, что ему показалось, будто его шея сейчас сломается. Но он сумел принять удар верхушкой лба, а не всем незащищенным лицом. От силы удара все его тело, от черепа до нижней части позвоночника, словно пронзило железным копьём. Шаса знал, что второго такого удара ему не выдержать.

Перед его расплывшимся взглядом возник край причала, и Шаса использовал все остатки своих сил, чтобы подтолкнуть их обоих к этому краю вплотную. Манфред не ожидал, что его пихнут в этом направлении, и уперся ногами в бревна с расчетом на другую сторону толчка. Он не устоял, и оба они полетели вниз, на заваленную рыбой палубу траулера в шести футах под ними.

Шаса оказался прижатым телом Манфреда, его голова оставалась в тисках, и он мгновенно погрузился в выбучий песок серебряных сардин. Манфред попытался еще раз ударить его в лицо, но его кулак завяз в мягком слое рыбы, покрывшем голову Шасы. Он оставил попытки и просто навалился всем весом на шею Шасы, заталкивая его голову все глубже и глубже в рыбу.

Шаса начал тонуть. Он пытался крикнуть, но дохлая сардина скользнула в его открытый рот и застряла в горле. Он брыкался и отбивался обеими руками, извивался изо всех оставшихся сил, но его голова безжалостно уходила вглубь. Рыба, попавшая в горло, душила его. Его голова наполнилась тьмой и звуком, похожим на вой ветра, заглушив жестокий хор голосов на причале, его сопротивление слабело, пока он наконец уже не начал едва заметно шевелить руками и ногами.

«Я умираю, – подумал он с неким отстраненным любопытством. – Я тону...»

И мысли покинули его вместе с сознанием.

– Ты явилась сюда, чтобы уничтожить меня! – обвиняющим тоном заявил Лотар де ла Рей, прислонившись к закрытой двери. – Ты проделала весь этот путь только для того, чтобы увидеть, как это произойдет, и позлорадствовать!

– Ты льстишь себе, – с презрением ответила Сантэн. – Ты лично мне не слишком интересен. Я приехала, чтобы защитить собственные значительные вложения. Я приехала ради пятидесяти тысяч фунтов плюс накопленные проценты.

– Если это правда, почему бы тебе не позволить мне отправить улов на завод? У меня там тысяча тонн! К закату завтрашнего дня я могу превратить ее в пятьдесят тысяч фунтов.

Сантэн нетерпеливо вскинула руку, останавливая его. Кожа на этой руке загорела до цвета кофе с молоком, что контрастно подчеркивало серебристо-белый бриллиант длиной в верхний сустав ее указательного пальца, направленного на Лотара.

– Ты живешь в выдуманном мире! – заявила она. – Твоя рыба ничего не стоит. Никому она не нужна – ни по какой цене, и уж точно не за пятьдесят тысяч фунтов.

– Она стоит этого – рыбный корм и консервы...

Сантэн снова жестом попросила его замолчать.

– Склады по всему миру забиты непроданными товарами. Неужели ты этого не понимаешь? Ты что, газет не читаешь? Разве ты не слушаешь беспроводное радио у себя в пустыне? Эта рыба ничего не стоит, даже тех денег, в которые обойдется ее переработка!

– Это невозможно! – Лотар был разгневан и упрям. – Конечно, я слышал о делах на фондовой бирже, но людям все равно нужно есть!

– Я многое думала о тебе... – Сантэн даже не повышала голос, она говорила с Лотаром как с ребенком. – Но никогда не считала тебя глупцом. Попытайся понять, что в мире происходит сейчас нечто такое, чего никогда не случалось прежде. Коммерция умерла; фабрики по всему миру закрываются; улицы крупных городов забиты легионами безработных.

– Ты используешь это для оправдания своих действий! Ты объявила мне вендетту.

Лотар шагнул к ней. Его губы выглядели снежно-белыми на фоне темного красноватого загара.

– Ты преследуешь меня за какое-то воображаемое преступление, совершенное давным-давно. Ты караешь меня!

– Преступление было реальным. – Сантэн отступила назад, но продолжала смотреть ему в глаза, а голос ее стал низким, ледяным и жестким. – То, что ты совершил, было чудовищно, жестоко и непростительно, но нет такого наказания, которое я могла бы придумать для тебя, чтобы оно соответствовало тому преступлению. Если Бог существует, Он потребует возмездия.

– Дитя, – начал Лотар. – Дитя, которое ты родила для меня в тех диких местах...

Впервые ему удалось пробить ее броню.

– Не смей упоминать при мне о твоём ублюдке! – Сантэн сжала вместе ладони, стараясь остановить дрожь в руках. – Таково условие нашей сделки!

– Это наш сын. Ты не можешь отрицать этот факт. Или ты задумала уничтожить и его тоже?

– Он твой сын! – возразила Сантэн. – Я к нему не имею отношения. Он не влияет на меня или мое решение. Твой завод несостоятелен, он безнадежный, окончательный банкрот. Я не могу даже ожидать возврата своих вложений, я лишь надеюсь вернуть какую-то часть.

Сквозь открытое окно до них донеслись мужские голоса, даже на большом расстоянии звучащие возбужденно и жадно, словно лай борзых, почуявших след. Ни один из них даже не посмотрел в ту сторону; все их внимание было сосредоточено друг на друге.

– Дай мне шанс, Сантэн.

Лотар услышал в собственном голосе умоляющие нотки, и это вызвало у него отвращение. Он никогда ни у кого ничего не просил прежде, ни разу в жизни, но теперь он не мог вынести мысли о том, что снова придется начинать все сначала. И не в первый раз. Дважды война и связанные с ней невзгоды лишали его всего, кроме гордости, храбрости и решимости сражаться и завоевывать. И всегда враги были одними и теми же – британцами с их жадной имперского владычества. Каждый раз он начинал с нуля и трудился, зарабатывая состояние.

На этот раз перспектива его ужасала. Быть сраженным матерью своего собственного ребенка, женщиной, которую он любил – и, да простит его Господь, которую продолжал любить вопреки разуму. Он чувствовал истощение духа и тела. Ему было уже сорок шесть; он больше не имел огромного запаса энергии, свойственного молодому человеку. Ему показалось, что он заметил, как слегка смягчился ее взгляд, словно ее тронула его мольба и она заколебалась.

– Дай мне неделю – всего одну неделю, Сантэн, это все, о чем я прошу, – униженно произнес он, и тут же ему стало ясно, что он неверно ее понял.

Выражение ее лица не изменилось, но по глазам Сантэн он догадался: то, что он принял за сострадание, было отблеском глубокого удовлетворения. Она добила того, чего желала много лет.

– Я говорила тебе, чтобы ты никогда не называл меня по имени, – сказала она. – Я говорила тебе это, когда узнала, что ты убил двух человек, которых я любила так искренне, как никогда никого не любила. Я снова тебе это повторяю.

– Неделя. Всего одна неделя.

– Я уже дала тебе два года.

Теперь она повернулась к окну, не в силах больше игнорировать звуки грубых голосов, как будто где-то там шел кровавый бой быков.

– Одна неделя только увеличит твой долг и принесет мне больше потерь. – Она покачала головой.

Лотар тоже устремил взгляд в окно, и тут ее голос зазвучал резче:

– Что там происходит на причале?

Она оперлась ладонями о подоконник и всмотрелась в даль.

Лотар подошел к ней. На причале столпилось множество людей, и с завода туда спешили бездельничающие рабочие.

– Шаса! – вдруг воскликнула Сантэн, охваченная взрывом материнской интуиции. – Где Шаса?

Лотар с легкостью перепрыгнул через подоконник и помчался к причалу, затем растолкал толпу вопящих мужчин – как раз в тот момент, когда два мальчика раскачивались на краю причала.

– Манфред! – взревел он. – Прекрати! Отпусти его!

Его сын и Шаса сцепились намертво, Манфред зажал голову противника и наносил по ней удары сверху вниз. Лотар услышал, как кулак треснул по черепу Шасы.

– Дурак!

Лотар бросился к ним. Они не слышали его голоса за шумом толпы, и Лотар всерьез испугался за мальчика, понимая, какой будет реакция Сантэн, окажись он ранен.

– Отпусти его!

Но прежде чем он успел добраться до бешено дерущейся парочки, мальчики свалились с края причала.

– Ох, боже мой...

Он слышал, как они ударились о палубу траулера внизу, а к тому времени, когда он добежал до того места и посмотрел вниз, они наполовину скрылись в горах блестящих сардин.

Лотар постарался добраться до приставной лестницы, но там толпились цветные рыбаки, не желавшие пропустить ни единого момента схватки. Он лупил их кулаками, расчищая себе дорогу, отпихивал людей в стороны, а потом наконец очутился на палубе траулера.

Манфред лежал на другом мальчике, удерживая его голову и плечи под массой сардин. Его лицо, искаженное от ярости, покрывали синяки. Он выкрикивал бессвязные угрозы сквозь окровавленные и распухшие губы, а Шаса уже не сопротивлялся. Он наполовину исчез под рыбой, но его туловище и ноги слегка дергались в спонтанных нервных судорогах, как у человека, получившего пулю в голову.

Лотар схватил сына за плечи и попытался оттащить прочь. Это оказалось все равно что стараться разделить пару взбесившихся мастифов, и ему пришлось приложить все свои силы. Он поднял Манфреда и швырнул его к рулевой рубке с такой силой, что разом выбил из него всю воинственность, а потом схватил Шасу за ноги и выдернул из груды мертвых серебристых сардин. Тот выскользнул на поверхность, мокрый и покрытый чешуей. Его глаза были открыты, но закатились, открыв одни белки.

– Ты убил его! – заорал Лотар на сына.

Яростная кровь отхлынула от лица Манфреда, оставив его бледным и дрожащим от потрясения.

– Я не хотел, па... я не...

Из расслабленного рта Шасы торчала рыбина, душившая его, а в ноздрях пузырилась слизь.

– Ты дурак, маленький дурак!

Лотар сунул палец в угол рта ребенка и вытащил сардину.

– Прости, па... я не хотел... – шептал Манфред.

– Если ты убил его, ты совершил самое ужасное преступление в глазах Бога!

Лотар поднял на руки безжизненное тело Шасы.

– Ты убил своего...

Он не произнес фатального слова, успел закусить губы и повернулся к лестнице.

– Я его не убил! – умоляюще убеждал его Манфред. – Он не мертвый! Все будет хорошо, ведь так, па?

– Нет. – Лотар мрачно покачал головой. – Хорошо уже не будет... никогда.

Неся бесчувственного мальчика, он поднялся на причал.

Толпа молча расступилась перед ним. Как и Манфред, люди почувствовали себя пристыженными и виноватыми и не находили в себе сил смотреть Лотару в глаза, когда он проходил между ними.

– Темный Хендрик! – закричал Лотар поверх их голов, обращаясь к высокому чернокожему. – А ты куда смотрел? Ты должен был их остановить!

Лотар миновал причал, и никто не последовал за ним.

На полпути к заводу его ждала на тропе Сантэн Кортни. Лотар остановился перед ней, держа на руках бесчувственное тело мальчика.

– Он умер... – безнадежно прошептала Сантэн.

– Нет! – страстно воскликнул Лотар.

Думать о таком было слишком ужасно, и, словно в ответ, Шаса застонал, и его вырвало.

– Быстрее! – Сантэн шагнула вперед. – Переверни его, положи на плечо, пока он не захлебнулся рвотой!

Держа Шасу, болтавшегося, как заплечный мешок, Лотар бегом преодолел оставшиеся до конторы ярды, и Сантэн мгновенно сбросила все с письменного стола.

– Клади его сюда! – приказала она.

Но Шаса уже слабо зашевелился и попытался сесть. Сантэн поддержала его и вытерла ему рот и нос своим тонким рукавом.

– Это был твой у блюдок! – Она через стол обожгла Лотара яростным взглядом. – Это он сделал такое с моим сыном, да?

Она увидела в его взгляде подтверждение, прежде чем он успел отвернуться.

Шаса закашлялся, выплюнул еще немного желтой рвоты и рыбьей слизи, после чего сразу почувствовал себя лучше. Его взгляд стал осмысленным, дыхание выровнялось.

– Убирайся отсюда! – Сантэн наклонилась над сыном, словно защищая его. – Увижу вас обоих в аду – тебя и твоего выродка. А пока исчезни с моих глаз!

* * *

Путь от Китового залива шел через извилистые долины между огромными оранжевыми дюнами все тридцать километров до конечной станции железной дороги на Свакопмунд. Дюны поднимались по обе стороны на три и четыре сотни футов. Горы песка с острыми как ножи гребнями и гладкими скользкими склонами задерживали между собой пустынную жару.

Дорога представляла собой просто глубокие колеи в песке, отмеченные по обе стороны блестящими стеклами разбитых пивных бутылок. Ни один путник не выезжал сюда без соответствующего запаса питья. Кое-где колеи были разрушены неопытными водителями, незнакомыми с искусством пустынных поездок, – им приходилось вытаскивать свои машины из

упорно державшего их песка, и на этих местах образовывались глубокие ловушки для тех, кто ехал после них.

Сантэн вела машину быстро и резко, не позволяя мотору сбавлять обороты даже на перепашанных участках и ямах, оставленных другими машинами; она направляла большой желтый автомобиль умелыми короткими поворотами руля, так что песок не успевал сбиться в кучи и задержать ее.

Она держала руль хваткой гонщика, отклонившись назад на кожаное сиденье и выпрямив руки, готовая к неожиданным движениям рулевого колеса, внимательно следя за дорогой впереди и угадывая каждую аварийную ситуацию задолго до того, как та возникала, и иногда выезжала в сторону от колеи, чтобы миновать опасный участок. Она презирала даже элементарные предосторожности путешественника, вроде пары черных слуг на заднем сиденье «даймлера» на случай, если придется вытаскивать машину из песчаной ловушки. Но Шаса не помнил такого – чтобы его мать завязла в песке, даже на худших участках дороги к руднику.

Он сидел рядом с ней. На нем была старая, но чистая, только что постиранная рабочая одежда из кладовой консервной фабрики. Его собственный костюм, воняющий рыбой и перепачканный рвотой, лежал в багажнике «даймлера».

Его мать не произнесла ни слова с тех пор, как они выехали с фабрики. Шаса украдкой посматривал на нее, боясь ее сдерживаемого гнева, не желая привлечь к себе внимания, но в то же время вопреки собственной воле не в силах оторвать взгляд от ее лица.

Она сняла шляпку-колокол, и ее густые темные волосы, по последней моде подстриженные «под мальчика», шевелились на ветру и блестели, как антрацит.

– Кто начал? – спросила она наконец, не отводя глаз от дороги.

Шаса немного подумал.

– Я не уверен... Я ударил его первым, но...

Он помолчал. У него все еще болело горло.

– Ну? – резко бросила Сантэн.

– Все как будто было заранее подстроено... Мы посмотрели друг на друга и поняли, что подеремся.

Сантэн промолчала, и Шаса продолжил, запинаясь:

– Он меня обозвал.

– Как именно?

– Я не могу повторить. Это грубо.

– Я спросила – как именно?

Ее голос оставался ровным, но мальчик узнал в материнском тоне хрипловатую предупреждающую нотку.

– Он назвал меня *soutpiel*, – поспешно ответил Шаса.

Он понизил голос и отвернулся, пристыженный таким чудовищным оскорблением, поэтому не мог увидеть, как Сантэн изо всех сил старалась сдержать улыбку и чуть повернула голову, чтобы спрятать искру веселья в глазах.

– Я же сказал, это грубо, – виновато пробормотал Шаса.

– Значит, ты его ударил... а он младше тебя.

Шаса не знал, что он старше мальчишки с траулера, но его не удивило, что об этом знала мать. Она знала все.

– Он, может, и младше, но он здоровенный африканер, просто бык, к тому же дюйма на два выше меня, – попытался оправдаться он.

Сантэн хотелось спросить Шасу, как выглядит другой ее сын. Был ли он светловолос и красив, как его отец? Какого цвета у него глаза? Но вместо того она сказала:

– А потом он поколотил тебя.

– Я почти победил! – упрямо возразил Шаса. – Я подбил ему глаз и разбил в кровь губы. Я почти победил!

– «Почти» не считается, – ответила Сантэн. – В нашей семье мы не побеждаем «почти» – мы просто побеждаем.

Шаса неловко поерзал на сиденье и откашлялся, чтобы облегчить боль в горле.

– Невозможно победить, когда кто-то крупнее и сильнее тебя, – жалобно прошептал он.

– Значит, не нужно схватываться с ним на кулаках, – сказала Сантэн. – Ты не должен бросаться вперед и позволять ему засовывать тебе в горло дохлую рыбу.

Шаса отчаянно покраснел, вспомнив это унижение.

– Ты должен выждать, – продолжала она, – а когда появится шанс, сразиться с ним твоим оружием и на твоих условиях. Ты должен сражаться лишь тогда, когда уверен, что можешь выиграть.

Шаса тщательно обдумал ее слова, рассматривая их так и эдак.

– Ты именно это сделала с его отцом, да? – тихо спросил он.

Сантэн так изумилась его проницательности, что уставилась на сына, а «даймлер» подпрыгнул и вылетел из колеи.

Она быстро выровняла машину, а потом кивнула:

– Да. Я сделала именно это. Видишь ли, мы – Кортни. Нам незачем драться кулаками. Мы сражаемся с помощью власти, денег и влияния. Никто не может нас победить на нашей территории.

Шаса опять умолк, в очередной раз усваивая слова матери, и наконец улыбнулся. Он был так прекрасен, когда улыбался, даже прекраснее, чем был его отец, и сердце Сантэн сжалось от любви к сыну.

– Я запомню это, – сказал он. – И когда встречу с ним в следующий раз, я буду помнить твои слова.

Ни один из них ни на мгновение не усомнился, что два мальчика встретятся снова – а когда это произойдет, они продолжат схватку, начавшуюся в этот день.

Бриз дул с моря, и вокруг стояла вонь от гниющей рыбы, настолько сильная, что у Лотара де ла Рея перехватывало горло и его подташнивало.

Четыре траулера все так же стояли у причала, но их груз больше не сиял серебром. Рыба осела, верхний слой сардин подсох на солнце и превратился в темную грязно-серую массу, над которой вились зеленые металлические мухи размером с ос. Рыба в трюмах тоже размякла и раздавилась под собственным весом, и трюмные насосы выбрасывали наружу струи вонючей коричневой крови и рыбьего жира, которые покрывали воды залива все увеличивавшимся мутным облаком.

Весь этот день Лотар просидел у окна заводской конторы, пока его цветные моряки и рабочие стояли в очереди, ожидая платы. Лотар продал свой старый грузовик «паккард» и кое-что из мебели из той металлической хижины, в которой жили они с Манфредом. Это было единственное, что не принадлежало компании, и поэтому не было тронута судебными исполнителями. Буквально через несколько часов из Свакопмунда приехал перекупщик, почуяв беду, как чуют ее стервятники, и заплатил Лотару лишь малую долю реальной стоимости этого имущества.

– Депрессия наступает, мистер де ла Рей, все продают, никто не покупает. Я теряю деньги, поверьте мне.

Тех наличных, которые Лотар закопал под песчаным полом хижины, хватило для того, чтобы заплатить людям по два шиллинга на каждый фунт жалованья, который он задолжал им. Конечно, он не обязан был им платить, это теперь лежало на совести компании, но такое даже не пришло Лотару в голову, это ведь были его люди.

– Мне жаль, извини, – повторял он каждому, когда те подходили к окошку кассы. – Это все, что есть.

Он не смотрел им в глаза.

Когда все это закончилось и последние из его цветных рабочих разбрелись горестными группами, Лотар запер дверь конторы и отдал ключи судебному исполнителю.

А потом они с сыном в последний раз вышли на причал и сели рядом, свесив ноги с края. Вонь дохлой рыбы была такой же тяжелой, как их настроение.

– Я не понимаю, папа. – Манфред говорил не слишком отчетливо, его разбитая верхняя губа покрылась коркой засохшей крови. – Мы поймали хорошую рыбу. Мы должны были стать богатыми. Что случилось, па?

– Нас обманули, – тихо ответил Лотар.

До этого момента он не чувствовал ни гнева, ни горечи – только оцепенение.

Дважды в прежние годы он ловил пули. На дороге в Омаруру – из винтовки «ли-энфилд» калибра.303, когда они противостояли вторжению войск Смэтса на немецкую территорию Юго-Западной Африки, а потом, много позже, пулю из «люгера», выпущенную матерью вот этого самого мальчика. При воспоминании об этом Лотар коснулся груди и сквозь тонкую хлопковую рубашку-хаки ощутил упругую ямку шрама.

Это было точно так же – сначала потрясение и оцепенение, а потом, гораздо позже, боль и гнев. Но теперь гнев поднимался в нем черными волнами, и Лотар даже не пытался сопротивляться ему. Скорее он наслаждался им, ибо гнев помогал справиться с воспоминанием о том, как он унижался, умоляя женщину с насмешливой улыбкой в темных глазах дать ему время.

– Мы разве не можем остановить их, пап? – спросил мальчик.

Ни одному из них не требовалось точно называть «их». Они знали своего врага. Они научились распознавать его за три войны: сначала это была Бурская война 1881 года, потом снова Великая война буров в 1899-м, когда королева Виктория прислала из-за океанов бесчисленное количество солдат, чтобы сокрушить их, а затем в 1914 году, когда британская марионетка Янни Смэтс исполнял приказы своих имперских хозяев.

Лотар покачал головой, не находя ответа; гнев буквально душил его.

– Должен быть способ, – настаивал мальчик. – Мы сильные.

Манфред вспомнил ощущение, как тело Шасы медленно слабеет в его хватке, и непрочно извольнo взмахнул руками.

– Это все наше, папа. Это наша земля. Бог даровал ее нам – так сказано в Библии.

Как и многие до них, африканеры понимали эту книгу на свой лад. Они видели свой народ как детей Иакова, а Южную Африку – как землю обетованную, истекающую молоком и медом.

Лотар молчал, и Манфред тронул его рукав:

– Бог ведь дал ее нам, правда, па?

– Да. – Лотар тяжело кивнул.

– А потом они украли у нас все: землю, алмазы, золото и вообще все, а теперь они отбирают у нас наши суда и рыбу. Должен быть способ их остановить, отобрать все то, что нам принадлежит.

– Не так-то это легко...

Лотар не знал, как объяснить это ребенку. Да понимает ли он сам по-настоящему, как это произошло? Он и ему подобные стали скваттерами на земле, которую их отцы вырвали у дикарей и отбили у пустыни с помощью длинноствольных ружей...

– Ты поймешь, когда вырастешь, Мани, – сказал он.

– Когда я вырасту, я найду способ разбить их.

Манфред произнес это с такой силой, что подсохшая губа лопнула и на ней засветилась капля крови, похожая на крошечный рубин.

– Я найду способ отобрать у них все. Увидишь, папа.

– Что ж, сынок, возможно, так и произойдет.

Лотар обнял сына за плечи.

– Помнишь клятву дедушки, пап? Я всегда ее помню. Война с англичанами никогда не закончится.

Они сидели вместе, пока солнце не коснулось вод залива, окрасив их в цвет расплавленной меди, а потом, уже в темноте, ушли с причала, подальше от вони гниющей рыбы, по дорожке вдоль края дюн.

Когда они приблизились к своей хижине, из печной трубы поднимался дым, а войдя в кухонную пристройку, увидели огонь в открытом очаге. У очага сидел Темный Хендрик.

– Иудей забрал стол и стулья, – сказал он, оглянувшись на вошедших. – Но я спрятал кастрюли и кружки.

Они сели на пол и стали есть прямо из кастрюли кукурузную кашу, приправленную соленой вяленой рыбой. Никто не произнес ни слова, пока ложки не заскребали по дну.

– Ты не обязан оставаться, – заговорил наконец Лотар.

Хендрик пожал плечами:

– Я купил в лавке кофе и табак. Денег, что ты мне заплатил, как раз хватило.

– А других нет, – сказал Лотар. – Все кончились.

– Такое уже случалось прежде. – Хендрик раскурил свою трубку, достав из очага тлеющую веточку. – Мы уже много раз оказывались на мели.

– Теперь все по-другому, – возразил Лотар. – Теперь невозможно добывать слоновую кость или...

Новый приступ гнева не дал ему договорить. Хендрик подлил в его оловянную кружку еще кофе.

– Это странно, – сказал он. – Когда мы ее нашли, она была одета в шкуры. А теперь является в большой желтой машине... – Он покачал головой. – А в лохмотьях оказываемся мы.

– Да, это мы с тобой ее спасли, – согласился Лотар. – Более того, мы нашли для нее алмазы и выкопали их из земли...

– Теперь она богата, – кивнул Хендрик. – И приезжает, чтобы отобрать и то, что есть у нас. Ей не следовало так поступать. – Он покачал большой черной головой. – Нет, не следовало ей так делать.

Лотар медленно выпрямился. Хендрик увидел выражение его лица и тут же нетерпеливо подался вперед, а мальчик шевельнулся и впервые улыбнулся.

– Да. – Хендрик усмехнулся. – Что это? Слоновая кость закончилась, охоту давно закрыли.

– Нет, не слоновая кость. На этот раз будут алмазы, – ответил Лотар.

– Алмазы? – Хендрик качнулся назад. – Какие алмазы?

– Какие алмазы? – Лотар улыбнулся, его желтые глаза вспыхнули. – Само собой, те самые, что мы нашли для нее.

– Ее алмазы? – Хендрик уставился на него. – Алмазы с рудника Ха'ани?

– Сколько у тебя денег? – требовательно спросил Лотар, и Хендрик отвел взгляд. – Я хорошо тебя знаю, – нетерпеливо продолжил Лотар и сжал плечо великана. – Ты всегда имеешь небольшой запас. Сколько?

– Немного.

Хендрик попытался встать, но Лотар удержал его:

– Ты хорошо заработал в последний сезон. Я точно знаю, сколько я тебе платил.

– Пятьдесят фунтов, – пробурчал Хендрик.

– Нет, – качнул головой Лотар. – Ты получил больше.

– Ну, может, немного больше, – уступил Хендрик.

– Ты припас сотню фунтов, – решительно произнес Лотар. – Это то, что нам нужно. Дай их мне. Ты знаешь, что получишь потом во много раз больше. Так всегда было, и так всегда будет.

Группа поднималась по крутой и каменистой тропе, освещенной лучами раннего солнца. Они оставили желтый «даймлер» у подножия горы, на берегу реки Лисбек, и начали подъем еще в призрачном сером предутреннем свете.

Впереди шли два старых человека в поношенной одежде, в стоптанных башмаках и пропотевших, бесформенных соломенных шляпах. Оба были настолько худыми, словно долго страдали от голода, однако их костлявые тела двигались бодро, их кожа потемнела и покрылась морщинами от долгого воздействия стихий, так что случайный наблюдатель мог бы принять их за парочку старых безработных – в дни Великой депрессии много таких бродило по дорогам и проселкам.

Но случайный наблюдатель ошибся бы. Более высокий из двоих мужчин, слегка прихрамывавший на искусственной ноге, являлся рыцарем ордена Британской империи, обладателем высочайшей награды, какую только империя могла предложить, – креста Виктории, а также одним из самых выдающихся военных историков века, человеком настолько богатым и небрежно относящимся к мирским благам, что редко трудился оценить собственное состояние.

– Старина Гарри, – окликнул его спутник, никогда не называвший его сэром Гарриком Кортни. – Это величайшая из проблем, что нам предстоит решить, старина Гарри.

Он говорил высоким, почти девичьим голосом, и звук «р» перекачивался в его голосе особым образом, известным как «мальмсберийский акцент».

– Наши люди бросают землю и стекаются в города. Фермы умирают, а в городах для них нет работы.

Его голос звучал ровно, хотя они уже поднялись на две тысячи футов по крутому склону Столовой горы, поднялись без остановок, таким шагом, что обогнали всех молодых членов группы.

– Это верный путь к катастрофе, – согласился сэр Гаррик. – На фермах они бедны, но когда бросают землю, то умирают от голода в городах. А голодные люди – опасные люди, Оу Баас. Этому учит нас история.

Человек, которого он называл «старший хозяин», был ниже ростом, хотя держался прямо. У него были веселые голубые глаза, смотревшие из-под полей шляпы, и седая эспаньолка, качавшаяся, когда он говорил. В отличие от Гарри, он не был богат; он владел лишь небольшой фермой в холодном вельде Трансвааля и так же беспечно относился к своим долгам, как Гарри к своему богатству, но его угождениями был весь мир, награждавший его славой. Он являлся почетным доктором пятнадцати крупнейших университетов мира, в том числе Оксфорда, Кембриджа и Колумбийского университета. Он был почетным гражданином десяти городов – Лондона, Эдинбурга и прочих. Он был генералом буров, а теперь стал генералом Британской империи, членом Тайного совета, кавалером ордена Кавалеров почета, советником короля, выборным старейшиной «Мидл-Темпла» и членом Королевского общества. На его груди не умещались все полученные им звезды и ленты. Он был, несомненно, умнейшим, мудрейшим, харизматичным и наиболее влиятельным человеком из всех, когда-либо появлявшихся в Южной Африке. Его дух был как будто слишком велик, чтобы уместиться в каких-то границах, он казался настоящим гражданином всего огромного мира. Но в его броне имелась одна щель, и враги посылали в нее ядовитые стрелы. «Его сердце за морем, а не с вами», – заявляли они, и это привело к падению правительства Южно-Африканской партии, в котором он был премьер-министром, министром обороны и внутренних дел. Теперь он возглавил оппозицию. Однако сам он считал себя прежде всего ботаником, а солдатом и политиком – лишь по необходимости.

– Надо подождать, пока остальные нас догонят.

Генерал Ян Смэтс остановился на каменистом выступе, покрытом лишайником, и оперся на трость. Мужчины посмотрели вниз по склону.

В сотне шагов ниже по тропе мрачно поднималась женщина; очертания бедер под ее плотной ситцевой юбкой были мощными, словно круп породистой кобылы, а обнаженные руки выглядели мускулистыми, как у борца.

– Моя маленькая голубка, – нежно пробормотал сэр Гарри, наблюдая за своей новобрачной.

После четырнадцати лет ухаживаний она лишь полгода назад приняла его предложение.

– Поторопись, Анна! – умоляюще воскликнул мальчик, шедший за ней по узкой тропе. – Таким темпом мы доберемся до вершины только в полдень, а я умираю от желания позавтракать!

Ростом Шаса не уступал Анне, хотя и был в два раза тоньше ее.

– Так шагай вперед, если ты так спешишь, – проворчала женщина.

Пробковый шлем был низко надвинут на ее круглое красное лицо, немного похожее на морду дружелюбного бульдога.

– Хотя почему это кому-то приспичило желать поскорее добраться до вершины этой проклятой горы?..

– Я тебя подтолкну! – предложил Шаса и положил ладони на массивные круглые ягоды льда Кортни. – Вот так! Вверх!

– Прекрати, испорченный мальчишка! – задохнулась Анна, стараясь удержать равновесие при неожиданно ускорившемся подъеме. – Или я сломаю эту палку о твою задницу! Ох, хватит! Хватит!

До того как стать леди Кортни, она была просто Анной, няней Шасы и любимой горничной его матери. Ее стремительный взлет по социальной лестнице никак не изменил их отношений.

Они, смеясь и задыхаясь, добрались до скального выступа.

– Вот она, дедушка! Специальная доставка!

Шаса усмехнулся, глядя на Гарри Кортни, а тот развел их в стороны решительно, однако нежно. Прекрасный мальчик и скромная краснолицая женщина были самыми драгоценными из всех его сокровищ – его женой и его единственным внуком.

– Анна, радость моя, ты не должна так пользоваться силой мальчика! – предупредил он супругу с невозмутимым лицом, а она хлопнула его по руке отчасти игриво, отчасти сердито.

– Мне бы следовало присматривать за обедом, а не слоняться по этой горе!

Она по-прежнему говорила с сильным фламандским акцентом, но, к счастью, тут же перешла на африкаанс, повернувшись к генералу Смэтсу.

– Сколько еще идти, Оу Баас?

– Уже недалеко, леди Кортни, совсем недалеко. О! А вот и остальные. Я уже начал беспокоиться за них.

Сантэн и ее компания появились из леса ниже по склону. На Сантэн была свободная белая юбка, оставлявшая ее ноги открытыми до колен, и белая соломенная шляпа, украшенная искусственными вишенками. Поравнявшись с предводителями похода, Сантэн улыбнулась генералу Смэтсу:

– Я запыхалась, Оу Баас! Можно мне опереться на вас на последнем участке пути?

Хотя Сантэн лишь слегка размялась от подъема в гору, Смэтс галантно предложил ей руку, и они первыми достигли вершины.

Эти ежегодные пикники на Столовой горе были традиционным способом семьи отмечать день рождения сэра Гаррика Кортни, и его старый друг генерал Смэтс взял за правило никогда не пропускать этого события.

На вершине они разошлись, чтобы посидеть на траве и перевести дух. Сантэн и старый генерал устроились немного в стороне от остальных. Под ними раскинулась долина Констанция, пестрая от пышной летней зелени виноградников. Разбросанные среди изумрудных полей голландские остроконечные крыши огромных шато сияли на солнце, как жемчужины, а далекие горы Мейзенберг и Кабонкельберг образовывали могучий амфитеатр серых скал, окружая долину с юга, в то время как на севере далекие горы Хоттентотс-Холланд являли собой крепостной вал, отрезавший мыс Доброй Надежды от континентальной Африки. Прямо впереди между горами волновались и поблескивали под порывами юго-восточного ветра воды залива Фолс. Картина, раскрывшаяся перед ними, была такой прекрасной, что несколько минут все просто молчали, любуясь.

Наконец генерал Смэтс заговорил:

– Итак, Сантэн, дорогая, о чем вы хотели поговорить?

– Вы просто читаете мысли, Оу Баас. – Сантэн грустно засмеялась. – Откуда вы все знаете?

– Ну, если теперь хорошенькая женщина отводит меня в сторонку, я могу быть уверенным, что речь пойдет о бизнесе, а не о развлечениях. – Он подмигнул.

– Вы один из самых привлекательных мужчин, каких я когда-либо встречала...

– Ха-ха! Каков комплимент! Должно быть, дело серьезное.

Изменившееся выражение лица Сантэн подтвердило его догадку.

– Это Шаса, – просто сказала она.

– Но тут нет никаких проблем... или я чего-то не понимаю.

Сантэн достала из кармана юбки документ на одной странице и протянула ему. Это был школьный отчет. Тисненый крест на нем представлял собой епископскую митру, эмблему самой привилегированной школы.

Генерал взглянул на него. Сантэн знала, как быстро он может читать даже такой затейливый официальный документ, так что, когда он почти мгновенно вернул ей бумагу, она не огорчилась. Генерал, конечно, уже все понял, не упустил даже вывода директора в последней строке:

«Мишель Шаса делает честь себе и епископу».

Генерал Смэтс улыбнулся:

– Вы должны гордиться им.

– Он вся моя жизнь.

– Знаю, – кивнул генерал, – но это не всегда мудро. Мальчик вскоре станет мужчиной, и, когда он уедет, ваша жизнь исчезнет вместе с ним. Но все же, дорогая, чем именно я могу вам помочь?

– Он умен и привлекателен, он умеет находить общий язык с людьми, даже с теми, кто намного старше его, – ответила Сантэн. – Для начала мне бы хотелось, чтобы он получил место в парламенте.

Генерал снял в головы шляпу и пригладил ладонью сияющие седые волосы.

– Думаю, сначала он должен закончить обучение, прежде чем попасть в парламент, дорогая! – усмехнулся он.

– Да, верно. Именно это я имела в виду, Оу Баас. Нужно ли Шасе поехать домой, чтобы поступить в Оксфорд или Кембридж, или это потом сыграет против него? Может, ему лучше предпечь один из местных университетов? И если так, то где? В Стелленбосе или в Кейптауне?

– Я об этом подумаю, Сантэн, и дам вам совет, когда придет время принимать окончательное решение. Но тем временем не могу ли я взять на себя смелость предостеречь вас в другом... речь о тех предубеждениях, которые могут повлиять на ваши планы в отношении молодого человека.

– Пожалуйста, Оу Баас, – не отступала Сантэн. – Ваше слово стоит...

Ей не пришлось подыскивать подходящее сравнение, потому что генерал негромко продолжил:

– Это понятие – «дом» – может оказаться фатальным. Шаса должен решить, где его настоящий дом, и если он находится за морем, то юноша не должен рассчитывать на мою помощь.

– Как глупо с моей стороны...

Генерал видел, что Сантэн по-настоящему рассердилась на себя. Ее щеки потемнели, губы сжались. Soutpiel. Она вспомнила эту насмешку. Одна нога в Лондоне, вторая в Кейптауне. Теперь это не казалось забавным.

– Это больше не повторится, – сказала она и коснулась руки генерала, убеждая его в своей искренности. – Так вы поможете ему?

– Мама, можно нам уже позавтракать? – крикнул издали Шаса.

– Хорошо, поставь корзину у ручья, вон там. – Она снова повернулась к старику. – Я могу на вас рассчитывать?

– Я в оппозиции, Сантэн...

– Это ненадолго. Страна к следующим выборам должна опомниться.

– Вы должны осознавать, что сейчас я не могу ничего вам обещать. – Генерал тщательно подбирал слова. – Он пока что ребенок. Однако я буду за ним наблюдать. Если он оправдает те надежды, что подает сейчас, если станет соответствовать моим стандартам, то мою помощь он получит. Бог видит, как мы нуждаемся в хороших людях.

Сантэн вздохнула от удовольствия и облегчения, а генерал продолжил уже более бес-
печно:

– Шон Кортни был отличным министром в моем правительстве.

Сантэн вздрогнула, услышав это имя. Оно вызвало множество воспоминаний – и об огромной радости, и о глубокой печали, и о многих темных и тайных делах. Но старый генерал как будто не заметил, что она ушла в свои мысли, и продолжил:

– И еще он был верным и надежным другом. Мне бы хотелось снова иметь в правительстве Кортни, еще одного, такого, кому можно доверять, доброго друга. Да, другого Кортни в кабинете министров.

Он встал и помог Сантэн подняться.

– Я так же голоден, как Шаса, а запах еды слишком хорош, чтобы ему сопротивляться.

Тем не менее, когда завтрак был готов, генерал ел очень умеренно, зато остальные по примеру Шасы набросились на еду с жадностью, тем более что их аппетит разгорелся из-за трудного подъема на гору. Сэр Гарри нарезал на ломти холодную баранину, свинину и индейку, а Анна раскладывала по тарелкам куски лестерширского пирога со свиной и яйцами, пироги с фруктами, кубики заливного из свиных ножек в прозрачном желе.

– Одно можно сказать наверняка, – с облегчением заявил Сирил Слайн, один из старших управляющих Сантэн. – На обратном пути корзина станет заметно легче.

Насытившись, все устроились на берегу крошечного журчащего ручья. Но вскоре Смэтс прервал отдых компании.

– А теперь, – генерал заставил всех подняться, – теперь приступим к главному моменту дня.

– Идемте, идемте! – Сантэн вскочила первой, веселая, как девчонка. – Сирил, оставьте корзину! Мы заберем ее после.

Они обогнули самый край серого утеса, под которым расстился весь мир, а потом генерал вдруг резко повернул налево и полез по камням сквозь цветущий вереск и вечнозеленые кусты протеи, вспугнув сахарных медососов, наслаждавшихся нектаром. Птички взлетели в воздух, взмахивая длинными хвостами, сверкая ярко-желтыми брюшками и негодуяще крича.

Только Шаса успевал за генералом; и когда остальные снова увидели эту пару, те уже стояли на краю узкой скалистой лощины, чье дно ковром покрывала яркая зеленая трава.

– Пришли! Первый, кто найдет дизу, получит шестипенсовик! – предложил генерал Смэтс.

Шаса первым ринулся вниз по крутому склону лощины, и, прежде чем остальные успели одолеть половину пути, он уже взволнованно закричал:

– Я нашел одну! Шестипенсовик мой!

Все наконец добрались до дна, и на краю болотистого участка встали в почтительный круг у изящной орхидеи на длинном стебле.

Генерал молитвенно опустил перед ней на одно колено.

– Это действительно синяя диза, один из самых редких цветов на нашей земле!

Цветки, венчавшие стебель, имели изумительный лазурный цвет, а по форме напоминали голову дракона, их разинутые зевы были очерчены императорским пурпуром и масляно-желтым.

– Они растут только здесь, на Столовой горе, и больше нигде в мире!

Генерал посмотрел на Шасу:

– Хочешь в этом году поднести ее дедушке, молодой человек?

Шаса шагнул вперед, чтобы с важным видом сорвать дикую орхидею и протянуть ее сэру Гарри. Эта маленькая церемония с синей дизой являлась традиционной частью празднования дня рождения, и все засмеялись и заплодировали.

С гордостью глядя на сына, Сантэн мысленно вернулась ко дню его собственного дня рождения, к тому дню, когда старый бушмен нарек его «Шаса, Хорошая Вода» и танцевал в его честь в священной долине в глубине пустыни Калахари. Она помнила песню, которую сочинил и спел старик, и язык бушменов снова защелкал и защелестел в ее голове, такой незабываемый, такой любимый...

Его стрелы долетят до звезд,
А когда люди будут произносить его имя,
Он услышит их издали...

Так пел старый бушмен.

И он найдет хорошую воду,
Куда бы ни отправился, он найдет хорошую воду...

Сантэн снова мысленно увидела его, лицо давно ушедшего старого бушмена, невероятно сморщенное, но все равно сияющее изумительным абрикосовым цветом, и она тихо-тихо прошептала на языке бушменов:

– Пусть так и будет, старый дед. Пусть так и будет.

На обратном пути они все втиснулись в «даймлер», и Анна сидела на коленях сэра Гарри, скрывая его под своим пышным телом.

Когда Сантэн вела машину по извилистой дороге через лес высоких голубых эвкалиптов, Шаса тянулся к ней с заднего сиденья и подстрекал увеличить скорость:

– Давай, мама, ты слишком медлишь!

Генерал, сидевший рядом с Сантэн, придерживал руками шляпу и не сводил глаз со спидометра.

– Нет, это не может быть хорошо. Кажется, мы уже едем со скоростью сто миль в час!

Сантэн повернула «даймлер» и направила машину в белые главные ворота поместья. На их фронте танцевали нимфы с кистями винограда в руках – это была работа известного скульптора Антона Анрейта, выполненная им в 1798 году. Название поместья – Вельтевреден – красовалось над скульптурой; с голландского оно переводилось как «вполне довольные». Сантэн купила его у известной семьи Клоте ровно через год после того, как застолбила участок под рудник Ха’ани. И с тех пор не жалела на поместье денег, заботы и любви.

Она сбросила скорость «даймлера» почти до скорости пешехода.

– Не хочу, чтобы пыль села на виноград, – пояснила она генералу Смэтсу, и на ее лице отразилось глубочайшее удовлетворение, когда она посмотрела на аккуратные ряды шпалер, а генерал подумал, что название поместья отражает ее состояние.

Цветные рабочие, ухаживавшие за виноградом, выпрямлялись и махали руками проезжавшей машине. Шаса высунулся из окна и окликал своих любимцев, а они широко улыбались, радуясь тому, что их заметили.

Дорога, обрамленная старыми дубами, шла через две сотни акров виноградника к шато. Лужайку вокруг большого дома покрывала ярко-зеленая трава кикуйю. Генерал Смэтс привез ростки этой травы с Восточноафриканской кампании в 1917 году, и теперь она разрослась везде. В центре лужайки стояли два высоких столба, между которыми висел «рабский колокол», – его до сих пор использовали для того, чтобы сообщать о начале и конце рабочего дня. За ним возвышались снежно-белые стены и массивный фронтон работы Анрейта под тростниковой крышей.

Домашние слуги уже спешили навстречу, когда пассажиры выходили из большой желтой машины.

– Обед в половине второго, – коротко бросила им Сантэн. – Оу Баас, я знаю, что сэр Гарри хочет прочесть вам последнюю главу. А нас с Сирилом ждет работа... – Она на мгновение умолкла. – Шаса, куда это ты собрался?

Мальчик бочком подкрадывался к углу веранды, явно намереваясь сбежать. Теперь он со вздохом повернул назад.

– Мы с Джоком хотели потренировать нового пони...

Новый пони для игры в поло был подарком Сирила Шасе на Рождество.

– Но тебя будет ждать мадам Клэр, – напомнила Сантэн. – Мы ведь согласились в том, что твои знания математики требуют улучшения, так?

– Ох, мама, но сейчас каникулы...

– Каждый день, когда ты бездельничаешь, кто-то другой работает. А когда ты с ними встретишься, они вышибут из тебя дух.

– Да, мама...

Шаса, уже много раз слышавший это предсказание, оглянулся на деда в ожидании поддержки.

– О, я уверен, твоя мать позволит тебе несколько свободных часов после урока математики, – исполнил свой долг дед. – Как ты справедливо заметил, официально сейчас каникулы.

Он с надеждой посмотрел на Сантэн.

– Могу ли я также заявить ходатайство от имени моего юного клиента? – поддержал его генерал Смэтс.

Сантэн со смехом уступила.

– У тебя такие прославленные защитники, – сказала она сыну. – Но ты будешь заниматься с мадам Клэр до одиннадцати.

Шаса сунул руки в карманы и, ссутулившись, отправился на поиски учительницы. Анна исчезла в доме в толпе слуг, а Гарри увел генерала Смэтса, чтобы обсудить с ним свой манускрипт.

– Хорошо. – Сантэн кивнула Сирилу. – Возьмемся за дело.

Он последовал за ней через двустворчатые парадные двери из тикового дерева по длинному коридору; каблук Сантэн громко цокали по черно-белому мраморному полу, когда они направлялись к ее кабинету в дальнем конце фойе.

Там ее уже ждали секретари-мужчины. Сантэн не желала терпеть постоянное присутствие других женщин. Оба ее секретаря были красивыми молодыми людьми. Кабинет изобилует цветами. Каждый день вазы заново наполнялись букетами Вельтевредена. Сегодня это оказались голубые гортензии и желтые розы.

Сантэн села за длинный стол эпохи Людовика Четырнадцатого, который служил ей письменным столом. Резные ножки стола были густо позолоченными, а размеры столешницы позволяли держать на ней множество памятных вещей.

Здесь стояли десятки фотографий отца Шасы в отдельных серебряных рамках – они отражали его жизнь от школьных лет до того времени, когда он был пилотом Королевского летного корпуса. Последняя фотография запечатлела его и других пилотов его эскадрильи стоящими перед одноместными самолетами-разведчиками. Руки в карманах, фуражка на затылке... Майкл Кортни улыбался ей, по-видимому так же уверенный в собственном бессмертии, как и в тот день, когда он погиб в огне своего горящего самолета. Усаживаясь в свое кожаное кресло с высокой спинкой, Сантэн коснулась фотографии, слегка поправляя ее. Горничная никогда не могла поставить ее правильно.

– Я прочитала контракт, – сказала она Сирилу, когда тот занял место напротив нее. – Там есть два пункта, которые меня не устраивают. Первый – номер двадцать шестой...

Сирил тут же перевернул листы, и Сантэн принялась за дневную работу; секретари сосредоточенно стояли по обе стороны от нее.

Первым делом внимание Сантэн занимал рудник. Рудник Ха'ани являлся источником, из которого все происходило, и Сантэн, работая, чувствовала, как ее душа устремляется к бескрайним просторам Калахари, к ее таинственным голубым холмам и тайной долине, где в течение бесчисленных веков скрывались сокровища Ха'ани, прежде чем на них наткнулась Сантэн, одетая в шкуры и последние обрывки своей одежды, носившая в своей утробе дитя и жившая как животное пустыни.

Пустыня захватила часть ее души, и в Сантэн пробудилось радостное предвкушение.

«Завтра, – подумала она. – Завтра мы с Шасой отправимся обратно».

Плодородные виноградники долины Констанция и шато Вельтевреден, наполненное прекрасными вещами, тоже стали ее частью, но, когда Сантэн пресыщалась ими, ей приходилось возвращаться в пустыню, чтобы ее душа снова стала чистой и яркой под белым солнцем Калахари. Подписав последние документы и передав их старшему секретарю для засвидетельствования и скрепления печатью, она встала и подошла к открытой французской двери.

Внизу, в загоне за старыми жилищами рабов, Шаса, освободившийся от математики, обучал своего пони под критическим взглядом Джок Мёрфи.

Лошадь была крупной; ограничения по размерам недавно были отменены Международной ассоциацией поло, но двигался пони хорошо. Шаса аккуратно отводил пони к краю загона, а потом пускал полным галопом. Джок бросал мяч, Шаса тянулся и отбивал его. Он сидел в седле уверенно, и его рука обладала немалой для такого возраста силой. Он широко размахнулся, и хрустящий шелчок от удара по мячу, сплетенному из корней бамбука, донесся до Сантэн, и она увидела белые блики его траектории в солнечном свете.

Шаса развернул пони и погнал его обратно. Когда он проносился мимо Джок Мёрфи, тот бросил другой мяч, справа. Шаса промахнулся, и мяч запрыгал по земле.

– Стыдно, мастер Шаса! – крикнул Джок. – Опять вы за свое! Держите клюшку правильно!

Джок Мёрфи был одной из находок Сантэн. Это был коренастый, мускулистый мужчина с короткой шеей и абсолютно лысой головой. Кем только он не был в прошлом – военным

моряком, профессиональным боксером, опиумным курьером, начальником охраны какого-то индийского махараджи, тренером лошадей на скачках, вышибалой в игорном доме в Мэйфере, а теперь тренировал Шасу. Он отлично обращался с винтовкой, дробовиком и пистолетами, умел играть в поло, обыгрывал всех в бильярд. Он убил одного человека на ринге, участвовал в скачках «Гранд нэшнл», а теперь учил всему Шасу, как родного сына.

Примерно раз в три месяца он принимался за виски и превращался в воплощение дьявола. Тогда Сантэн отправляла кого-нибудь в полицейский участок, чтобы возместить причиненный им ущерб и внести залог за Джока. Он потом стоял перед ее столом, прижимая к груди шляпу-дерби, дрожащий и страдающий от похмелья, и смиренно просил прощения:

– Больше такого не повторится, миссус. Я не знаю, что это на меня нашло. Дайте мне еще один шанс, миссус, я вас не подведу.

Знать его слабости было полезно: это был некий сдерживающий поводок и в то же время рычаг, заставляющий Джока двигаться.

В Виндхукке работы для них не нашлось. Когда они туда добрались с побережья, то пешком, то прося подвезти их на грузовиках и фургонах, они устроились в лагере безработных рядом с железной дорогой на окраине города.

По молчаливому соглашению примерно сотне безработных и бродяг было позволено разбить лагерь и поселиться там вместе с семьями, но местная полиция настороженно присматривала за ними. Хижины были сооружены из просмоленного картона и старых листов ржавого железа или из соломы, и перед каждой из них сидели на корточках группы унылых мужчин и женщин. Лишь дети, запыленные и тощие, обожженные солнцем, шумели и вели себя почти вызывающе буйно. В лагере пахло древесным дымом и неглубокими выгребными ямами.

Кто-то установил щит с грубо намалеванными словами, повернув его к железнодорожной линии: «ВААЛ ХАРТС? К ЧЕРТУ!» Каждого, кто обращался за пособием по безработице, правительственный департамент занятости и труда немедленно отправлял на работы по строительству большой сети ирригационных сооружений в долине между реками Вааль и Хартс за два шиллинга в день. Слухи об условиях жизни в тамошних трудовых лагерях просачивались обратно, и в Трансваале уже случались беспорядки, когда полиция пыталась насильно увозить туда людей.

Все лучшие места в лагере оказались уже заняты, так что они устроились под небольшим деревцем верблюжьей колючки и развесили на ветвях обрывки брезента для тени. Темный Хендрик сидел на корточках у костра, медленно всыпая горсти маиса в почерневший походный котелок с кипящей водой. Он поднял голову, когда Лотар вернулся после очередного безуспешного поиска работы в городе. Когда Лотар отрицательно качнул головой, Хендрик вернулся к каше.

– А где Манфред?

Хендрик кивком указал на хижину неподалеку. С десяток или около того оборванцев сидели там кругом, зачарованно слушая высокого бородатого рассказчика. У него было напряженное выражение лица и сверкающие темные глаза фанатика.

– Мэл Уиллем, – пробормотал Хендрик. – Безумный Уильям.

Лотар хмыкнул, взглядом ища Манфреда, но быстро увидел сияющие светлые волосы сына среди остальных.

Довольный тем, что мальчику ничего не грозит, Лотар достал из нагрудного кармана трубку, продул ее, а потом набил магалисбергской махоркой. Трубка воняла, черный табак был дурно пахнущим и грубым, зато дешевым. Лотар тосковал по сигаре, раскуривая трубку горячей веточкой из костра. Да, этот табак был отвратительным, но Лотар почти мгновенно ощутил его успокоительное действие; он бросил кисет Хендрику и отклонился назад, прислоняясь к стволу тёрна.

– А *ты* что узнал?

Хендрик провел большую часть ночи и утра в лачугах на другой окраине Виндхука. Если хотите узнать самые интимные тайны человека, расспросите слуг, которые стоят у его стола и заправляют ему постель.

– Узнал, что в кредит не получить даже глотка выпивки, а горничные в Виндхуке не станут отдаваться просто по любви. – Хендрик усмехнулся.

Лотар выплюнул табачную жижу и посмотрел на своего сына. Его немного тревожило, что мальчик избегал общества своих ровесников и сидел с мужчинами. Хотя мужчины вроде бы его принимали.

– А еще что? – спросил он Хендрика.

– Есть там человек по имени Фурье. Он работает на том руднике десять лет. Он каждую неделю приезжает с четырьмя или пятью грузовиками и возвращается туда с товарами.

На минуту Хендрик сосредоточился на перемешивании кукурузной каши, следя при этом за огнем.

– Продолжай.

– Еще в первый понедельник каждого месяца он приезжает на небольшом грузовике, еще четыре сменных водителя едут с ним в кузове, все вооружены дробовиками и пистолетами. Они едут напрямиком в банк «Стандард» на Мейн-стрит. Управляющий и клерки выходят к боковой двери. Фурье и один из водителей несут из грузовика в банк маленький железный ящик. После этого Фурье и его люди отправляются в бар на углу и пьют, пока тот не закроется. А утром возвращаются на рудник.

– Раз в месяц, – прошептал Лотар. – Они за один раз привозят добычу за целый месяц.

Он посмотрел на Хендрика:

– Говоришь, бар на углу?

Дождавшись, когда большой черный мужчина кивнул, Лотар сказал:

– Мне нужно не меньше десяти шиллингов.

– Для чего? – Хендрик мгновенно преисполнился подозрений.

– Один из нас должен подкупить бармена, а в бар на углу не пускают чернокожих. – Лотар ехидно усмехнулся, потом повысил голос: – Манфред!

Мальчик так заслушался, что не заметил возвращения отца. Он с виноватым видом вскочил.

Хендрик положил в крышку котелка горку пышной кукурузной каши и полил ее маасом, густым кислым молоком, прежде чем передать Манфреду, который уселся рядом с отцом, скрестив ноги.

– Ты знал, папа, что все дело в заговоре иудеев, владельцев золотых приисков в Йоханнесбурге? – спросил Манфред, сверкая глазами, как новообращенный.

– Что именно? – проворчал Лотар.

– Да эта депрессия! – Манфред произнес это слово с важным видом, потому что узнал его только что. – Она была устроена иудеями и англичанами, так что теперь они могут иметь на своих шахтах и фабриках сколько угодно рабочих, которым почти не надо платить.

– Даже так? – Лотар улыбнулся, зачерпывая ложкой кашу и маас. – А засуху тоже организовали иудеи и англичане?

Его ненависть к англичанам не выходила за пределы разумного, хотя могла бы стать куда сильнее, если бы англичане действительно спровоцировали засуху, превратившую множество ферм, принадлежащих его народу, в песчаные пустыни, потому что верхний, плодородный, слой земли просто сдуло ветрами, а животные стали настоящими мумиями, забальзамированными в собственных жестких, как доски, шкурах.

– Но так и есть, па! – воскликнул Манфред. – Оом⁶ Уиллем объяснил нам!

Мальчик достал из заднего кармана штанов свернутый в трубку газетный листок и расстелил его на колене.

– Ты только посмотри!

Это была газета *Die Vaderland*, на африкаансе, со статьей «Земля отцов» и карикатурой, в которую Манфред сейчас тыкал указательным пальцем, дрожавшим от негодования. – Смотри, что делают с нами иудеи!

Главной фигурой рисунка был Хоггенхеймер, одно из созданий *Die Vaderland*, изображенный в виде толстяка в сюртуке и гетрах, с огромным бриллиантом на галстучной булавке, с бриллиантовыми перстнями на пальцах обеих рук, в цилиндре на темных семитских кудрях, с толстой отвислой нижней губой и огромным крючковатым носом, похожим на клюв, конец которого почти касался подбородка. Его карманы оттопыривались, полные пятифунтовыми банкнотами, и он размахивал длинным хлыстом, гоня нагруженный фургон к далеким стальным вышкам, на которых было написано: «Золотые прииски». В фургон вместо волов были запряжены люди. Длинные ряды мужчин и женщин, истощенных, умирающих от голода, с огромными измученными глазами, тащились вперед под хлыстом Хоггенхеймера. На женщинах были традиционные фуртреккерские⁷ чепчики, а на мужчинах – шляпы с обвисшими полями. Чтобы не возникло ошибки, художник сделал надпись: «Die Afrikaner Volk» – «африканеры», а сама карикатура была озаглавлена: «Новый Великий путь».

Лотар усмехнулся и вернул газету сыну. Он знал нескольких евреев, и ни один из них не был похож на Хоггенхеймера. Большинство из них трудились так же, как любой другой, и теперь обеднели и голодали.

– Если бы жизнь была действительно так проста... – Он покачал головой.

– Так и есть, папа! Все, что нам нужно сделать, – это избавиться от иудеев. Оом Уиллем все объяснил!

Лотар уже собирался ответить, когда осознал, что запах их еды привлек внимание троих ребятишек из лагеря, и теперь они стояли на вежливом расстоянии, провожая взглядом каждую ложку, которую он подносил ко рту. Карикатура уже не имела значения.

Среди детей была девочка постарше, лет двенадцати. Она была светловолосой, ее длинные косы выгорели до белизны, тонкие, как трава в Калахари зимой. Она была такой худой, что казалось, ее лицо составляли сплошные косточки и глаза; примечательными выглядели выдающиеся скулы и высокий лоб. Светло-голубые глаза девочки напоминали небо пустыни. А платье представляло собой мешки из-под муки, сшитые вместе: стояла она босиком.

За ее юбку цеплялись двое детей поменьше. Мальчик с бритой головой и большими ушами. Его тощие загорелые ноги торчали, как пруттики, из заплатанных шорт цвета хаки. У маленькой девочки текло из носа, и она сосала большой палец, другой рукой держась за подол юбки старшей сестры.

Лотар отвел взгляд, но еда вдруг потеряла для него всякий вкус, и теперь он жевал с трудом. Он обратил внимание, что Хендрик тоже не смотрит на детей. Манфред же просто не замечал их, все еще рассматривая газету.

– Если мы их накормим, к нам явятся все дети со всего лагеря, – пробормотал Лотар, решив никогда больше не есть на глазах у других.

– У нас осталось только на вечер, и все, – согласился Хендрик. – Мы не можем делиться.

Лотар поднес ложку ко рту, но тут же опустил ее. Он мгновение-другое смотрел на еду на своей оловянной тарелке, а потом кивнул старшей девочке.

⁶ Дядя (африкаанс).

⁷ Фуртреккеры – участники Великого трека, переселения потомков голландских колонистов (буров) в центральные районы Южной Африки.

Она застенчиво подошла к нему.

– Возьми это, – грубовато приказал Лотар.

– Спасибо, дядя, – прошептала девочка. – Данке, оом.

Она накрыла тарелку юбкой, пряча ее от посторонних глаз, а потом увела малышей прочь.

Они исчезли среди хижин.

Вернулась девочка часом позже. Тарелка и ложка были отчищены так, что сверкали.

– Может быть, у вас есть рубашка или что-то еще, что я могу постирать? – спросила она.

Лотар открыл свой заплечный мешок и отдал ей свою и Манфреда пропотевшую одежду.

Она вернула белье на закате, чисто постиранным, пахнущим карболовым мылом и аккуратно сложенным.

– Простите, оом, у меня нет настоящего утюга.

– Как тебя зовут? – внезапно спросил Манфред.

Девочка оглянулась на него, жарко покраснела и уставилась в землю.

– Сара, – шепотом ответила она.

Лотар застегнул чистую рубашку.

– Дай мне десять шиллингов, – приказал он.

– Нам тут же перережут глотки, если кто-то узнает, что у меня столько денег, – проворчал

Хендрик.

– Ты зря тратишь мое время.

– Время – это единственное, чего у нас в избытке.

В баре включая самого бармена оказалось всего три человека, когда Лотар толкнул вращающуюся дверь.

– Тихо сегодня, – заметил Лотар, заказывая пиво.

Бармен хмыкнул в ответ. Это был невзрачный маленький человечек с жидкими седыми волосами и в очках в стальной оправе.

– Возьмите и себе, – предложил Лотар, и выражение лица бармена изменилось.

– Я возьму джин, спасибо.

Он налил себе немного из особой бутылки, которую достал из-под стойки. Оба они знали, что эта бесцветная жидкость – просто вода и серебряный шиллинг упадет прямоком в карман бармена.

– За ваше здоровье!

Бармен слегка наклонился над стойкой, намереваясь быть как можно более приветливым за шиллинг и в надежде на другой.

Они неторопливо беседовали, соглашаясь в том, что времена настали тяжелые и могут стать еще тяжелее, что им нужен дождь и что во всем виновато правительство.

– Как давно вы в городе? Я вас прежде не видел.

– Один день... один день уже слишком долго, – улыбнулся Лотар.

– Не расслышал вашего имени.

Когда Лотар назвал себя, бармен впервые проявил неподдельный интерес.

– Эй! – окликнул он своих посетителей. – Вы знаете, кто это? Это Лотар де ла Рей! Вы разве не помните объявления о наградах во время войны? Он тот самый, кто раздолбал *руйнеке* – «красные шеи»!

«Красными шеями» называли недавно прибывших английских солдат, чьи шеи обгорали на солнце.

– Черт, да он же взорвал поезд в Гемсбокфонтейне!

Это вызвало у мужчин такое одобрение, что один из них даже купил Лотару еще пива, но благообразно ограничил свою щедрость только одной кружкой.

– Я ищу работу, – сказал им Лотар, когда все они стали хорошими друзьями.

Мужчины рассмеялись.

– Я слышал, работа есть на руднике Ха’ани, – пояснил Лотар.

– Я бы знал, если бы она там была, – заверил его бармен. – Шоферы оттуда приезжают сюда на грузовике каждую неделю.

– Может, замолвите им словечко за меня? – спросил Лотар.

– Предложу кое-что получше. Приходите в понедельник, и я вас познакомлю с Герхардом Фурье, старшим шофером. Он мой хороший приятель. Он знает, что там происходит.

К тому времени, когда Лотар ушел, он уже стал добрым другом и членом внутреннего круга бара на углу; и когда он вернулся туда четыре вечера спустя, бармен приветствовал его.

– Фурье здесь, – сказал он Лотару. – Вон в том конце бара. Я вас представлю, когда обслужу остальных.

Этим вечером бар был заполнен наполовину, и Лотар мог изучить шофера. Это был человек средних лет, могучего вида, от долгих часов сидения за рулем у него появился большой вялый живот. Он начал лысеть, но отрастил волосы над правым ухом и зачесывал их на лысину, смазывая бриллиантином. Говорил он грубовато и громко; и он, и его товарищи выглядели как люди, только что закончившие трудную работу. Он не походил на того, кому можно угрожать или кого легко напугать, но Лотар еще не решил окончательно, как лучше подступиться к нему.

Бармен кивнул ему:

– Надеюсь, вы станете друзьями.

Они пожали друг другу руки. Шофер пытался превратить пожатие в нечто вроде соревнования, но Лотар наполовину это предвидел и поэтому ограничился пожатием пальцами, а не всей ладонью, так что Фурье не смог проявить силу. Они смотрели друг другу в глаза, пока наконец шофер не поморщился и не отвел руку. Лотар не стал ему мешать.

– Угощу вас.

Теперь Лотар чувствовал себя легче – этот мужчина оказался не таким крутым, каким выглядел. А когда бармен объяснил шоферу, кто таков Лотар, в своей версии слегка приукрасив его военные подвиги, Фурье стал почти льстивым и подобоострастным.

– Послушайте, приятель... – Он отвел Лотара в сторонку и понизил голос. – Эрик мне сказал, что вы хотели бы получить работу на руднике Ха’ани. Ну, об этом можете забыть, это точно. Они уже год или больше не нанимали новых людей.

– Да. – Лотар мрачно кивнул. – После того как я говорил с Эриком насчет работы, я узнал правду об этом руднике. Для всех вас будет ужасно, когда это случится.

Шофер слегка встревоженно посмотрел на него:

– О чем вы, приятель? Что за правда?

– Я думал, вы должны знать. – Лотар, казалось, удивился неведению шофера. – Они собираются закрыть рудник в августе. Вообще закрыть. Всех уволить.

– Боже праведный, нет! – В глазах Фурье вспыхнул страх. – Нет, неправда... этого не может быть!

Этот человек оказался настоящим трусом, легковверным, внушаемым и легко управляемым. Лотар ощутил мрачное удовлетворение.

– Мне жаль, но всегда лучше знать правду, так ведь?

– Да кто вам такое сказал?

Фурье был просто в ужасе. Он ведь каждую неделю проезжал мимо лагеря безработных возле железнодорожной станции. Он видел легион несчастных.

– Я тут приударил за одной из тех женщин, что работают на Абрахама Абрахамса.

Это был юрист в Виндхуке, ведший все дела рудника Ха’ани.

– Она видела письма миссис Кортни из Кейптауна. Так что сомнений нет. Рудник закрывается. Им сейчас не продать алмазы. Никто их не покупает, даже в Лондоне и Нью-Йорке.

– Ох, боже мой, боже мой! – шептал Фурье. – Что же нам тогда делать? Моя жена нездорова, а у нас шестеро детей... Святой Иисус, мои дети умрут от голода!

– Ну, с такими, как вы, ничего не случится. Могу поспорить, что вы припасли пару сотен соверенов. У вас все будет в порядке.

Но Фурье покачал головой.

– Ладно, если вы ничего не отложили, то лучше вам это сделать до августа.

– Да как это возможно? Что я могу откладывать... с женой и шестью детишками? – безнадёжно пробормотал он.

– Я вам скажу как. – Лотар дружески сжал руку шофера. – Давайте уйдем отсюда. Я куплю бутылочку бренди. Пойдемте куда-нибудь, где можно поговорить.

Когда на следующее утро Лотар вернулся в лагерь, солнце уже взошло. Они с Фурье опустошили бутылку, проговорив всю ночь напролет. Шофера заинтересовало и соблазнило предложение Лотара, но он ощущал неуверенность и боялся.

Лотару пришлось объяснять ему все в подробностях и убеждать в каждом пункте, в особенности в части его собственной безопасности.

– Никто никогда не сможет указать на вас. Клянусь вам в этом. Вы будете защищены, даже если что-то пойдет не так... а ничто не пойдет не так.

Лотар пустил в ход всю свою силу убеждения, а теперь устало пересек лагерь и сел на корточки рядом с Хендриком.

– Кофе? – спросил он и отрыгнул запах виски.

– Кончился. – Хендрик покачал головой.

– А где Манфред?

Хендрик указал подбородком. Манфред сидел под терном в дальнем конце лагеря. Рядом с ним сидела девочка Сара, и их светловолосые головы почти соприкасались, когда они всматривались в газетный лист. Манфред что-то писал на полях газеты угольком из костра.

– Мани учит ее читать и писать, – пояснил Хендрик.

Лотар хмыкнул и потер покрасневшие глаза. От бренди у него разболелась голова.

– Итак, – сказал он, – мы нашли нужного человека.

– А! – усмехнулся Хендрик. – Тогда нам понадобятся лошади.

Частный железнодорожный вагон некогда принадлежал Сесилу Родсу и алмазной компании «Де Бирс». Сантэн Кортни купила его за малую долю его реальной цены, в которую обошелся бы ей новый экипаж, и этот факт ее весьма удовлетворил. Она все еще оставалась французенкой и знала цену каждому су и франку. Она привезла из Парижа молодого дизайнера, чтобы переоформить вагон в стиле ар-деко, ставшем ее страстью, и дизайнер честно отработал каждое пенни из полученного им гонорара.

Сантэн оглядела салон: лаконичные линии обстановки, причудливых обнаженных нимф, что поддерживали бронзовые светильники, рисунки Обри Бёрдслея, искусно выложенные инкрустацией на стальных панелях светлого дерева, – и вспомнила, как сначала дизайнер поразил ее тем, что выглядел гомосексуалистом, с длинными локонами, темными декадентскими глазами и чертами прекрасного, скучающего и циничного фавна. Однако ее первоначальная оценка оказалась далекой от истины, что она и обнаружила, к собственному восторгу, на круглой кровати, которую он установил в главном спальном отделении вагона. Сантэн улыбнулась при этом воспоминании, но тут же сдержала улыбку, увидев, что Шаса наблюдает за ней.

– Знаешь, мама, мне иногда кажется, что я могу буквально видеть, о чем ты думаешь, просто глядя тебе в глаза.

Он порой говорил совершенно обескураживающие вещи, а кроме того, Сантэн была уверена, что за прошлую неделю он прибавил в росте еще дюйм.

– Я искренне надеюсь, что это не так. – Она даже слегка вздрогнула. – Холодно здесь... Дизайнер установил безумно дорогое, невидимое снаружи устройство, охлаждавшее воздух в салоне.

– Выключи это, милый.

Она поднялась из-за письменного стола и через дверь с матовым стеклом вышла на балкон вагона, где горячий ветер пустыни обрушился на нее и прижал юбку к узким мальчишеским бедрам. Сантэн подняла лицо к солнцу и позволила ветру трепать свои короткие выющиеся волосы.

– Который час? – спросила она, закрыв глаза.

Шаса, вышедший следом за ней, прислонился к поручням балкона и посмотрел на свои часы.

– Мы должны пересечь Оранжевую реку в ближайшие десять минут, если машинист придерживается расписания.

– Я никогда не чувствую себя дома, пока не перебираюсь через Оранжевую...

Сантэн подошла к сыну и взяла его под руку.

Оранжевая река являла собой западный водораздел южной части Африканского континента; она брала начало высоко в горах Басутоленда и бежала на протяжении четырнадцати сотен миль через травянистый вельд и дикие ущелья. И если в одни сезоны она была чистым, прозрачным, неторопливым ручьем, то в другие – грохочущим коричневым потоком, несущим вниз жирный шоколадный ил, поэтому кое-кто называл ее южным Нилом. И она являлась границей между мысом Доброй Надежды и бывшей немецкой колонией в Юго-Западной Африке.

Локомотив свистнул, сцепления дернулись, когда закрипели тормоза.

– Снижаем ход перед мостом, – оживился мальчик.

Шаса перегнулся через перила балкона, и Сантэн тут же закусила губу, сдерживая готовое вырваться предостережение.

– Прошу прощения, но вы не можете нянчиться с ним вечно, миссус, – посоветовал ей Джек Мёрфи. – Он уже мужчина, а мужчина не упускает своих шансов.

Рельсы повернули к реке, и они увидели «даймлер», ехавший следом за локомотивом. Это была новая машина, Сантэн меняла их каждый год. Однако и эта тоже была желтой, как все остальные, только с черным капотом и с черными обводами дверей. Поездка по железной дороге в Виндхук избавила их от утомительного пути через пустыню, но к самому руднику железная дорога не подходила.

– Вон он! – крикнул Шаса. – Вон мост!

Стальные конструкции моста, тянувшиеся от одной бетонной опоры к другой на полмили над речным руслом, выглядели легкими и невесомыми. Ровный стук колес над шпалами изменился, когда поезд покотился по пролетам, и стальные перекладины под ними зазвенели, словно оркестр.

– Алмазная река, – пробормотала Сантэн, наклоняясь рядом с Шасой и всматриваясь в кофейно-коричневые воды, что бурлили под опорами моста внизу.

– Откуда вообще в ней берутся алмазы? – спросил Шаса.

Конечно, он знал ответ, но ему нравилось слушать объяснения матери.

– Река поднимает их из разных маленьких карманов и расщелин и несет вместе с водами. Она собирает то, что некогда было выброшено в воздух во время вулканических извержений в начале существования этого континента. Сотни миллионов лет алмазы копились и передвигались рекой вниз, к побережью. – Сантэн искоса взглянула на сына. – Но почему они не истерлись и не искрошились, как другие камни?

– Потому что они – самая твердая субстанция в природе. Ничто не может истереть или исцарапать алмаз, – с готовностью ответил Шаса.

– Нет ничего тверже или прекраснее, – согласилась Сантэн и подняла перед сыном правую руку, чтобы огромный бриллиант «маркиз» сверкнул. – Ты полюбишь их. Каждый, кто с ними работает, начинает их любить.

– Река, – напомнил ей Шаса. Ему нравилось слушать ее голос. И легкий акцент очень его интересовал. – Расскажи о реке.

Мальчик жадно слушал, когда Сантэн продолжила:

– Когда река бежит к морю, она оставляет алмазы в песках. Эти пески настолько богаты алмазами, что превратились в запретную территорию – Spieregebied.

– А можно набить карманы алмазами, просто насобирать их, как опавшие фрукты в саду?

– Не так-то это просто, – засмеялась Сантэн. – Ты мог бы искать двадцать лет и не найти ни одного камня, но если знаешь, куда смотреть, и имеешь самое примитивное оборудование и большую удачу...

– Но почему мы не можем отправиться туда, мама?

– Потому, mon chéri⁸, что все это уже занято. Все принадлежит человеку по имени Оппенгеймер – сэру Эрнесту Оппенгеймеру – и его компании под названием «Де Бирс».

– Все принадлежит одной компании. Это нечестно! – запротестовал Шаса.

Сантэн с радостью впервые заметила в его глазах искру алчности. Без здоровой доли алчности он не смог бы осуществить планы, которые Сантэн так тщательно строила для него. Она должна научить его быть жадным – ради богатства и власти.

– Да, у него концессия на Оранжевую реку, а еще ему принадлежат Кимберли, Весселтон, Булфонтейн и другие копи. Но что намного более важно, он контролирует продажу каждого камня, даже тех, что добываем мы, немногие маленькие независимые компании...

– Он контролирует нас – контролирует Ха'ани? – негодуяще воскликнул Шаса, и его гладкие щеки вспыхнули.

Сантэн кивнула:

– Нам приходится предлагать каждый добытый нами камень его центральному торговому представительству, а он назначает цену.

– И мы должны с ней соглашаться?

– Нет, не должны. Но у нас хватило бы ума не отказываться от его цены.

– А что будет, если мы откажемся?

– Шаса, я уже не раз объясняла тебе это. Не лезь в драку с тем, кто сильнее тебя. Людей более сильных, чем мы, немного, по крайней мере в Африке, но сэр Эрнест Оппенгеймер как раз из таких.

– А что он может сделать? – не уступал Шаса.

– Он может проглотить нас, дорогой, и ничто не доставит ему большего удовольствия. С каждым годом мы становимся все богаче и все соблазнительнее для него. Он единственный человек в мире, которого мы должны бояться, в особенности если у нас хватит глупости податься к этой его реке.

Она широким жестом обвела реку.

Хотя голландские первооткрыватели назвали реку Оранжевой в честь наместника Оранской династии, название в равной мере подходило ей и из-за удивительных песчаных берегов оранжевого цвета. И яркие пенистые воды, набегавшие на них, казались драгоценными потоками красного золота.

– Он владеет рекой? – Шаса был удивлен и озадачен.

– Не по закону, но приближаться к ней ты можешь лишь на свой страх и риск, потому что он яростно охраняет ее и таящиеся в ней алмазы.

– Значит, в ней есть алмазы?

⁸ Мой дорогой (*фр.*).

Шаса окинул берега страстным взглядом, словно ожидая, что где-то там соблазнительно сверкнет алмаз.

– Доктор Твентимен-Джонс и я в это верим... и мы обозначили некоторые весьма интересные участки. В двух сотнях миль выше по течению есть водопад, который бушмены называют Местом Великого Шума, Ауграби. Потом Оранжевая пронесется сквозь узкое крутое ущелье и падает в другое ущелье, невероятно глубокое. Оно должно быть настоящей сокровищницей пойманных алмазов. Потом идут другие древние наносные русла, там река меняет свой курс.

Они миновали реку и узкую полосу зелени вокруг нее, и локомотив снова набрал ход, когда они покатали на север, в пустыню. Сантэн внимательно наблюдала за лицом Шасы, продолжая свои объяснения и лекцию. Она не стала бы продолжать, если бы заметила признаки скуки; при первом признаке рассеянности она умолкала. Ей незачем было слишком нажимать. Шасе хватало времени для необходимого обучения, но именно эта тема никогда не утомляла его, никогда не выходила за пределы его сил или еще не слишком развитого сосредоточения. И Сантэн должна была сохранять его энтузиазм в целостности и сохранности, не истощая его.

На этот раз любопытство и настойчивость Шасы вышли за обычные пределы, и Сантэн решила, что настала пора двинуться дальше.

– В салоне должно быть теплее. Идем внутрь. – Она подвела сына к своему письменному столу. – Тут есть кое-что, что я хочу тебе показать.

Она открыла секретную сводку ежегодных финансовых отчетов «Компании Кортни по разработкам месторождений и финансированию».

Это обещало стать трудной задачей, потому что даже для нее самой бумажная работа представляла смертельную скуку, и Сантэн сразу увидела, как Шаса обескураженно взирает на колонки цифр. Математика являлась его единственным слабым местом.

– Ты ведь любишь шахматы, да?

– Да, – осторожно ответил Шаса.

– Это тоже игра, – заверила Сантэн сына. – Но в тысячи раз более захватывающая и вознаграждающая, как только ты поймешь ее правила.

Шаса заметно оживился – игры и выигрыши он понимал.

– Объясни мне эти правила!

– Не все сразу. Понемножку, пока ты не узнаешь достаточно, чтобы начать играть.

Наступил вечер, прежде чем Сантэн заметила усталость в уголках рта Шасы, но он все еще продолжал сосредоточенно хмуриться.

– На сегодня достаточно. – Она закрыла толстую папку. – Так каковы золотые правила?

– Всегда нужно продавать что-то дороже, чем купил.

Сантэн ободряюще кивнула.

– И нужно покупать, когда все продают, и продавать, когда все покупают.

– Хорошо. – Она встала. – А теперь глотнем свежего воздуха, прежде чем переодеться к ужину.

На балконе вагона она обняла сына за плечи, и ей пришлось для этого потянуться вверх.

– Когда приедем на рудник, я хочу, чтобы ты по утрам работал с доктором Твентименом-Джонсом. Днем можешь быть свободен, но утром будешь работать. Я хочу, чтобы ты знал все о руднике и о том, как и что работает. Конечно, я буду тебе платить.

– Это ни к чему, мама.

– Еще одно золотое правило, дорогой: никогда не отказывайся от подходящего предложения.

Всю ночь и весь следующий день они ехали на север через огромные пространства, выбеленные солнцем, а далекий пустынный горизонт очерчивали темные голубые горы.

– Мы должны попасть в Виндхук сразу после заката, – сказала Сантэн. – Но я договорилась, чтобы наш вагон поставили в тихий тупик, так что мы останемся в нем на ночь, а утром отправимся на рудник. С нами будут ужинать доктор Твентимен-Джонс и Абрахам Абрахамс, так что переоденемся.

Шаса в одной рубашке стоял перед высоким зеркалом в своем купе, сражаясь с черным галстуком-бабочкой – он еще не до конца освоил искусство завязывания, – когда почувствовал, что поезд замедляет ход, и услышал долгий зловещий гудок локомотива.

Его кольнуло волнением, и он повернулся к открытому окну. Они ехали через перевал над Виндхуком, и, пока Шаса смотрел, начали загораться уличные огни. Этот городок был не больше любого из пригородов Кейптауна, и в нем освещались лишь несколько центральных улиц.

Когда они достигли окраин города, поезд сбавил скорость, двигаясь не быстрее пешехода, и Шаса почувствовал запах древесного дыма. Потом он заметил нечто вроде лагеря среди деревьев и кустов рядом с рельсами. Он высунулся из окна, чтобы рассмотреть все, и уставился на скопления неопрятных лачуг, окутанных голубым дымом костров и затененных сгущавшимися сумерками. К рельсам был обращен щит с кое-как нарисованными буквами, и Шаса с трудом разобрал их: «Ваал Хартс? К черту!» Слова не имели смысла, и Шаса нахмурился, заметив две фигуры, стоящие у щита и наблюдающие за проходившим поездом.

Фигура поменьше ростом оказалась девочкой, босой и в бесформенном платье на хрупком теле. Она не заинтересовала его, и он перевел взгляд на более высокую и крепкую фигуру рядом с ней. И тут же потрясенно выпрямился. Даже в таком слабом свете он узнал эти серебристые волосы и черные брови. Мальчики без какого-либо выражения уставились друг на друга; мальчик в белой рубашке и черном галстуке в освещенном окне вагона – и мальчик в пыльном хаки. Потом поезд прошел мимо и скрыл их друг от друга.

– Милый...

Шаса отвернулся от окна на голос матери. Этим вечером она надела сапфиры и голубое платье, тонкое и легкое, как древесный дым.

– Ты еще не готов! Мы через минуту будем на станции... а что это ты сотворил со своим галстуком? Иди сюда, давай я сама завяжу.

Пока Сантэн стояла перед сыном и опытными пальцами завязывала галстук, Шаса старался сдерживать и подавить гнев и чувство неполноценности, вспыхнувшие при одном-единственном взгляде на того мальчика.

Машинист локомотива увел их вагон с главного пути на частную стоянку за железнодорожными строениями и отцепил локомотив, оставив вагон рядом с бетонным пандусом, где уже стоял «форд» Абрахама Абрахамса. Сам Эйб поднялся на балкон в тот самый момент, когда вагон остановился.

– Сантэн, вы прекрасны, как никогда!

Он поцеловал ей руку, потом расцеловал в обе щеки. Это был невысокий мужчина, того же роста, что и Сантэн, с живым подвижным лицом и быстрыми внимательными глазами. Уши у него чуть шевелились, словно он прислушивался к какому-то звуку, которого никто другой не мог услышать.

В его галстучной булавке красовались бриллиант и оникс, что выглядело довольно броско, а его вечерний пиджак имел слишком экстравагантный покрой, но этот человек был одним из любимчиков Сантэн. Он поддержал ее, когда общее состояние Сантэн выразилось менее чем в десяти фунтах. Он оформил ее заявку на рудник Ха'ани и с тех пор вел большую часть ее бизнеса, а заодно и многие из частных дел. Он был старым и верным другом, но, что куда более важно, он не допускал ошибок в своей работе. Иначе его бы здесь не было.

– Милый Эйб. – Сантэн сжала обе его руки. – Как Рэйчел?

– Великолепно, – заверил ее он. Это было его любимое словечко. – Шлет вам свои извинения, но малыш...

– Конечно, – понимающе кивнула Сантэн.

Абрахам знал, что она предпочитает мужскую компанию, поэтому редко брал с собой жену, даже если Сантэн ее приглашала.

Сантэн повернулась к другому человеку, сутулая фигура которого маячила у выхода на балкон.

– Доктор Твентимен-Джонс! – Она протянула ему руки.

– Миссис Кортни... – пробормотал он так, словно собирался заколотить чей-то гроб.

Сантэн одарила его самой сияющей улыбкой. Это была ее маленькая игра – проверить, сумеет ли она заставить его проявить хоть малейшее выражение удовольствия. Но она снова проиграла. Уныние доктора лишь увеличилось; он напоминал тоскующего блаухаунда.

Их знакомство началось давно, примерно тогда же, когда и знакомство Сантэн с Абрахамом. Он был инженером-консультантом в алмазной компании «Де Бирс», и именно он занялся оценкой и организацией работ на руднике Ха'ани в 1919 году. Сантэн почти пять лет убеждала и уговаривала его, прежде чем он согласился стать главным инженером на руднике Ха'ани. Он был, пожалуй, наилучшим специалистом по алмазам в Южной Африке, а значит, лучшим в мире.

Сантэн пригласила обоих мужчин в салон и отмахнулась от бармена в белой куртке.

– Абрахам, бокал шампанского? – Она сама налила ему вина. – А вам, доктор Твентимен-Джонс, немножко мадеры?

– Вы всегда все помните, миссис Кортни, – с несчастным видом произнес инженер, когда она подала ему стакан.

Они всегда обращались друг к другу официально, хотя их дружба выдержала все испытания.

– Желаю вам доброго здоровья, джентльмены! – приветствовала друзей Сантэн, а когда они выпили, посмотрела на дальнюю дверь.

В этот момент вошел Шаса, и Сантэн внимательно наблюдала за тем, как он пожимает руки мужчинам. Он вел себя с должным уважением к их возрасту, не выразил смущения, когда Абрахам слишком эмоционально обнял его, а доктора Твентимен-Джонса приветствовал весьма серьезно. Сантэн чуть заметно кивнула, одобряя сына, и села за письменный стол. Тем самым она подала знак, что с формальностями покончено и пора переходить к делу. Мужчины тут же сели на элегантные, но неудобные стулья в стиле ар-деко и выжидательно склонились к ней.

– Случилось наконец, – сказала им Сантэн. – Они урезали нашу квоту.

Они откинулись на спинки стульев и обменялись короткими взглядами, прежде чем снова повернуться к Сантэн.

– Мы ждали этого почти год, – напомнил Абрахам.

– Тем не менее это не становится более приятным, – язвительно произнесла Сантэн.

– Насколько? – спросил Твентимен-Джонс.

– На сорок процентов, – ответила Сантэн, и у доктора стал такой вид, словно он готов разрыдаться.

Каждому из независимых добытчиков алмазов центральной торговой конторой «Де Бирс» назначалась квота. Такой порядок был неофициальным и, скорее всего, незаконным, однако строго соблюдался, и ни один из независимых добытчиков не был настолько безрассуден, чтобы проверять законность системы или пытаться отправить на рынок больше дозволенного.

– Сорок процентов! – взорвался Абрахам. – Да это же просто чудовищно!

– Верное замечание, дорогой Эйб, но не слишком полезное в данный момент. Сантэн посмотрела на Твентимен-Джонса.

– А по категориям нет изменений? – спросил он.

Квоты учитывали вес в каратах по разным типам камней, от темных промышленных до прозрачайших ювелирных, а также размеры кристаллов по шкале из десяти, от самых маленьких до крупных дорогих.

– Такое же процентное соотношение, – кивнула Сантэн.

Доктор ссутулился на своем стуле, достал из внутреннего кармана блокнот и начал быстрые подсчеты. Сантэн оглянулась на Шасу, который стоял, прислонившись к переборке.

– Ты понимаешь, о чем мы говорим?

– Квоты? Да, думаю, да, мама.

– Если что-то непонятно, спрашивай, – коротко приказала она и снова повернулась к Твентимен-Джонсу.

– Вы не могли бы попросить их увеличить квоту хотя бы на десять процентов? – спросил он.

Сантэн покачала головой:

– Уже просила, но они мне отказали. «Де Бирс» в своем бесконечном сострадании подчеркнула, что наибольшее падение спроса произошло как раз на уровне самоцветов и ювелирных изделий.

Доктор вернулся к своему блокноту. Они слушали, как его карандаш шуршит по бумаге, пока он наконец не поднял голову.

– Мы можем вообще закрыться? – тихо спросила Сантэн, и у доктора стал такой вид, словно ему легче застрелиться, чем ответить.

– Ближе к тому, – прошептал он, – и нам придется увольнять рабочих и сокращать расходы, но мы должны суметь оплачивать издержки и, возможно, даже получать маленькую прибыль, но это зависит от нижней цены, которую установит «Де Бирс». Но, боюсь, сливки будет снимать торговая контора, миссис Кортни.

Сантэн даже ослабела и задрожала от облегчения. Она убрала руки со стола и положила их на колени, чтобы другие ничего не заметили. Несколько мгновений она молчала, а потом откашлялась, удостоверившись, что ее голос не срывается.

– Квота вступает в силу с первого марта, – сказала она. – Это значит, что мы сможем собрать еще один полный груз. Вы знаете, что делать, доктор Твентимен-Джонс.

– Мы положим заменитель, миссис Кортни.

– Что такое заменитель, доктор Твентимен-Джонс?

Шаса заговорил впервые, и инженер серьезно повернулся к нему:

– Когда мы находим некоторое количество по-настоящему ценных алмазов за один период добычи, мы приберегаем лучшие из них, откладываем, чтобы включить в будущие доставки, которые могут оказаться невысокого качества. И у нас есть запас таких высококачественных камней, которые мы теперь передадим под охрану, пока есть возможность.

– Понимаю, – кивнул Шаса. – Спасибо, доктор Твентимен-Джонс.

– Рад быть вам полезным, мастер Шаса.

Сантэн встала.

– Теперь мы можем поужинать.

Слуга в белой куртке открыл раздвижную дверь в столовую, где длинный стол сверкал серебром и хрусталем и в старинных селадоновых вазах стояли желтые розы.

В миле от того места, где стоял вагон Сантэн, двое мужчин сидели у дымного костра, наблюдая за булькающей в котелке маисовой кашей и обсуждая лошадей. Весь план держался

на лошадях. Их требовалось не меньше пятнадцати, причем сильных, закаленных пустыней животных.

– Тот человек, о котором я думаю, – надежный друг, – сказал Лотар.

– Даже лучший в мире друг не ссудит тебе пятнадцать хороших лошадей. А мы не можем совершить задуманное, если животных будет меньше пятнадцати, и ты не можешь купить их за сотню фунтов.

Лотар затянулся дымом вонючей глиняной трубки, и та непристойно захрюкала. Он сплюнул в огонь желтую табачную жижу.

– Я бы заплатил сотню за хорошую сигару, – проворчал он.

– Только не мою сотню, не выйдет, – возразил Хендрик.

– Ладно, забудем пока о лошадях, – предложил Лотар. – Давай поговорим о необходимых людях.

– Людей найти легче, чем лошадей, – усмехнулся Хендрик. – Нынче ты можешь купить хорошего человека по цене обеда, а за пудинг поиметь его жену. Я уже послал им сообщение, чтобы встретились с нами у котловины Уайлд-Хорс.

Они оба посмотрели на Манфреда, появившегося из темноты. Лотар, увидев выражение лица сына, сразу сунул в карман блокнот и быстро поднялся на ноги.

– Папа, ты должен поскорее пойти со мной, – взмолился Манфред.

– В чем дело, Мани?

– Мама Сары и малыши... Они все заболели. Я им сказал, что ты придешь, папа.

Лотар имел репутацию целителя людей и животных от любых болезней – от огнестрельных ран и сыпи до вертячки у овец и собачьей чумки.

Семья Сары жила под старым куском брезента рядом с центром лагеря. Женщина лежала под засаленным одеялом, и рядом с ней – двое малышей. Хотя женщине едва ли было больше тридцати лет, заботы, тяжелый труд и плохое питание превратили ее в старуху, сморщенную, с седыми волосами. Она потеряла большинство передних зубов, так что ее лицо словно провалилось внутрь.

Сара опустилась на колени рядом с матерью; влажной тряпкой она пыталась отирать пылающее лицо женщины. А та мотала головой из стороны в сторону и что-то бормотала в бреду.

Лотар присел по другую сторону от больной, лицом к девочке:

– А где твой папа, Сара? Ему следует быть здесь.

– Он отправился искать работу на рудниках, – прошептала девочка.

– Когда?

– Давно... – И тут же она пылко продолжила: – Но он пошлет за нами, и мы будем жить в красивом доме...

– Как давно твоя мама болеет?

– С прошлой ночи. – Сара снова попыталась приложить тряпку ко лбу женщины, но та слабо отмахнулась.

– А маленькие? – Лотар всматривался с их опухшие лица.

– С утра.

Лотар быстро отбросил одеяло, и из-под него хлынула удушающая вонь испражнений.

– Я пыталась их обмыть, – шептала Сара, оправдываясь. – Но они тут же снова пачкаются. Я не знаю, что делать.

Лотар приподнял перепачканное платье маленькой девочки. Ее маленький животик вздулся от недоедания, кожа была белой как мел. Ее покрывала красная сыпь.

Лотар невольно отдернул руки.

– Манфред, – резко произнес он, – ты прикасался к ним? К кому-нибудь из них?

– Да, папа, я пытался помочь Саре их обтереть.

– Иди к Хендрику, – приказал Лотар. – Скажи ему, мы немедленно уходим отсюда. Мы должны убраться поскорее.

– А что это, па? – Манфред медлил.

– Делай, что сказано! – гневно прикрикнул Лотар.

Когда Манфред исчез в темноте, он снова повернулся к девочке.

– Вы кипятили воду, которую пили? – спросил он.

Сара отрицательно качнула головой.

Всегда одно и то же, подумал Лотар. Простые деревенские люди, всю жизнь прожившие вдали от других, пили чистую воду из источников и беспечно испражнялись в открытом вельде. Они не понимали, чем рискуют, когда вынуждены были поселиться вплотную друг к другу.

– Что это такое, оом? – тихо спросила Сара. – Что с ними случилось?

– Кишечная инфекция.

Лотар увидел, что эти слова ничего не значили для Сары.

– Брюшной тиф, – попытался он объяснить иначе.

– Это плохо? – беспомощно спросила Сара.

Лотар не смог посмотреть ей в глаза. Он снова обратил взгляд на двух малышек. Их сжигала лихорадка, диарея обезвоживала тела. Было уже слишком поздно. Останься их мать здоровой, у них, возможно, был бы шанс, но женщина тоже слабела на глазах.

– Да, – сказал он. – Это плохо.

Тиф должен был разлететься по лагерю, как пожар в сухом после зимы вельде. И вполне могло оказаться, что и Манфред успел заразиться... при этой мысли Лотар быстро встал и направился прочь от вонючих подстилок.

– Что мне делать? – жалобно спросила Сара.

– Давай им как можно больше пить, но только обязательно кипяти воду.

Лотар отошел еще дальше. Он видел брюшной тиф в английских концентрационных лагерях во время войны. Эта зараза косила людей быстрее и страшнее, чем битвы. Лотар должен был увести отсюда Манфреда.

– А у вас есть лекарство от этого, оом? – Сара следовала за ним. – Я не хочу, чтобы моя мама умерла... не хочу, чтобы моя сестренка... если вы можете дать мне какое-то лекарство...

Сара пыталась сдержать слезы, растерянная и испуганная, и отчаянно надеялась на Лотара.

Лотар должен был прежде всего позаботиться о своем сыне, но его тронула храбрость девочки. Ему хотелось сказать ей: «От этого нет лекарств. Для них ничего нельзя сделать. Они теперь в руках Божьих».

Сара не отставала; она схватила Лотара за руку и потянула, словно пытаясь вернуть его к шалашу, где лежали, умирая, женщина и двое малышек:

– Помогите мне, оом! Помогите мне им помочь!

У Лотара мурашки побежали по коже от прикосновения девочки. Он тут же представил массу отвратительных микробов, упавших на него с ее нежной кожи. Он должен был как можно скорее убраться отсюда...

– Оставайся с ними, – сказал он ей, стараясь скрыть отвращение. – Давай им воду. Я пойду поискать лекарство.

– А когда вы вернетесь? – Девочка доверчиво заглянула ему в лицо.

Лотару пришлось собрать все свои силы, чтобы солгать.

– Вернусь как можно скорее, – пообещал он, мягко высвобождая руку. И повторил, отворачиваясь: – Давай им воду.

– Спасибо, – тихо произнесла ему вслед девочка. – Да благословит вас Бог, вы добрый человек, оом.

Лотар не смог ничего ответить. Не смог даже оглянуться. Вместо этого он поспешил через темнеющий лагерь. На этот раз, поскольку он сознательно прислушивался, он улавливал другие звуки в хижинах, мимо которых шел: капризный лихорадочный плач какого-то ребенка, тяжелое дыхание и стоны женщины, страдающей от ужасных спазмов в животе, беспокойные тихие голоса тех, кто ухаживал за ними...

Из одной из картонных хижин появилась костлявая фигура и вцепилась в руку Лотара. Он даже не понял сначала, мужчина это или женщина, но потом человек заговорил надтреснутым, почти безумным женским голосом:

– Вы доктор? Я должна найти доктора.

Лотар вырвался из цепких пальцев и пустился бежать.

Темный Хендрик ждал его. Он уже вскинул за плечи мешок и ногой забрасывал песком угли костра. Манфред сидел на корточках в стороне, под терном.

– Тиф, – выдохнул Лотар страшное слово. – Уже по всему лагерю.

Хендрик застыл. Лотар видел, как Хендрик противостоял раненому слону, но теперь гигант был испуган. Лотар это понял по тому, как тот держал большую черную голову, и по тому, какой запах возник от него – странный, похожий на запах рассерженной пустынной кобры.

– Пошли, Манфред. Мы уходим.

– А куда мы идем, папа? – Манфред все так же сидел на корточках.

– Подальше отсюда... подальше от города и его заразы.

– А как же Сара?

Мальчик вжал голову в плечи, и Лотар узнал этот жест упрямства.

– Она нам никто. И мы ничего не можем сделать.

– Но она умрет... как и ее мама, и маленькие... – Манфред посмотрел на отца. – Она ведь умрет, да?

– Вставай! – прикрикнул на него Лотар.

От стыда и чувства вины он разозлился.

– Мы уходим.

Он властно взмахнул рукой, и Хендрик подошел к Манфреду и поднял его на ноги.

– Идем, Мани, слушайся папу.

Он последовал за Лотаром, таща мальчика за руку.

Они перешли через железнодорожную насыпь, и Манфред перестал сопротивляться. Хендрик отпустил его, и мальчик послушно последовал за отцом.

Через час они добрались до главной дороги, пыльной серебристой полосы, бежавшей в лунном свете через перевал в холмах, и Лотар остановился.

– Мы идем за лошадьми? – спросил Хендрик.

– Да, – кивнул Лотар. – Это следующий шаг.

Но его голова сама повернулась в ту сторону, откуда они пришли, и все они умолкли, тоже глядя назад.

– Я не мог поступить по-другому, – объяснил Лотар. – Я не мог позволить Манфреду оставаться рядом с ними.

Никто ему не ответил.

– Мы должны заняться подготовкой... – продолжал он. – Лошади, мы должны добыть лошадей...

Он умолк.

Внезапно Лотар сорвал мешок с плеча Хендрика и бросил его на землю. Сердито открыв его, он достал небольшой холщовый сверток, в котором лежали его хирургические инструменты и запас лекарств.

– Придержи Мани, – приказал он Хендрику. – Ждите меня в ущелье у реки Гамас, на том месте, где мы останавливались во время марша из Усакоса. Ты его помнишь?

Хендрик кивнул:

– Как долго тебя ждать?

– Ровно столько, сколько им понадобится, чтобы умереть, – ответил Лотар.

Он встал и посмотрел на Манфреда.

– Делай, что велит Хендрик, – приказал он.

– Можно мне пойти с тобой, папа?

Лотар не потрудился ответить. Он повернулся и зашагал обратно среди освещенных лунной колючих деревьев, а Хендрик и Манфред провожали его взглядами, пока он не исчез. Потом Хендрик опустился на колени и начал заново укладывать вещи в мешке.

Сара сидела на корточках у костра, юбка сбилась вокруг ее тощих темных ног; она щурилась от дыма, ожидая, пока вскипит вода в закопченном котелке.

Подняв голову, она увидела Лотара, стоявшего на краю освещенного круга. Девочка уставилась на него, а потом ее бледное худое личико как будто съежилось, и по щекам потекли слезы, поблескивая в отсветах костра.

– Я думала, вы не вернетесь, – прошептала она. – Я думала, вы ушли.

Лотар резко качнул головой, все еще злясь на собственную слабость и не доверяя собственному голосу. Он просто присел на корточки напротив девочки, по другую сторону костра, и раскрыл свою холщовую сумку. Ее содержимое никак не подходило к случаю. Лотар мог выдернуть гнилой зуб, вскрыть нарыв, вычистить змеиный укус или поставить шины на сломанные конечности, но лечить стремительно распространяющийся тиф ему было практически нечем. Лотар налил в кружку столовую ложку черного патентованного состава Чемберлена от диареи и наполнил ее до краев горячей водой из котелка.

– Помоги мне! – велел он Саре.

Они вместе приподняли и усадили младшего ребенка. Малышка почти ничего не весила, Лотар ощущал каждую косточку ее крошечного тела, словно он взял в руки едва оперившегося птенца. И все было безнадежно.

«Она умрет к утру», – думал Лотар, поднося кружку к ее губам.

Но девочка и столько не протянула; она ускользнула из жизни за несколько часов до рассвета. Момент ее смерти остался незамеченным, и Лотар понял все лишь тогда, когда пощупал пульс ребенка на сонной артерии и ощутил холод вечности в истощенной плоти.

Мальчик продержался до полудня и ушел так же тихо, как и его сестренка. Лотар завернул их в одно серое грязное одеяло и вынес на руках к общей могиле, уже выкопанной на краю лагеря. Это был маленький одинокий сверток на песчаном дне, в конце ряда более крупных тел.

Мать Сары продолжала сражаться за жизнь.

«Бог знает, почему ей так хочется дальше жить, – думал Лотар, – ее ведь не ждет ничего хорошего». Но она стонала, мотала головой и вскрикивала в бреду. Лотар уже возненавидел ее за такое упорство, за то, что она удерживала его рядом с вонючими матрасами, вынуждая следить за своим угасанием, касаться горячей от лихорадки кожи, вливать лекарство в беззубый рот...

В сумерки он подумал, что она победила. Кожа женщины стала прохладнее, сама она затихла. И даже с трудом потянулась к руке Сары и попыталась что-то сказать, глядя в лицо дочери, как будто узнавая ее, но слова вязли в глубине ее горла, а в углах рта скапливалась пузырящаяся желтая слизь.

Усилие оказалось слишком большим. Женщина закрыла глаза и как будто заснула. Сара отерла ей губы и взяла тонкую костлявую руку с синими венами, набухшими под кожей.

Через час женщина внезапно села и отчетливо произнесла:

– Сара, где ты, детка?

А потом упала на спину и сделала долгий судорожный вдох. Вдох оборвался на середине, и худая грудь женщины медленно опала, а вся плоть словно стекла с ее лица, как теплый воск.

На этот раз Сара шла рядом с Лотаром, когда тот нес женщину к могиле. Он положил ее в конце длинного ряда трупов. А потом они вместе вернулись к шалашу.

Сара стояла и смотрела, как Лотар сворачивает холщовую скатку, и на ее маленьком бледном личике отражалась бесконечная тоска. Лотар прошел с десяток шагов, потом повернул обратно. Девочка дрожала, как брошенный щенок, но не тронулась с места.

– Ладно, – сказал Лотар с покорным вздохом. – Идем!

Она бросилась к нему.

– Я не доставлю вам никаких неприятностей, – пробормотала она, едва не рыдая от облегчения. – Я вам буду помогать. Я умею готовить, шить и стирать. Вам не будет со мной тяжело.

– Что ты собираешься с ней делать? – спросил Хендрик. – Она не может оставаться с нами! Нам никогда не сделать того, что мы должны, имея на руках ребенка такого возраста!

– Я не мог бросить ее там, – оправдывался Лотар. – В этом лагере смерти.

– Но для нас так было бы лучше. – Хендрик пожал плечами. – А теперь что?

Они покинули стоянку на дне ущелья и поднялись на вершину скалистого обрыва. Дети остались далеко внизу, на песчаном берегу единственного зеленого застоявшегося водоема во всем ущелье, в котором еще оставалась вода.

Дети сидели рядом на корточках; Манфред вытянул вперед правую руку, держа самодельную леску. Мужчины увидели, как мальчик отклонился назад и перебросил леску из руки в руку. Сара вскочила, ее восторженный крик донесся до мужчин. А они наблюдали, как Манфред выдернул из воды быющего, скользкого черного сома. Рыба запрыгала на песке, сверкая каплями влаги.

– Я решу, что с ней делать, – заверил Хендрика Лотар.

Но Хендрик перебил его:

– Лучше думай поскорее. С каждым днем, который мы тратим впустую, вода на севере пересыхает, а у нас до сих пор нет лошадей.

Лотар набил свою трубку новой порцией махорки и задумался. Хендрик был прав: девочка все усложняла. Следовало как-то избавиться от нее. Внезапно он оторвал взгляд от трубки и улыбнулся.

– Моя кузина, – сказал он.

Хендрик недоуменно уставился на него:

– Я и не знал, что у тебя есть кузены.

– Большинство из них погибли в лагерях, но Труди выжила.

– Где же она, эта твоя любимая кузина?

– Она живет как раз на нашем пути к северу. Так что мы не потеряем времени, а просто оставим девочку у нее.

– Я не хочу туда идти, – горестно прошептала Сара. – Я не знаю твою тетю. Я хочу остаться с вами.

– Тише! – предостерег ее Манфред. – Разбудишь папу и Хенни.

Он придвинулся ближе к ней и прижал палец к ее губам. Костер уже догорел, и луна зашла. Только звезды пустыни сияли над ними, большие, как огни свечей, на фоне черного бархатного полога неба.

Сара заговорила так тихо, что Манфред едва мог разбирать слова, хотя губы девочки находились в нескольких дюймах от его уха.

– Ты единственный друг, который у меня когда-либо был, – сказала она. – Да еще такой, кто учил меня читать и писать.

Манфред тут же почувствовал, как от этих слов на его плечи лег огромный груз ответственности. До этого момента он испытывал к девочке двойственные чувства. У него, как и у Сары, никогда не было друзей его возраста, он никогда не ходил в школу, никогда не жил в городе. Его единственным учителем был отец. Всю свою жизнь Манфред находился среди взрослых мужчин; рядом были его отец, Хендрик и грубые суровые мужчины. И никакая женщина не заботилась о нем и не проявляла к нему нежности.

Сара стала его первой подружкой, хотя ее слабость и глупость раздражали Манфреда. Ему приходилось ждать, пока она догонит его, когда они поднимались на холмы, и она хныкала, когда он бил по голове сома, умерщвляя его, или сворачивал шею жирному коричневому франколину, попавшемуся в силки. Однако она смешила его, и Манфреду нравился ее голос, когда она пела, – голос был тоненьким, нежным и очень мелодичным. И хотя ее раболепие иногда выглядело избыточным и чрезмерным, все же Манфред испытывал необъяснимое чувство блаженства, когда Сара была рядом. Она быстро училась, и за те несколько дней, что они провели вместе, она успела выучить наизусть алфавит и таблицу умножения от двух до десяти.

Конечно, было бы намного лучше, окажись Сара мальчиком, однако мальчик все же разглядел в ней кое-что интригующее... Запах и мягкость ее кожи озадачивали Манфреда. Волосы у Сары были очень мягкими, шелковистыми... Иногда он касался их как бы случайно, и Сара тут же застывала и не шевелилась под его пальцами, так что он смущался и почти бессознательно убирал руку.

Иногда Сара прижималась к нему, как нежный котенок, и странное удовольствие, охватывавшее Манфреда, было слишком непропорционально краткому прикосновению; а когда они спали под одним одеялом, Манфред мог проснуться среди ночи и прислушиваться к ее дыханию, а ее волосы щекотали его лицо.

Дорога до Окаханджи была долгой, тяжелой и пыльной. Они находились в пути уже пять дней. Но двигались только рано утром и поздно вечером. Днем мужчины обычно отдыхали в тени, а двое детей могли удрать в сторонку, чтобы поболтать, поставить силки или продолжить уроки Сары. Они не играли в какие-нибудь воображаемые игры, как могли бы проводить время другие дети их возраста. Жизнь обоих была слишком близка к грубой реальности. А теперь над ними нависла новая угроза – угроза разлуки, которая становилась все более близкой с каждой милей, оставленной позади. Манфред не мог найти слов, чтобы утешить Сару. Его собственное чувство неминуемой потери усугубилось из-за заверений Сары в ее дружбе. Она прижималась к нему под одеялом, и тепло ее худенького, хрупкого тела изумляло. Манфред неловко обнял ее за плечи, и мягкие волосы прижались к его щеке.

– Я за тобой вернусь.

Манфред не собирался этого говорить. И даже не думал ничего такого до момента, когда у него вырвались эти слова.

– Обещай мне! – Сара повернулась так, что ее губы оказались возле уха Манфреда. – Обещай, что вернешься и заберешь меня.

– Обещаю. Я за тобой вернусь, – торжественно повторил Манфред, сам потрясенный тем, что делал.

Он не имел власти над своим будущим, он просто не мог быть уверен, что сдержит такое обещание.

– Когда? – тут же спросила Сара.

– Нам нужно кое-что сделать...

Манфред не знал подробностей того, что задумали его отец и Хендрик. Он лишь понимал, что это нечто трудное и в какой-то степени опасное.

– Это кое-что важное. Нет, я не могу тебе рассказать. Но когда все кончится, мы за тобой придем.

Похоже, это удовлетворило Сару. Она вздохнула, и Манфред почувствовал, как напряжение покинуло ее тело. Она сонно расслабилась и тихо забормотала:

– Ты ведь мой друг, да, Мани?

– Да. Я твой друг.

– Мой лучший друг?

– Да, твой лучший друг.

Сара снова вздохнула и заснула. Манфред погладил ее волосы, такие мягкие и пушистые под его пальцами, и на него напала тоска неизбежной утраты. Ему даже захотелось заплакать, но такие девчачьи штучки были не для него, он бы такого не допустил.

На следующий вечер они тащились по щиколотку в белой, как мука, пыли по очередному изгибу обширной холмистой равнины, и когда дети догнали Лотара на гребне невысокого холма, он без слов показал вперед.

Скопление железных крыш маленького приграничного городка Окаханджи сияло в лучах опускавшегося солнца, как зеркала, а посреди них возвышался единственный церковный шпиль. Тоже обшитый гофрированным железом, он высотой не уступал деревьям, окружавшим его.

– Пойдем туда, когда стемнеет.

Лотар перекинул мешок на другое плечо и посмотрел на девочку. Ее тонкие волосы пропитались потом и пылью и спереди прилипли ко лбу и щекам, а растрепанные косички торчали за ушами, как рожки. Солнце обожгло ее так, что, если бы не светлые волосы, она сошла бы за дитя племени нама. И одета она была так же просто, а ее босые ноги стали белыми от тонкой пыли.

Лотар обдумал идею покупки ей нового платья и обуви в одной из маленьких лавок у дороги – и отверг ее. Конечно, оно бы того стоило, потому что если его кузина откажется от ребенка... Лотар не стал додумывать эту мысль. Он может просто слегка отмыть дитя возле буровой скважины, из которой город снабжался водой.

– Даму, у которой ты останешься, зовут мефроу⁹ Труды Бирман. Она очень добрая религиозная леди.

Лотар почти не общался со своей кузиной. Они не виделись тринадцать лет.

– Она замужем за пастором голландской реформистской церкви здесь, в Окахандже. Он тоже хороший богобоязненный человек. И у них есть дети твоего возраста. Тебе будет с ними очень хорошо.

– А он будет учить меня читать, как учит Мани?

– Конечно! – Лотар готов был дать любые обещания, лишь бы избавиться от ребенка. – Он учит своих детей, а ты будешь такой же, как они.

– А почему Мани не может остаться со мной?

– Мани должен идти со мной.

– Пожалуйста, можно и мне пойти с вами?

– Нет, нельзя. Ты останешься здесь... и я не хочу больше говорить об этом.

У резервуара рядом с насосом скважины Сара смыла пыль с ног и рук и прополоскала волосы, прежде чем снова заплести их в косички.

– Я готова, – сообщила она наконец Лотару, и ее губы дрожали, когда Лотар окидывал ее критическим взглядом.

Да, она была грязной маленькой оборванкой, ненужной ношей для них, тем не менее Лотар испытывал к ней непонятную нежность. Он поневоле восхищался силой духа и храбро-

⁹ Госпожа (африкаанс).

стью малышки. И вдруг он поймал себя на мысли: нельзя ли найти другой способ вместо того, чтобы бросить здесь девочку? и ему понадобилось сделать над собой усилие, чтобы решительно сказать себе, что это сделать необходимо.

– Ладно, идем. – Он взял ее за руку и повернулся к Манфреду. – А ты жди здесь с Хенни.

– Пап, позволь мне пойти с вами! – умоляюще воскликнул Манфред. – Только до ворот! Просто чтобы попрощаться с Сарой!

Лотар заколебался, потом ворчливо согласился:

– Хорошо, но помалкивай и помни о хороших манерах.

Он повел обоих детей по узкой дорожке позади длинного ряда коттеджей, и наконец они подошли к задней калитке одного из домов побольше, рядом с церковью. Не вызвало сомнений, что это дом пастора. В задней комнате горел свет, жесткий белый свет керосиновой лампы, и в проволочную сетку, прикрывавшую дверь, бились жуки и мошки.

Как только они вошли в калитку и направились по дорожке к кухне, до них донеслись звуки голосов, сливавшихся в печальном религиозном песнопении. Подойдя к сетке на двери, они увидели в освещенной кухне семью, сидевшую за длинным дощатым столом; все пели хором.

Лотар постучал в дверь, и пение стихло.

Мужчина, сидевший во главе стола, встал и направился к двери. Он был в черном костюме, штанины и рукава вспучились на локтях и коленях, но пиджак туго обтягивал широкие плечи. Волосы мужчины, густые и длинные, свисали до плеч седеющей гривой и осыпали темную ткань хлопьями перхоти.

– Кто это? – резко спросил он голосом, привыкшим вещать с кафедры.

Он распахнул сетчатую дверь и всмотрелся в темноту. У него был широкий интеллигентный лоб с большими залысинами над ним, а глаза сидели глубоко, как у пророков Ветхого Завета.

– Ты!

Он узнал Лотара, но не сделал попытки как-то приветствовать его. Вместо этого он оглянулся через плечо.

– Мефроу, тут твой безбожный кузен явился из пустыни, словно Каин!

Светловолосая женщина поднялась с другого конца стола, шикнула на детей и жестом велела им оставаться на местах. Ростом она почти не уступала мужу, но, хотя ей было за сорок, выглядела она свежо – хорошо сложенная, с румяным лицом и косами, уложенными на макушке на немецкий лад. Она сложила полные белые руки на бесформенной пухлой груди.

– Чего тебе нужно от нас, Лотар де ла Рей? – требовательно спросила она. – Это дом христиан, почитающих Господа, и мы не хотим иметь ничего общего с дикарями вроде тебя...

Она умолкла на полуслове, заметив детей, и с любопытством уставилась на них.

– Привет, Труди. – Лотар подтолкнул Сару вперед, на освещенное пространство. – Много лет прошло. Ты выглядишь довольной и счастливой.

– Я счастлива благодаря любви Господа, – согласилась его кузина. – Но ты знаешь, что мне редко выпадал достаток.

Она изобразила на лице нечто вроде страдания, и Лотар быстро продолжил:

– Я даю тебе еще один шанс христианского служения. – Он подтолкнул Сару вперед. – Эта бедная сирота... она осталась совершенно одна. Ей нужен дом. Ты могла бы принять ее, Труди, и Господь возлюбит тебя за это.

– Если это очередное твое...

Труди обернулась, бросила взгляд в кухню, на любопытные лица своих дочерей, и тут же понизила голос и зашипела:

– Это еще один твой ублюдок?

– Нет, ее родные умерли во время эпидемии тифа.

Это была ошибка. Лотар увидел, как Труды отшатнулась от девочки.
– Да это случилось много недель назад! Она не заразилась!
Труды слегка расслабилась, и Лотар поспешно продолжил:
– Я не могу о ней заботиться. Мы путешествуем, а ей нужна женщина.
– У нас и так слишком много ртов... – начала было Труды, но муж перебил ее.
– Входи, дитя! – прогудел он, и Лотар подтолкнул Сару к нему. – Как тебя зовут?
– Сара Бестер, оом.
– Значит, ты из фолкеров? – спросил высокий пастор. – Из настоящих африканеров?
Сара неуверенно кивнула.
– А твоя покойная матушка и твой отец были обвенчаны в реформистской церкви?
Сара снова кивнула.
– И ты веришь в великого Бога Израиля?
– Да, оом. Мама научила меня, – прошептала Сара.
– Тогда мы не можем отвергнуть этого ребенка, – сказал пастор своей жене. – Впусти ее в дом, женщина. Господь ее прокормит. Господь не оставляет избранный народ.
Труды Бирман театрально вздохнула и протянула Саре руку.
– Такая тощая и грязная, как негритенок.
– А ты, Лотар де ла Рей, – пастор направил на Лотара палец, – указал ли тебе милосердный Господь на твои ошибки, направил ли твои стопы на путь праведности?
– Пока нет, дорогой кузен. – Лотар отступил от двери, не скрывая облегчения. Внимание пастора привлек мальчик, стоявший в тени за спиной Лотара.
– А это кто?
– Мой сын Манфред. – Лотар жестом защиты опустил руку на плечо мальчика. Пастор шагнул ближе и нагнулся, внимательно всматриваясь в лицо Манфреда. Его большая темная борода оцетинилась, глаза горели фанатизмом, но Манфред смотрел прямо в них и видел, как они меняются. В них засветились тепло, добродушие и сострадание.
– Я тебя напугал, йонг?¹⁰
Его голос смягчился, и Манфред качнул головой:
– Нет, оом... точнее, не очень.
Пастор усмехнулся:
– Кто учит тебя читать Библию, йонг?
– Мой отец, оом.
– Тогда Господь будет милостив к твоей душе.
Пастор выпрямился и посмотрел на Лотара, выставив вперед бороду.
– Я бы предпочел, чтобы ты оставил мальчика вместо девочки, – сказал он, и Лотар крепче сжал плечо сына. – Он, похоже, неплохой парнишка, а нам нужны хорошие мужчины для служения Богу.
– О нем хорошо заботятся.
Лотар не мог скрыть своего волнения, а пастор снова обратил на Манфреда властный взгляд.
– Думаю, юноша, нам с тобой суждено снова встретиться по велению Господа. Когда твой отец утонет, или его сожрет лев, или его повесят англичане, или его как-то еще накажет Бог Израиля, приходи сюда. Ты меня слышишь, йонг? Меня зовут Тромп Бирман, Глас Божий. Возвращайся в этот дом!
Манфред кивнул:
– Я приду, чтобы повидаться с Сарой. Я обещал ей.

¹⁰ Юноша (африканс).

При этих его словах храбрость девочки иссякла, она всхлипнула и попыталась вырваться из рук Труды.

– Прекрати, дитя! – Труды Бирман раздраженно встряхнула Сару. – Перестань бормотать! Сара слегка задохнулась и подавила новое рыдание.

Лотар развернул Манфреда от двери.

– Это дитя умеет работать, кузен. Ты не пожалеешь о своем милосердии, – бросил он пастору.

– Посмотрим, – с сомнением проворчал пастор.

Лотар уже направился прочь по тропинке.

– Помни слово Божье, Лотар де ла Рей! – прогудел ему вслед Глас Божий. – «Я есть путь и свет! Верящий в меня...»

Манфред вывернулся из отцовской руки и оглянулся. Высокая сухопарая фигура пастора почти заполняла собой дверной проем, но где-то на уровне его талии из-за его спины выглянула Сара – и в свете керосиновой лампы ее лицо было белым, как фарфор, и блестело от слез.

На оговоренном месте их ждали четверо мужчин. В отчаянные годы, когда они вместе сражались в партизанском отряде, каждому было необходимо знать места встреч. Когда во время схваток их разделяли солдаты противника, они рассыпались по вельду, а несколько дней спустя снова собирались в одном из безопасных мест.

В таких местах всегда была вода – небольшой источник в расщелине на склоне холма, колодец бушменов или пересохшее русло реки, где они могли докопаться до драгоценной влаги. И еще такие места всегда находились достаточно высоко, что позволяло им видеть все вокруг, так что преследовавший враг не мог захватить их врасплох. К тому же рядом всегда имелось пастбище для лошадей и укрытие для людей, и они оставляли там в тайниках кое-какие припасы.

Место, которое Лотар выбрал для этой встречи, имело и дополнительные преимущества. Оно находилось всего в нескольких милях к северу от усадьбы преуспевающего немецкого скотовода, доброго друга семьи Лотара; на этого человека можно было положиться, и он ничего не имел бы против их присутствия на его земле.

Лотар поднялся в холмы вдоль сухого русла, что извивалось между склонами, как подбитая африканская гадюка. Он выбрался на открытое место, чтобы ожидавшие его люди увидели его издали. Ему оставалось пройти еще около двух миль до места встречи, когда на каменистом гребне впереди замаячила маленькая фигура и замахала руками. Тут же появились еще трое, и все они побежали вниз по сухому речному руслу навстречу Лотару и его спутникам.

Впереди шел Варк Ян, или Свинка Джон, старый воин-готтентот с желтым сморщенным лицом, которое выдавало его происхождение от племен нама и бергдама и даже, как он частенько хвастался, от настоящих бушменов. Якобы его бабушка была бушменкой, рабыней, захваченной в плен бурами в одном из последних больших рейдов прошлого столетия. Но он также был известным луном, и мнения насчет правдивости этих сведений разделялись. Следом за Варк Яном шагал Кляйн Бой, незаконный сын Хендрика от матери-гереро.

Он сразу подошел к отцу и приветствовал его традиционным образом, почтительно хлопая в ладоши. Он был так же высок и могуч, как Хендрик, но черты лица у него были тоньше, и он имел раскосые глаза матери и не такую темную кожу. Словно дикий мед, эта кожа меняла цвет, когда на ней играли солнечные лучи. Эти двое работали на траулерах в Уолфиш-Бей, и Хендрик выслал их вперед, чтобы найти других необходимых им людей и привести на место встречи в холмах.

Теперь Лотар повернулся к этим людям. Прошло двенадцать лет с тех пор, как он видел их в последний раз. Он помнил их как охотников-дикарей, его гончих псов, как он ласково их

называл, совершенно им не доверяя. Потому что они, словно дикие псы, могли развернуться и наброситься на него при первых признаках слабости.

Теперь он поздоровался с ними, назвав их старыми прозвищами: Лапы – так он звал мужчину-овамбо с ногами как у аиста – и Буффало – этот всегда настороженно наклонял голову на толстой шее, как буйвол. Они хлопнули друг друга по ладоням, потом по запястьям, потом снова по ладоням – такое приветствие они держали для особых случаев вроде встречи после долгой разлуки или успешной вылазки. Лотар, всматриваясь в них, сразу увидел, как двенадцать лет и легкая жизнь изменили их. Они стали толстыми и рыхлыми мужчинами средних лет, однако он постарался успокоить себя, что задача перед ними стояла не слишком трудная.

– Что ж! – Он усмехнулся. – Мы стряхнем немножко жира с ваших толстых животов.

Те покатались со смеху.

– Мы пришли сразу, как только Кляйн Бой и Свинка Джон назвали ваши имена, – заверили они его.

– Конечно, вы сюда явились только из любви ко мне и преданности, – съязвил Лотар. – Точно так же, как стервятники и шакалы сбегаются из любви к мертвечине, а вовсе не для того, чтобы попить.

Те снова захохотали. Они соскучились по его острому языку.

– Свинка Джон упомянул о золоте, – признался Буффало между взрывами смеха. – А Кляйн Бой шепнул, что, может, придется снова подраться.

– Грустно, но мужчина моего возраста может наслаждаться своими женами только раз или два в день, но он может сражаться, радоваться старым друзьям и грабить день и ночь... а уж наша преданность тебе шириной с Калахари! – заявил Сторк Лапы, и все опять захохотали и стали колотить друг друга по спинам.

Продолжая время от времени взрываться смехом, вся компания покинула речное русло и стала подниматься по склону к тайному месту. Это была пещера за низким скальным выступом; ее своды почернели от копоти бесчисленных костров, а заднюю стену украшали рисунки, сделанные охрой, – их оставили маленькие желтые бушмены, которые задолго до белых людей веками пользовались этим убежищем. От входа в укрытие открывался потрясающий вид на мерцающие долины. Приблизиться к этому месту незамеченным было почти невозможно.

Четверо пришедших первыми уже вскрыли тайник. Он находился в расщелине камня дальше на склоне холма, и вход в него был завален валунами и замазан речной глиной. Содержимое тайника пережило годы куда лучше, чем ожидал Лотар. Конечно, консервы и боеприпасы были хорошо упакованы, а винтовки «маузер» густо смазаны жиром и обернуты промасленной бумагой. И остались в прекрасном состоянии. Даже большая часть седельного снаряжения и одежды неплохо сохранилась в сухом воздухе пустыни.

Они неплохо перекусили жареной говядиной из банок и корабельными галетами; когда-то они ненавидели эту еду за ее однообразие, но теперь она казалась им восхитительной и вызвала воспоминания, и прошлые тяжелые дни спустя много лет виделись привлекательными.

После еды они разобрали упряжь, обувь и одежду, отбрасывая то, что повредили насекомые и грызуны, а также то, что пересохло, уподобившись пергаменту. А затем принялись за ремонт и чистку, промасливая все, что в этом нуждалось. Наконец для каждого было готово снаряжение и оружие.

Пока они работали, Лотар думал о том, что в пустыне разбросаны десятки подобных тайников, а на севере, где находилась секретная береговая база, с которой он снабжал горючим и всем необходимым немецкие подводные лодки, должны до сих пор лежать ценные вещи на тысячи фунтов. До этого момента ему и в голову не приходило забрать все для себя – почему-то это всегда казалось принадлежащим патриотам.

Лотар ощутил укол соблазна. «Возможно, если я возьму напрокат лодку в Уолфише и отправлюсь вверх вдоль побережья...»

Но тут с внезапно охватившим его ознобом Лотар вспомнил, что ему никогда больше не увидать Уолфиш-Бей или эту землю. Они не смогут вернуться после того, что сделают.

Он вскочил и быстрым шагом направился ко входу в каменное укрытие. Когда он смотрел на серовато-коричневую, обожженную солнцем равнину с разбросанными по ней акациями, его вдруг охватило предчувствие ужасных страданий и несчастий.

«Смогу ли я когда-нибудь быть счастливым где-то еще? – думал он. – Вдали от этой суровой и прекрасной земли?»

Его решимость поколебалась. Он обернулся и увидел Манфреда, с тревожным видом наблюдавшего за ним. «Смогу ли я сделать это ради моего сына? Могу ли обречь его на жизнь в изгнании?»

Лотар с усилием отбросил сомнения, встряхнувшись, словно конь, отгоняющий жалящих мух, и подозвал Манфреда. Он увел сына в сторону от укрытия, а когда они оказались достаточно далеко от остальных, рассказал ему, что ждет их впереди, говоря с Манфредом как с равным.

– Все, ради чего мы трудились, было украдено у нас, Мани, не в глазах закона, а в глазах Бога и естественной справедливости. Библия дает нам право на возмещение ущерба, если нас обманули или обокрали. Око за око, зуб за зуб. Мы вернем себе то, что у нас украли. Но, Мани, английский закон будет смотреть на нас как на преступников. Нам придется бежать, бежать и прятаться, а они начнут на нас охотиться, как на диких зверей. Мы сможем выжить лишь благодаря нашей храбрости и уму.

Манфред слегка пошевелился, глядя на отца сияющими страстными глазами. Все это звучало романтично и волнующе, и он гордился доверием отца, который обсуждал с ним такие взрослые вопросы.

– Мы отправимся на север. Там в Таганьике, Ньясаленде и Кении есть хорошие земли для фермерства. Многие из наших фолкеров уже перебрались туда. Конечно, нам придется сменить имена, и мы никогда не сможем сюда вернуться, но мы построим новую жизнь в новой стране.

– Никогда не вернемся? – Выражение лица Манфреда изменилось. – Но как же Сара?

Лотар пропустил мимо ушей этот вопрос.

– Возможно, мы купим отличную кофейную плантацию в Ньясаленде или на одном из нижних склонов Килиманджаро. Там в долинах Серенгети до сих пор бродят огромные стада диких животных, и мы будем фермерами и охотниками.

Манфред слушал, но теперь он не радовался. Разве он мог возразить? Разве он мог сказать: «Папа, я не хочу уезжать в другую страну. Я хочу остаться здесь?»

Он долго лежал без сна, когда остальные уже храпели, а костер догорел, оставив после себя лишь красные угольки, и думал о Саре, вспоминая ее бледное личико, залитое слезами, и теплое маленькое тело под одеялом рядом с ним. «Она единственный друг, который у меня когда-либо был».

К реальности Манфреда вернул странный, тревожный звук. Он донесся из долины под ними, но казалось, что расстояние ничуть не смягчило гудевшей в нем ярости.

Его отец негромко кашлянул и сел, сбросив одеяло. Жуткий звук повторился, все нарастая и нарастая, а потом затих, превратившись в низкое рычание.

– Что это, папа?

У Манфреда побежали по коже мурашки, а волоски на затылке встали дыбом, словно он коснулся крапивы.

– Говорят, что даже храбрейший из людей пугается, когда впервые слышит этот звук, – тихо ответил ему отец. – Это охотничий рык голодного льва Калахари, сынок.

На рассвете, когда они спустились с холма и выбрались в долину, Лотар, шедший впереди, внезапно остановился и кивком подозвал Манфреда.

– Ты слышал его голос... а вот следы его лап.

Он наклонился и коснулся отпечатка размером с обеденную тарелку, глубоко вдавленного в мягкую желтую землю.

– Это старый *maanhar* – одинокий старый гривастый самец.

Лотар обвел пальцем след. Манфред и прежде не раз видел, как отец это делает, всегда касаясь следов так, словно извлекал из них какие-то тайны.

– Видишь, подушечки стерлись, они почти гладкие, и он идет, перенося вес назад. Он бережет переднюю правую лапу, он хромым. Ему трудно добыть еду, и, возможно, поэтому он держится поближе к ранчо. Домашнюю скотину легче убить, чем дикое животное.

Лотар протянул руку и снял что-то с нижней ветки колючего куста.

– Вот, Мани. – Он положил на ладонь Манфреда маленький клочок грубой красно-вато-золотой шерсти. – Это прядь его гривы, которую он оставил для тебя.

Потом Лотар поднялся и перешагнул через след. Он повел их к широкому участку земли, увлажненному природными артезианскими источниками; трава там росла густой и зеленой, высотой до колен, и они увидели первые стада животных, горбатых, с подгрудками, почти достающими до земли, их шкуры блестели в утреннем свете.

Сам фермерский дом стоял на возвышении за источниками, прямо посреди целой плантации экзотических финиковых пальм, завезенных из Египта. Это был старый колониальный немецкий форт, наследие войны гереро 1904 года, когда все эти территории охватило восстание против расширения германской колонизации. Даже племена бондельсварт и нама присоединились к гереро, и понадобилось двадцать тысяч белых солдат и шестьдесят миллионов фунтов, чтобы подавить это восстание. И вдобавок к этому были убиты две с половиной тысячи немецких офицеров и солдат, а семьдесят тысяч мужчин, женщин и детей народа гереро были расстреляны, сожжены и умерли от голода. И этот список составил почти ровно семьдесят процентов всего племени.

Фермерский дом изначально представлял собой приграничный форт, построенный для того, чтобы удерживать наступление гереро. Его толстые побеленные наружные стены были изрезаны бойницами, а центральную башню украшали зубцы и флагшток, на котором до сих пор вызывающе развевался немецкий имперский орел.

Граф, владелец поместья, заметил их издали, когда они еще шагали по пыльной дороге мимо источников, и выслал встречающего. Сам он принадлежал к поколению матери Лотара, но оставался подтянутым и стройным. Белый шрам, след дуэли, искривлял уголок его рта, а его манеры были старомодными и официальными. Он отослал Темного Хендрика в крыло, предназначенное для слуг, а Лотара и Манфреда провел в прохладный и темный центральный зал, где уже стояли наготове бесчисленные черные бутылки доброго немецкого пива и кувшины домашнего имбирного пива.

Пока путники купались, их одежду забрали слуги и вернули через час отстиранной и выглаженной, а обувь гостей начистили до блеска. На ужин подали нежный толстый филей и великолепные рейнские вина. К искреннему восторгу Манфреда, за мясом последовали разнообразными сладкие пироги, пудинги и пирожные, а Лотар куда больше наслаждался цивилизованной беседой с хозяином и хозяйкой. Для него было огромным удовольствием поговорить о книгах и музыке и послушать безупречный немецкий язык хозяев.

Когда Манфред уже не мог проглотить ни кусочка и ему приходилось обеими руками прикрывать рот, пряча зевоту, одна из горничных-гереро отвела его в предназначенную для него спальню, а хозяин налил Лотару шнапса и принес коробку гаванских сигар, пока его жена хлопотала над серебряным кофейником.

Когда сигара как следует разгорелась, граф сказал Лотару:

– Я получил письмо, что вы отправили из Виндхука, и был весьма огорчен, узнав о ваших бедах. Времена для всех нас настали тяжелые. – Он протер рукавом монокль, прежде чем снова вставить его в глаз и сфокусировать взгляд на Лотаре. – Ваша святая матушка была чудесной леди. И нет ничего такого, чего я не сделал бы для ее сына. – Он немного помолчал и затянулся дымом, слегка улыбнувшись вкусу сигары, а потом добавил: – Однако...

Лотар упал духом при этом слове, всегда предвещавшем отрицание и разочарование.

– Однако меньше чем за две недели до того, как я получил ваше письмо, к нам на ранчо прибыл офицер отдела закупок, и я продал ему всех лишних лошадей. У меня осталось лишь столько, сколько необходимо нам самим.

Хотя Лотар видел не меньше сорока отличных лошадей, пасшихся на молодой траве неподалеку от ранчо, он лишь понимающе кивнул.

– Конечно, у меня есть пара великолепных мулов – крупных, сильных, – и я мог бы уступить их вам по минимальной цене... скажем, за пятьдесят фунтов.

– За пару? – почтительно спросил Лотар.

– За каждого, – твердо ответил граф. – Что касается другого предложения, содержащегося в вашем письме, я придерживаюсь твердого правила: никогда не одалживать деньги друзьям. Это способ избежать потери и друга, и денег.

Лотар пропустил это мимо ушей и вернулся к предыдущим словам графа:

– Тот офицер-снабженец... он покупал лошадей во всех имениях этого округа?

– Я так понял, что он купил почти сотню. – Граф явно испытал облегчение, когда Лотар по-джентльменски принял его отказ. – Всех лучших животных. Его интересовали только самые отличные – закаленные пустыней и не подверженные конским болезням.

– Полагаю, он погнал их на юг, к железной дороге?

– Не совсем так, – покачал головой граф. – Или пока что не так, насколько я слышал. Он держит их в загоне у реки Свакоп, на другом конце города, чтобы они отдохнули и набрались сил перед путешествием по железной дороге. Я слышал, он предполагает отправить их тогда, когда соберет полторы сотни.

Они покинули форт на следующее утро, после достойного Гаргантюа завтрака, состоявшего из колбасы, жареного мяса и яиц. Все трое ехали на широкой спине серого мула, за которого Лотар в итоге заплатил двадцать фунтов без недоуздка.

– Какие там жилища для слуг? – спросил Лотар.

– Жилища рабов, а не слуг, – поправил его Хендрик. – Насколько я понял, любого из них могут уморить голодом или засечь до смерти. – Хендрик вздохнул. – И если бы не щедрость и доброта молоденькой горничной-гереро...

Лотар резко ткнул его в ребра и бросил предостерегающий взгляд в сторону Манфреда, и Хендрик продолжил без запинки:

– Значит, мы все сбежали оттуда на одном-единственном древнем муле. Им никогда нас не догнать, пока мы мчимся на этом существе, подобном газели.

Хендрик хлопнул мула по жирному крупу, и тот чуть прибавил ходу, вздымая копытами пыль.

– Он пригодится нам для охоты, – сказал Лотар и усмехнулся, когда Хендрик озадаченно нахмурился.

Когда они вернулись в свое скальное убежище, Лотар быстро подготовил двенадцать комплектов снаряжения, еды и упряжи. Все это он сложил у входа в укрытие.

– Отлично, – ухмыльнулся Хендрик. – У нас есть седла. Осталось лишь добыть лошадей.

– Нам следовало бы оставить здесь охрану, – проигнорировал его Лотар. – Но нам понадобятся все наши люди.

Он дал денег Свинке Джону, наименее достойному недоверия из всей команды.

– Пяти фунтов хватит, чтобы купить целую ванну «Кейп смоук», – сказал он, – а один стакан этой выпивки может убить буйвола. Но помни, Свинка Джон, если ты будешь слишком пьян, чтобы удержаться в седле, когда мы тронемся в путь, я не стану оставлять тебя полицейским для расспросов. Я оставлю тебя с пулей в голове. Клянусь тебе в этом.

Свинка Джон зачихнул банкноту за ленту своей фетровой шляпы.

– Ни капля из этого не коснется моих губ, – вкрадчиво пропел он. – Баас знает, что может доверить мне выпивку, женщин и деньги.

До Окаханджи было почти двадцать миль, и Свинка Джон отправился сразу же, чтобы все подготовить к прибытию Лотара. Остальные же следом за Манфредом, восседавшим на муле, спустились с холма.

Накануне ветра не было, так что львиные следы до сих пор отчетливо виднелись на земле, даже на такой сыпучей. Охотники, вооруженные новыми «маузерами», с поясными и наплечными патронташами, рассыпались веером и двинулись вдоль следа.

Отец приказал Манфреду держаться позади, и мальчик, слишком хорошо помня жуткий рев дикой твари, был только рад придержать мула. Охотники, уже скрывшиеся из вида, отмечали дорогу для Манфреда сломанными ветками и зарубками на стволах акаций, так что он без труда следовал за ними.

Уже через час они нашли место, где старый рыжий самец убил одну из телок графа. Он оставался рядом с тушей, пока не съел все, кроме головы, копыт и самых крупных костей. Но даже их он обгрыз до блеска, успокаивая голод и восстанавливая силы.

Лотар и Хендрик обошли кругом истоптанный участок и почти сразу обнаружили дальнейший след.

– Он ушел всего несколько часов назад, – оценил Лотар.

И тут же, когда один из стеблей травы, примятых огромными лапами, медленно выпрямился, он изменил свою оценку.

– Нет, меньше чем полчаса назад... похоже, услышал, как мы приближаемся.

– Нет, – возразил Хендрик, коснувшись следа длинной ошкуренной палкой, которую нес с собой. – Он шел шагом. Он не спешит и нас не слышал. Он набит мясом и теперь направится к ближайшему водопою.

– Он повернул на юг. – Лотар прищурился от солнца, изучая направление следа. – Возможно, идет к реке, и так он окажется ближе к городу, что нас более чем устраивает.

Он снял с плеча «маузер» и подал знак своим людям, веля им идти широкой цепью. Они поднялись по невысокому плотному склону дюны, и, прежде чем достигли вершины, лев выскочил из-под прикрытия низких кустов прямо перед ними и помчался прочь длинными кошачьими прыжками. Но его брюхо, отяжелевшее от мяса, раскачивалось при каждом прыжке, словно лев был беременным.

Расстояние было большим, но «маузеры» защелкали выстрелами, как только охотники увидели зверя. Вокруг него клубами взрывалась пыль. Все люди Лотара, кроме Хендрика, были никудышными стрелками. Он так и не смог убедить их, что скорость полета пули не зависит от силы, с которой стрелок нажимает на спусковой крючок, или добиться того, чтобы они перестали крепко зажмуривать глаза, словно толкая пулю вперед изо всех сил.

Лотар увидел, что его собственный первый выстрел взбил пыль прямо под животом зверя. Он недооценил расстояние, это всегда представляло сложность на открытых пустынных пространствах. Он изменил положение ствола, не отрывая от плеча приклада, и прицелился чуть выше развевавшейся рыжей гривы.

Лев дернулся при следующем выстреле, сбившись с шага, и повернул огромную голову, чтобы куснуть себя за бок, где его ужалила пуля; звук, который она издала, врезаюсь в плоть, донесся до линии охотников. Потом лев снова понесся галопом, прижав уши, рыча от боли и ярости, и исчез из вида.

– Далеко он не уйдет! – Хендрик махнул остальным, веля двигаться вперед.

Лев – спринтер среди зверей. Он может лишь небольшое время нестись во весь опор, а затем замедляет ход. Но если преследование продолжается, зверь обычно разворачивается и бросается на охотников.

Лотар, Хендрик и Кляйн Бой, самые сильные и подготовленные, двигались впереди остальных.

– Кровь! – крикнул Хендрик, когда они добрались до той точки, где льва настигла пуля Лотара. – Легочная кровь!

Сгустки алой крови были пенистыми от воздуха, вырвавшегося из поврежденных легких. Все бросились дальше по кровавому следу.

– Расор! – предостерег Лотар, когда они добрались до возвышенности, за которой исчез лев. – Осторожнее! Он может залечь, ожидая нас...

Именно в этот момент лев бросился на них.

Он прятался в густой сансевиерии сразу за гребнем дюны, распластавшись на земле и прижав уши к голове. И в тот момент, когда люди поднялись на гребень, он прыгнул на Лотара с расстояния всего в пятьдесят футов.

Лев приземлился прямо перед Лотаром, на мгновение прижался к земле, его глаза горели безжалостным желтым огнем. Имбирно-рыжая грива вздыбилась, зрительно увеличив тело, и лев казался настоящим чудовищем, а из его разинутой клыкастой пасти вырвался такой рев, что Лотар отшатнулся и на мгновение запоздал с выстрелом. Когда приклад «маузера» коснулся его плеча, лев поднялся прямо перед ним, закрыв собой всё, и кровь вырвалась из его пробитого легкого розовым облаком и брызнула в лицо Лотару.

Инстинкт потребовал от Лотара стрелять как можно быстрее в это огромное лохматое тело, приподнявшееся на задних лапах, но Лотар заставил себя изменить прицел. Выстрел в грудь или шею не остановил бы зверя и не помешал бы ему убить охотника – пуля «маузера» была слишком легкой, предназначенной для людей, а не для крупного хищника, и такой выстрел лишь слегка задел бы нервную систему льва, вызвав дополнительный взрыв адреналина. Лишь выстрел в мозг мог остановить зверя на таком близком расстоянии.

Лотар направил ствол оружия между широкими розовыми ямками ноздрей, и пуля прорвалась между глазами огромного самца, сквозь маслянисто-желтый мозг, и вылетела через заднюю часть черепа – но лев продолжал двигаться по инерции. Огромное мускулистое тело врезалось в грудь Лотара, и винтовка вылетела у него из рук, когда он полетел на землю, ударившись плечом и головой.

Хендрик оттащил его в сторону и усадил, ладонью смахнул песок с губ и глаз, а потом тревога ушла из его глаз, и гигант усмехнулся, когда Лотар слабо отмахнулся от него.

– Ты стареешь и становишься медлителен, баас, – засмеялся Хендрик.

– Помоги встать, пока Мани не увидел, – приказал Лотар.

Хендрик подставил ему плечо и поднял на ноги.

Лотар пошатывался, тяжело опираясь на Хендрика и держась за ушибленную голову, но уже отдавал приказы:

– Кляйн Бой! Лапы! Вернитесь и придержите мула, пока тот не почуял льва и не умчался вместе с Мани!

Он наконец отстранился от Хендрика и нетвердым шагом подошел к львиной туше. Лев лежал на боку, и над его разбитой головой уже роились мухи.

– Нам понадобятся все наши люди и немножко удачи, чтобы погрузить его.

Хотя лев был стар и худ и в неважном состоянии после многих лет охоты среди колючих кустов вельда, а его шкура выглядела тусклой и облезлой, но его живот был набит мясом, и весил он сотни четыре фунтов, а то и поболее. Лотар поднял с песка свою винтовку и тщательно

вытер ее, а потом прислонил к туше и поспешил к гребню, все еще прихрамывая после падения и потирая шею и висок.

Мул с Манфредом на спине шел к ним, и Лотар побежал навстречу.

– Ты его подстрелил, па? – взволнованно закричал Манфред.

Он слышал выстрелы.

– Да. – Лотар снял сына со спины мула. – Он лежит вон там, за гребнем.

Лотар проверил недоуздок мула. Он был новым и крепким, но Лотар привязал дополнительные веревки по бокам и велел держать каждую двоим своим людям. Потом старательно прикрыл мулу глаза с помощью полоски холста.

– Хорошо. Посмотрим, как он это воспримет.

Мужчины потянули за веревки изо всех сил, но мул уперся копытами в землю, возражая против повязки на глазах, и не двинулся с места.

Лотар обошел его сзади, стараясь не попасть под задние копыта, и крутанул мула за хвост. Все равно животное упорно стояло на месте. Лотар наклонился и укусил его в основание хвоста, погрузив зубы в мягкую нежную шкуру, и тут мул взбрыкнул обеими задними ногами.

Лотар еще раз укусил его, и мул сдался и побежал к гребню, но, как только он поднялся на него, ветерок изменил направление, и ноздри мула наполнились горячим запахом льва.

Львиный запах всегда производит особое впечатление на животных, хоть домашних, хоть диких, даже на таких, которые просто ничего не могут знать о львах, и даже их отдаленные предки едва ли могли когда-то сталкиваться с этими хищниками.

Отец Лотара всегда выбирал охотничьих собак, предлагая новому помету щенков понюхать влажный кусок львиной шкуры. Большинство щенков тут же начинали выть от ужаса и пятиться, поджав хвосты. И лишь очень немногие, не более чем один из двадцати, почти всегда суки, выдерживали испытание, хотя вся шерсть на них вставала дыбом, и они рычали, содрогаясь от кончика носа до хвоста. Этих собак он оставлял себе.

Теперь же мул, почуяв запах льва, просто взбесился. Державшие его мужчины не устояли на ногах, когда животное встало на дыбы и заржало. Лотар увернулся от бешено колотивших по воздуху копыт. Потом мул бросился бежать, волоча за собой мужчин, спотыкающихся, падающих и кричащих. Мул протащил их с полмили через колючие кусты и пересохшие ямы, прежде чем наконец остановился в облаке пыли, потный и дрожащий, его бока тяжело вздымались от ужаса.

Его снова притащили назад, закрыв глаза, но стоило животному почуять запах льва, как все представление повторилось, хотя на этот раз мул сумел проскакать всего несколько сотен ярдов, прежде чем усталость и вес четырех мужчин вынудили его остановиться.

Еще дважды они подводили животное к убитому льву, и еще два раза он вставал на дыбы и бросался в бегство, но каждый раз удалялся на более короткое расстояние. Однако в конце концов он остался стоять, дрожа и потея от страха и усталости, пока на его спину грузили убитого льва. Но когда они попытались связать лапы льва под грудью мула, это оказалось уже слишком. Новый поток нервного пота окатил тело мула, и он встал на дыбы, брыкался и лягался до тех пор, пока львиная туша не свалилась с его спины.

Они постарались как следует измотать мула, и после часа борьбы он наконец застыл, жалобно дрожа и пыхтя, словно кузнечные мехи. Мертвый лев был наконец надежно закреплен на его спине.

Когда Лотар взял уздечку и потянул, мул, спотыкаясь, покорно поплелся за ним к излучине реки.

С вершины небольшого лесистого холма Лотар смотрел через реку Свакоп на крыши домов и церковный шпиль деревни на другом берегу. Река делала здесь широкий поворот, и в ее изгибе прямо под Лотаром лежали три небольших зеленых пруда, обрамленные желтыми песчаными берегами. Сама река наполнялась лишь на короткие периоды после дождей.

В прудах поили лошадей, приводя их из загона, построенного на берегу из колючих ветвей, а потом животных снова закрывали на ночь. Граф был прав: армейский снабженец выбрал наилучших скакунов. Лотар жадно наблюдал за ними в бинокль. Выросшие в пустыне, эти животные были сильными, полными энергии, они резвились у воды или катались по песку, болтая ногами в воздухе.

Потом Лотар сосредоточил свое внимание на загонщиках и насчитал их пять, все они были цветными солдатами в неопрятной форме цвета хаки, и Лотар тщетно искал белых офицеров.

– Должно быть, они в лагере, – пробормотал он и настроил бинокль на другое расстояние, чтобы изучить коричневые армейские палатки за конским загонном.

За его спиной послышался тихий свист, и когда Лотар оглянулся через плечо, то увидел Хендрика, подававшего ему знак от подножия холма. Лотар поспешил вниз. Мул, все еще с окровавленным грузом на спине, был привязан и стреножен в тени. Он уже почти смирился, хотя время от времени непроизвольно вздрагивал всем телом и нервно переминался с ноги на ногу. Мужчины лежали под редкими колючими ветвями, жуя говядину из консервных банок, но Свинка Джон встал, когда к ним подошел Лотар.

– Ты задержался, – выговорил ему Лотар и, схватив Джона за кожаный жилет, притянул его поближе к себе и принялся к его дыханию.

– Ни капли, хозяин! – проскулил Свинка Джон. – Клянусь невинностью моей сестры!

– Это мифическое существо.

Лотар отпустил его и посмотрел на мешок, лежавший у ног Свинки Джона.

– Двенадцать бутылок. Как ты и сказал.

Лотар открыл мешок и достал пресловутый «Кейп смоук». Горлышко было запечатано воском, и, когда Лотар поднял бутылку к свету, стало видно, что бренди внутри имеет темный ядовито-коричневый цвет.

– Что ты узнал в деревне?

Он вернул бутылку в мешок.

– В лагере семеро загонщиков...

– Я насчитал пять.

– Семь, – непреклонно повторил Свинка Джон, и Лотар хмыкнул.

– А что насчет белых офицеров?

– Они вчера уехали в Очиваронго, чтобы купить еще лошадей.

– Через час стемнеет. – Лотар посмотрел на солнце. – Бери мешок и иди в лагерь.

– Что мне им сказать?

– Скажи, что ты продаешь – дешево, и дай попробовать бесплатно. Врать ты умеешь, наговори чего-нибудь.

– А если они не пьют?

Лотар рассмеялся над неправдоподобностью этого предположения, но не потрудился ответить.

– Я двинусь после восхода луны, когда она поднимется над деревьями. Это дает тебе и твоему бренди четыре часа на обработку этих солдат.

Мешок звякнул, когда Свинка Джон вскинул его на плечо.

– Помни, Свинка Джон, я хочу, чтобы сам ты был трезв, или ты умрешь... Я не шучу.

– Неужели хозяин думает, что я какое-то животное, что я не умею пить как джентльмен? – сердито бросил Свинка Джон и потащился прочь с видом оскорбленного достоинства.

Лотар со своего наблюдательного пункта следил, как Свинка Джон пересек сухое песчаное русло реки Свакоп, с трудом поднялся на противоположный берег со своим мешком и направился к загону. У колючей изгороди его остановил часовой, и Лотар видел через бинокль,

как они разговаривают; наконец цветной служивый отложил в сторонку свой карабин и заглянул в мешок, который Свинка Джон открыл перед ним.

Даже с такого расстояния и в сгущающихся сумерках Лотар увидел, как блеснула восторженная белозубая улыбка солдата; он сразу повернулся и позвал своих товарищей. Двое из них вышли из палатки в одном нижнем белье; последовала продолжительная дискуссия, сопровождаемая энергичной жестикуляцией, кивками и хлопаньем по плечам, и в итоге Свинка Джон сломал воск на горлышке одной из бутылок и протянул солдатам выпивку. Бутылка быстро переходила из рук в руки, и каждый дегустатор на мгновение прикладывал ее к губам и высоко поднимал, как горнист поднимает трубу, а потом задыхался и ухмылялся. Наконец Свинку Джона, как почетного гостя, вместе с его мешком провели в лагерь, и он исчез из поля зрения Лотара.

Солнце село, наступила ночь, а Лотар все оставался на гребне. Он, словно яхтсмен, внимательно наблюдал за силой и направлением ночного бриза, то и дело менявшего направление. Через час после наступления темноты ветер наконец установился, и теперь его теплый поток дул в спину Лотара.

– Только бы он так и удержался, – пробормотал Лотар, а потом негромко свистнул, подражая музыкальному крику воробьиного сыча.

Хендрик появился почти мгновенно, и Лотар показал ему направление ветра.

– Пересеки реку повыше по течению и обойди лагерь. Не слишком близко. Потом поверни обратно, чтобы ветер дул тебе в лицо.

В этот момент с другой стороны реки до них донесся далекий крик, и они оба посмотрели туда. Костер перед палатками разожгли так, что пламя взлетало до ветвей акаций, и на фоне света виднелись силуэты цветных солдат.

– Какого черта они делают? – не понял Лотар. – Танцуют или дерутся?

– Ну, к этому времени они уже и сами не знают, – усмехнулся Хендрик.

Фигуры кружились у огня, сталкивались друг с другом, потом расходились, падая в пыль и ползая на коленках, или вдруг с огромным усилием поднимались на ноги, но лишь для того, чтобы раз-другой качнуться и снова упасть. Один из солдат был абсолютно нагим, его худое желтое тело блестело от пота, когда он сделал дикий пируэт, а потом упал в огонь, и его вытащили оттуда за пятки двое его товарищей, при этом все трое визгливо хохотали.

– Тебе пора. – Лотар хлопнул Хендрика по плечу. – Бери Мани, пусть он держит твою лошадь.

Хендрик направился обратно вниз по склону, но остановился, когда Лотар негромко произнес ему вслед:

– Ты отвечаешь за Мани. Отвечаешь за него собственной жизнью.

Хендрик, ничего не ответив, исчез в темноте. Полчаса спустя Лотар увидел, как они пересекают светлое песчаное ложе реки – темные бесформенные пятна в звездном свете, – а потом они исчезли в зарослях кустарника на другом берегу.

Горизонт посветлел, звезды на востоке стали бледнее перед восходом луны, а в лагере за рекой пьяная суета солдат давно замедлилась. Через бинокль Лотар различал отдельные тела, валявшиеся, как трупы на поле битвы, и одно из них очень походило на Свинку Джона, хотя Лотар не мог быть в этом уверенным, потому что тот лежал лицом вниз в тени, по другую сторону костра.

– Если это он, то он покойник, – пообещал себе Лотар и встал.

Наконец настала пора выдвигаться, потому что луна уже поднялась над горизонтом, рогатая и сияющая, как конская подкова в горне кузнеца.

Лотар спустился по склону; мул фыркал и тяжело дышал, с несчастным видом все еще держа на своей спине жуткий груз.

– Скоро все закончится. – Лотар погладил мула по лбу. – Ты хорошо поработал, старина.

Он ослабил уздечку, поправил «маузер» на плече и повел мула вокруг холма и вниз по реке.

О незаметном приближении не могло быть и речи, во всяком случае вместе с крупным светлым животным и его грузом. Лотар снял с плеча винтовку и зарядил ее, пока они шли по песчаному руслу, и он внимательно наблюдал за деревьями на берегу впереди, словно чего-то ожидая.

Костер в лагере уже догорел, и там стояла полная тишина, когда Лотар с мулом поднимались на берег; Лотар уже слышал фыркание и тихое дыхание ближайших животных в загоне. Ветер дул в спину Лотару, ровно и достаточно сильно, и вдруг раздалось пронзительное испуганное ржание.

– Вот оно... понюхайте хорошенько...

Лотар вел мула к изгороди загона.

Теперь уже там громко топали копыта, встревоженные животные шумели, метались. Тревога, вызванная вонью окровавленной львиной туши, быстро распространилась по всему табуну. Лошади ржали в ужасе, многие в панике вставали на дыбы. Лотар видел их головы над колючей изгородью загона – гривы развевались в лунном свете, передние копыта колотили по воздуху.

С наветренной стороны ограды Лотар придержал мула и перерезал веревки, что удерживали льва на его спине. Туша соскользнула и упала на землю, воздух с низким рычащим шумом вырвался из неживых легких, и животные по другую сторону колючей ограды вздыбились, заржали и помчались вдоль стены живым водоворотом конской плоти.

Лотар нагнулся и распорол живот льва от промежности до ребер, погружая нож глубоко, чтобы тот рассек все внутренности, и тут же вонь стала невыносимо густой и ядовитой.

Табун впал в панику. Лотар слышал, как лошади ударяются о дальнюю стену ограды в попытке спастись от жуткого запаха. Лотар вскинул винтовку к плечу, метя на фут выше голов обезумевших лошадей, и опустошил всю обойму. Выстрелы следовали один за другим, вспышки освещали загон, и табун в окончательном ужасе прорвался сквозь ограду и помчался к темной реке; гривы метались, как пена, когда животные неслись прочь от запаха, туда, где их ждали Хендрик и его люди.

Лотар быстро привязал мула и на бегу перезарядил винтовку, спеша к почти угасшему лагерному костру. Один из солдат, из-за шума вышедший из пьяного ступора, вскочил на ноги и, пошатываясь, решительно направился в сторону частокола.

– Лошади! – кричал он. – Вставайте, пьяные олухи! Мы должны остановить лошадей!

Тут он увидел Лотара.

– Помогите! Лошади...

Лотар сунул под его подбородок ствол «маузера». Зубы солдата стукнулись друг о друга, он сел на песок, а потом медленно опрокинулся на спину. Лотар перешагнул через него и побежал вперед.

– Свинка Джон! – настойчиво кричал он. – Ты где?

Ответа не последовало, и Лотар обежал костер, направляясь к той неподвижной фигуре, которую он видел в бинокль. Он перевернул тело ногой, и Свинка Джон уставился на луну невидящими глазами; по его морщинистому желтому лицу блуждала улыбка.

– Вставай!

Лотар несколько раз с размаху пнул его. Но блаженная улыбка не исчезла. Свинка Джон не чувствовал боли.

– Ладно, я тебя предупреждал.

Лотар большим пальцем снял винтовку с предохранителя. И приложил ствол к голове Свинки Джона. Если Джон живым попадет в руки полиции, хватит нескольких ударов плетью из кожи гиппопотама, чтобы он все выложил. И хотя он не знал подробностей плана, он знал

достаточно, чтобы уничтожить все их шансы, и тогда Лотар окажется в списке разыскиваемых за кражу лошадей и уничтожение армейской собственности. Лотар положил палец на спусковой крючок.

«Для него это еще слишком хорошо, – решительно подумал он. – Его следовало бы запороть насмерть».

Но его палец расслабился, и Лотар крепко обругал себя за собственную глупость, возвращая на место предохранитель и бросаясь бегом за мулом.

Хотя Свинка Джон был маленьким и тощим, Лотару понадобились все его силы, чтобы забросить расслабленное бесчувственное тело на спину мула. Джон повис там, как белье, сохнувшее на веревке, его руки и ноги болтались по обе стороны крупы мула. Лотар сел позади него, хлестнул мула, подгоняя, и направил по ветру тяжелой неуклюжей рысью.

Через милю Лотар подумал, что, должно быть, разминулся со своими людьми, и придержал мула как раз в тот момент, когда из тени впереди вышел Хендрик.

– Как все идет? Сколько вы поймали? – в тревоге крикнул Лотар.

Хендрик рассмеялся:

– Столько, что у нас недоузdkов не хватило.

Как только каждый из его людей поймал одну из разбежавшихся лошадей, Хендрик вскочил на свою и стал сгонять остальных, разворачивая животных и удерживая, пока Манфред бегал от одной к другой и надевал на них недоуздки.

– Двадцать шесть! – ликовал Лотар, сосчитав пойманных животных. – Отлично, уходим сейчас же. Военные погонятся за нами сразу, как только доставят сюда солдат.

Он снял упряжь с мула и хлопнул животное по заду.

– Спасибо, старина, – сказал он. – Теперь можешь возвращаться домой.

Мул с готовностью принял предложение и даже умудрился проскакать галопом первую сотню ярдов обратной дороги.

Каждый из отряда сел на неоседланного скакуна, ведя за собой на привязи еще трех или четырех животных, и Лотар повел всех назад к каменному укрытию в холмах.

На рассвете они ненадолго остановились, пока Лотар осматривал каждую из украденных лошадей. Две из них пострадали в толчее в загоне, и он отпустил их. Остальные оказались в отличном состоянии, так что Лотар даже не мог выбрать лучших между ними, хотя так много животных им не требовалось.

Пока они сортировали лошадей, Свинка Джон понемногу пришел в себя и неуверенно сел. Он молился своим предкам и богам готтентотов, прося избавить его от страданий, а потом его вырвало прокисшим бренди.

– Нам с тобой еще нужно уладить некое дельце, – мрачно сообщил ему Лотар, потом повернулся к Хендрику. – Мы возьмем всех этих лошадей. Наверняка некоторых мы потеряем в пустыне. – Потом он вскинул правую руку в кавалерийской команде. – Вперед!

Они добрались до скалы незадолго до полудня, но задержались там лишь для того, чтобы погрузить все нужное на запасных лошадей и оседлать своих. Потом повели животных вниз и напоили их, позволяя пить вволю.

– Сколько у нас времени в запасе? – спросил Хендрик.

– Цветные солдаты ничего не могут сделать без своих белых офицеров, а тем понадобится два-три дня на возвращение. Потом им нужно будет телеграфировать в Виндхук, чтобы получить приказ, а затем уже они начнут действовать. Думаю, у нас не меньше трех дней, а скорее даже четыре или пять.

– За три дня мы можем далеко уйти, – с довольным видом кивнул Хендрик.

– Да уж, дальше некуда, – согласился Лотар.

Это был просто факт, а не хвастовство. Пустыня была его родным краем. Лишь немногие белые люди знали ее так, как он, и никто не знал лучше.

– Можем садиться в седла? – спросил Хендрик.

– Подожди, еще кое-что.

Лотар достал из седельной сумки запасные кожаные поводья и намотал их конец на правое запястье так, что медные пряжки висели у его лодыжек; потом он направился туда, где в тени берега сидел с несчастным видом Свинка Джон, закрыв лицо ладонями. Он даже не услышал шагов Лотара по мягкому песку и заметил его лишь тогда, когда тот навис над ним.

– Я обещал тебе, – ровным голосом произнес Лотар и тряхнул тяжелыми кожаными поводьями.

– Хозяин, я ничего не смог поделаться... – взвизгнул Свинка Джон, пытаясь встать на ноги.

Лотар взмахнул поводьями, и медные пряжки пронесли дугой в солнечном свете. Удар пришелся по спине Свинки Джона, пряжки врезались в его ребра и в нежную кожу подмышек.

Свинка Джон взвыл:

– Они меня заставили! Они заставили меня пить...

Следующий удар сбил его с ног. Он продолжал кричать, хотя слов уже было не разобрать, а кожаные ремни впивались в его желтую кожу, и рубцы сразу вздувались, наливаясь пурпуром, как зрелый виноград. Острые края пряжек разорвали рубашку, как львиные когти, а песок впитывал красную кровь, падавшую на сухое речное дно.

Наконец Свинка Джон перестал кричать, и Лотар отступил, тяжело дыша. Он вытер красные от крови поводья о чепрак и посмотрел на своих людей. Для них такая порка являлась делом естественным. Они были дикими псами и понимали только силу, уважали только жестокость.

Хендрик заговорил за всех:

– Он заплатил справедливую цену. Прикончить его?

– Нет. Оставь для него лошадь. – Лотар отвернулся. – Когда очнется, сможет догнать нас – или может убираться в ад, где ему самое место.

Он вскочил в седло своего скакуна и, избегая потрясенного взгляда сына, повысил голос:

– Ладно... вперед!

Он ехал на бурский манер, с длинными стремянами, удобно сидя в седле, и Хендрик ехал по одну сторону от него, а Манфред – по другую. Лотар был в приподнятом настроении; адреналин все еще бурлил в его крови, действуя как наркотик, а впереди лежала открытая пустыня. Уведя лошадей, он снова нарушил закон, опять стал изгнанником, свободным от социальных ограничений, и чувствовал, как его дух парит высоко, словно сокол на охоте.

– Боже мой... Я почти забыл, что это такое – держать в руках винтовку и чувствовать под собой хорошую лошадь!

– Да, мы снова стали мужчинами, – согласился Хендрик и наклонился к Манфреду. – И ты тоже. Твоему отцу было столько же лет, сколько тебе, когда мы с ним впервые отправились воевать. И теперь снова повоюем. Ты такой же, каким был он.

И Манфред забыл о зрелище, свидетелем которого он только что стал, и преисполнился гордости из-за того, что с ним считались в такой компании. Он выпрямился в седле и вскинул голову.

Лотар посмотрел на северо-восток, туда, где начиналась Калахари, и повернул всех в другую сторону.

На ночь они устроились в глубоком ущелье, скрывавшем свет их небольшого костра; но вскоре страж поднял всех тихим свистом. Они тут же выбрались из одеял, схватили винтовки и растворились в темноте.

Лошади беспокоились и тихо ржали, а потом из тьмы появился Свинка Джон и быстро спешил. Он с несчастным видом встал у костра, его лицо распухло и потемнело от синяков, он походил на дворняжку, ждущую, что ее прогонят. Остальные вышли из тени и, не глядя на него и никак не давая понять, что заметили его присутствие, снова закутались в одеяла.

– Уйди на другую сторону костра, подальше от меня, – резко приказал ему Лотар. – От тебя воняет бренди.

И Свинка Джон согнулся от облегчения и благодарности за то, что его приняли обратно. На рассвете они снова сели в седла и отправились в бесконечную жаркую пустоту песков.

Дорога от рудника Ха'ани была, наверное, самой плохой во всей Юго-Западной Африке, и каждый раз, проезжая по ней, Сантэн обещала себе: «мы непременно должны что-то с ней сделать, как-то отремонтировать». Потом доктор Твентимен-Джонс показывал ей расчет стоимости выравнивания сотен миль пустынного тракта, наведения мостов через реку и укрепления перевалов через холмы, и здравый смысл бережливой Сантэн тут же давал о себе знать.

– В конце концов, дорога занимает у меня три дня, а я редко бываю там чаще трех раз в году, так что пусть это останется настоящим приключением.

Телеграфная линия, соединявшая рудник с Виндхуком, уже обошлась весьма недешево. После подсчетов получилось, что каждая ее миля обошлась в сто фунтов вместо предполагаемых пятидесяти. Сантэн до сих возмущалась этим, глядя на бесконечный ряд столбов вдоль дороги, связанных между собой блестящим медным проводом. Помимо стоимости, столбы еще и портили вид, уменьшая ощущение первобытности и уединения, которые Сантэн так ценила, когда оказывалась в Калахари.

Она с легким приступом тоски вспомнила, как в первые годы спала на земле и везла с собой воду. Теперь вдоль дороги стояли круглые африканские домики с коническими соломенными крышами, ветряки поднимали воду из глубоких скважин, на каждой станции постоянно жили слуги, чтобы ухаживать за лошадьми, готовить еду и горячие ванны, а в очагах лежали целые бревна в ожидании ледяных зимних ночей Калахари. Имелись даже парафиновые холодильники, божественно готовившие лед для вечернего стаканчика виски в летнюю жару. Движение по этой дороге было интенсивным, и регулярные конвои под командованием Герхарда Фурье, перевозившие топливо и припасы, пробили глубокие колеи в мягкой земле, превратили в кашу переправы в сухом речном русле, и, что хуже всего, расстояние между колесами больших фордовских грузовиков было больше, чем между колесами желтого «даймлера», так что Сантэн приходилось одним колесом ехать в колее, а другим трястись по высокой и неровной средней части.

Вдобавок ко всему стояла середина лета, жара была сокрушительной. Металл капота «даймлера» обжигал кожу до пузырей, и они были вынуждены регулярно останавливаться, когда вода в радиаторе закипала и начинала выбрасывать в воздух фонтаны шипящего пара. Казалось, сами небеса пылают голубым огнем, а далекие пустынные горизонты размывались дрожащими прозрачными водоворотами миражей.

«Если бы только можно было соорудить аппарат, достаточно маленький, чтобы охладить воздух в „даймлере“, – подумала Сантэн, – вроде тех, что стоят в железнодорожном вагоне... – и тут же расхохоталась. – Должно быть, я раскисаю», – сказала она себе. И вспомнила, как с двумя старыми бушменами, спасшими ее, она шла пешком через ужасающий мир дюн в пустыне Намиб и как они вынуждены были намазывать тела смесью песка с собственной мочой, чтобы спастись от чудовищной жары пустынных полудней.

– Почему ты смеешься, мама? – требовательно спросил Шаса.

– О, просто вспомнила кое-что, произошедшее много лет назад, до твоего рождения.

– Расскажи мне, о, пожалуйста, расскажи!

На Шасу как будто не влияли ни жара, ни безжалостная тряска. Да и с какой бы стати? Сантэн улыбнулась сыну. Он ведь родился здесь. Он тоже творение пустыни.

Шаса принял ее улыбку за согласие.

– Ну же, мама! Расскажи эту историю!

Pourquoi pas? Почему бы и нет?

Сантэн рассказала обо всем. И увидела потрясение на лице сына.

– Твоей пи-пи? – Он был в ужасе.

– Тебя это удивляет? – насмешливо бросила Сантэн. – Тогда позволь рассказать тебе, что мы делали, когда в страусиных яйцах кончилась вода. Старый О’ва, охотник-бушмен, убил ядовитой стрелой антилопу, и мы достали из нее желудок, рубец, выжали жидкость из непереваренного содержимого и выпили ее. Это нам позволило продержаться до тех пор, пока мы не добрались до маленького источника.

– Мама!

– Все так, *chégi*, я пью шампанское, когда могу, но, если необходимо, я выпью все то, что поможет мне выжить.

Сантэн молчала, пока сын обдумывал ее слова. Поглядывая на его лицо, она увидела, как отвращение сменилось уважением.

– Что сделал бы ты сам, *chégi*, выпил такое или умер? – спросила она наконец, чтобы удостовериться, что урок усвоен.

– Я бы выпил, – без колебаний ответил Шаса. И добавил с нежной гордостью: – Знаешь, мама, ты просто невероятна.

Это была высшая похвала в его устах.

– Смотри!

Сантэн показала вперед, где равнина цвета львиной шкуры терялась вдали в завесе миражей, словно затянутая прозрачной вуалью тонкого дыма.

Сантэн повернула «даймлер» с дороги, и они встали на подножки машины, чтобы лучше видеть.

– Спрингбоки. Первое стадо, что мы увидели в этой поездке.

Прекрасные газели двигались по равнине быстро и уверенно, все в одном направлении.

– Да их там, должно быть, десятки тысяч!

Спрингбоки были элегантными маленькими животными с тонкими изящными ногами и изогнутыми, как лира, рогами.

– Они мигрируют на север, – пояснила Сантэн. – Там, похоже, прошли хорошие дожди, и они спешат к воде.

Внезапно ближайшие газели заметили людей, испугались и начали проявлять тревогу особым образом, который буры называли словом «пронкинг». Они выгибали спины и наклоняли длинные шеи, пока их носы не касались передних копыт, а потом подскакивали на прямых ногах, взлетая высоко в мерцающем раскаленном воздухе, и при этом в складках кожи вдоль их хребтов вспыхивал белым сиянием хохолок.

Демонстрация тревоги оказалась заразной, и вскоре уже тысячи газелей взлетали над равниной, как стая птиц. Сантэн прыгнула на землю и стала подражать им, пальцами одной руки изображая рога, а пальцами другой – хохолок на спине. Она делала это так искусно, что Шаса покатился со смеху и захлопал в ладоши.

– Как здорово, мама!

Он тоже соскочил с подножки и присоединился к матери, и они стали подпрыгивать вместе, пока не ослабели от смеха и усталости. Тогда они прислонились к «даймлеру» и друг к другу.

– Меня научил этому старый О’ва, – выдохнула Сантэн. – Он мог изобразить любое животное вельда.

Когда они поехали дальше, Сантэн позволила Шасе сесть за руль, потому что перед ними лежал самый легкий отрезок пути, а Шаса хорошо водил машину. Сама она откинулась на спинку сиденья. Через какое-то время Шаса нарушил молчание.

– Когда мы одни, ты совсем другая. – Он искал подходящее слово. – Ты такая веселая. Мне бы хотелось, чтобы так было всегда.

– Все, что ты делаешь слишком долго, становится скучным, – мягко ответила Сантэн. – И фокус в том, чтобы делать многое, а не только что-то одно. Да, сегодня мы повеселились, но скоро приедем на рудник, и там нам предстоит испытать другие волнения, а потом будет еще что-то. Мы займемся всем этим и станем до последней капли выжимать из каждого мгновения то, что оно может нам предложить.

Твентимен-Джонс отправился на рудник раньше, пока Сантэн задержалась на три дня в Виндхуке, чтобы разобраться с документами вместе с Абрахамом Абрахамсом. Поэтому он предупреждал об этом слуг на каждой дорожной станции, через которую проезжал.

Когда вечером они добрались до последней станции, вода в ванной оказалась такой горячей, что даже Сантэн, которая наслаждалась купанием при таких температурах, при которых можно сварить лобстера, была вынуждена добавить холодной воды, прежде чем сесть в ванну. Шампанское было отличным, «Крюг» 1928 года, светлое и охлажденное до любимой Сантэн температуры – такой низкой, что бутылка почти замерзала, – и, хотя лед имелся, Сантэн не позволяла варварски ставить бутылку в ведро с кубиками льда.

«Холодные ноги, горячая голова – дурная комбинация и для мужчин, и для вина» – так говорил ее отец.

Как всегда, она выпила только один бокал, а потом последовали холодные закуски, хранившиеся в парафиновом рефрижераторе, которые обеспечил ей Твентимен-Джонс. Именно такие блюда лучше всего подходили для жары, к тому же, как знал доктор, она любила их: лангусты из зеленого Бенгельского течения с сочным белым мясом в колючих хвостах и салат из овощей, выращенных в более прохладных горных районах Виндхука. Латук хрустел на зубах, помидоры сияли темно-красным светом, пикантный лук оттенял все пурпуром. И наконец – дикие трюфели, собранные в окружающей пустыне усмирненными бушменами, которые ухаживали за молочным стадом. Сантэн ела их сырыми, и соленый вкус грибов напоминал вкус Калахари.

Они отправились дальше в чернильной тьме перед рассветом, а после восхода солнца остановились и сварили кофе на костре из веток верблюжьей колючки; грубое красное дерево горело жарким голубым огнем, придавая кофе специфический аромат. Они съели на свежем воздухе завтрак, приготовленный для них поваром домика отдыха, и запили его кофе с дымным привкусом, наблюдая, как солнце поднимается выше, заливая небо и пустыню бронзой и золотом. Когда они отправились дальше, солнце уже стояло довольно высоко и все краски исчезли, смытые серебристо-белым светом.

– Стой! – внезапно приказала Сантэн.

А когда они оба взобрались на крышу «даймлера» и стали смотреть вперед, Шаса недоуменно спросил:

– Что это, мама?

– Разве ты не видишь, *chégi*? – Она вытянула руку. – Вон там! Над горизонтом!

Это плыло в небе, размытое и бесплотное.

– Она стоит в небе! – воскликнул Шаса, наконец сообразив, что это.

– Гора, плывущая в небе... – тихо произнесла Сантэн.

Каждый раз, когда она видела ее вот так, чудо оставалось таким же свежим и чарующим, словно впервые.

– Место Всей Жизни.

Она помнила имя, данное этому месту бушменами.

По мере того как они ехали дальше, очертания гор становились четче, превращаясь в частокон базальтовых столбов, под которыми раскинулся лес деревьев мопани. Местами скалы были разрезаны речными ложами и ущельями. А где-то они выглядели непроницаемыми и высокими, их покрывали яркие пятна лишайника, зеленовато-желтые, зеленые, оранжевые...

Рудник Ха'ани приютился под одной из этих отвесных скал, и его строения выглядели незначительными и неуместными на таком фоне.

Сантэн велела Твентимен-Джонсу сделать все как можно более скромным, но, конечно, так, чтобы это не мешало производительности. Однако существовали пределы того, насколько доктор мог следовать ее инструкциям. Огороженные строения для черных рабочих и площадки для промыва голубой алмазоносной породы были велики, а стальная башня и элеватор для промывки торчали так же высоко, как и вышка буровой установки.

Но наихудшее опустошение причинял аппетит парового котла, прожорливого, как какой-нибудь адский Ваал, пожирающий древесину. Лес у подножия горы уже вырубил, чтобы прокормить его, и теперь на месте высоких деревьев с серой корой торчала неприглядная густая поросль.

Твентимен-Джонс уже ожидал их, когда они выбрались из пыльного «даймлера» перед административным строением, крытым соломой.

– Хорошо доехали, миссис Кортни? – спросил он, мрачный от удовольствия. – Полагаю, вам хочется сначала отдохнуть и привести себя в порядок.

– Вам бы следовало лучше соображать, доктор Твентимен-Джонс. Займемся делом.

Сантэн сразу направилась по широкой веранде к своему кабинету.

– Садись рядом, – приказала она Шаса, занимая свое место за письменным столом.

Начали они с отчетов о добыче, потом перешли к расходам. Шаса, пытаясь уследить за потоком цифр, гадал, как его мать умудряется с такой скоростью из девочки-подружки, накануне прыгавшей, подражая газели, превращаться в бухгалтера.

– Шаса, какой будет цена за карат, если в среднем мы имеем двадцать три карата на партию?

Вопрос она задала внезапно и, когда Шаса ответил неверно, нахмурилась.

– Сейчас не время мечтать. – И она отвернулась от него, подчеркивая упрек. – Хорошо, доктор Твентимен-Джонс, мы достаточно долго избегали неприятностей. Давайте прикинем, какой должна быть экономия, чтобы соблюдать квоту и все же поддерживать работы на руднике и получать прибыль.

Уже наступили сумерки, когда Сантэн наконец прервала работу и поднялась из-за стола.

– Завтра начнем с этого места.

Она потянулась, как кошка, и все они вышли на широкую веранду.

– Шаса будет работать на вас, как мы договорились. Думаю, ему следует начать с откатки.

– Я как раз хотел это предложить, мэм.

– Когда я должен приступить? – спросил Шаса.

– Смена начинается в пять утра, но, полагаю, мастер Шаса предпочтет выходить позже?

Твентимен-Джонс посмотрел на Сантэн. Конечно, это был вызов и испытание, и она промолчала, ожидая, когда Шаса сам примет решение. Она видела, как он борется с собой. Он ведь был в таком возрасте, когда утренний сон слишком привлекателен, а ранний подъем выглядит жестоким наказанием.

– Я тогда приду в половине пятого, сэр, – сказал Шаса.

Сантэн расслабилась и взяла его за руку:

– В таком случае лучше лечь пораньше.

Она повернула «даймлер» на улицу, состоявшую из домиков под железными крышами, где жили белые сменные бригадиры и мастера с семьями. На руднике Ха'ани строго соблюдался социальный порядок. Это был некий микрокосм молодой нации. Черные рабочие жили на огороженной и охраняемой территории, где побеленные домики напоминали ряды конюшен. Для черных начальников были построены отдельные, более благоустроенные жилища, и им позволялось иметь при себе семьи. Белые мастера и бригадиры жили на улице у подножия

горы, а управляющие – на склонах, и чем выше располагались дома, тем большими размерами они обладали и их окружали более широкие лужайки.

Когда они повернули в конце улицы, Шаса увидел сидевшую на ступеньках одного из коттеджей девушку; она показала Шасе язык, когда «даймлер» проезжал мимо. Прошел почти год с тех пор, как Шаса видел ее, и за это время природа произвела в ней удивительные изменения. Ноги девушки по-прежнему были босыми и грязными до щиколоток, а волосы – растрепанными и выгоревшими на солнце, но поблекшая ситцевая блузка теперь туго обтягивала налившиеся груди. Они торчали вперед и выпирали из глубокого выреза блузки, и Шаса нервно заерзал на сиденье, когда сообразил, что два красно-коричневых круглых пятна в форме монет на блузке, хотя и похожи на пятна, на самом деле просвечивают сквозь тонкую ткань изнутри...

Ноги у нее стали длиннее, коленки больше не торчали буграми, а коричневая у лодыжек кожа переходила в нежный кремовый цвет на внутренней стороне бедер. Она сидела на краю веранды, расставив ноги, подняв юбку немного выше колен. Ее вздернутый нос покрывали веснушки, и она сморщила его, усмехаясь. Это была хитрая и дерзкая усмешка, при этом ярко-розовый язык девушки высунулся между белыми зубами.

Шаса виновато отвел взгляд и уставился вперед через ветровое стекло. Но он ярко припомнил каждую подробность тех запретных минут за насосной станцией, и его щеки вспыхнули жаром. Он невольно покосился на мать. Она смотрела вперед, на дорогу, и ничего не заметила. И Шаса чувствовал облегчение, пока она не сказала тихо:

– Она просто маленькая потаскушка, глазеющая всем в штаны. Ее отец – один из тех, кого мы уволим. Мы избавимся от нее прежде, чем она устроит настоящие неприятности для нас и для себя.

Конечно, ему следовало знать, что мать не упустит ничего. Она все видит, думал Шаса, а потом вдруг до него дошли ее слова. Эту девушку отошлют прочь, и Шаса сам удивился тому, что его вдруг охватило чувство потери. Это было некое физическое ощущение в глубине желудка.

– Что с ними будет, мама? – тихо спросил он. – Я имею в виду людей, которых уволят.

Когда он слушал, как его мать и Твентимен-Джонс обсуждают сокращение, он воспринимал все просто как цифры; но после того как он на мгновение увидел ту девушку, цифры обрели кровь и плоть. Он вспомнил своего противника, светловолосого мальчика, и малышку, которых видел из окна вагона, – они стояли у железной дороги рядом с лагерем безработных... и он представил Аннализу Бота на месте той незнакомой девочки.

– Я не знаю, что с ними будет. – Губы его матери сжались. – И не думаю, что это нас касается. Этот мир – место жестокой реальности, и каждый из нас сталкивается с ней по-своему. Думаю, нам лучше следует подумать о том, что произойдет, если мы их не уволим.

– Мы потеряем деньги.

– Верно, а если мы потеряем деньги, нам придется закрыть рудник, а это значит, что и все остальные потеряют работу, а не только те немногие, кого мы должны уволить. И всем нам придется страдать. А если мы продолжим поступать так и впредь, в итоге потеряем все. Станем такими же, как они все. Тебе этого хочется?

Тут вдруг перед Шасой возникла новая картина. На месте того светловолосого мальчика, стоявшего у лагеря безработных, оказался он сам, босой, в пыли, в изорванных штанах цвета хаки, и он почти ощутил, как ночной холод пробирается сквозь его рубашку и от голода бурчит в животе.

– Нет! – воскликнул он и тут же понизил голос. – Мне бы такого не хотелось. – Он даже содрогнулся от настойчивой картины, порожденной словами матери. – А это действительно произойдет, мама? Такое может случиться? Можем ли мы тоже стать бедными?

– Все может быть, *chégi*. Это может случиться быстро и жестоко, если мы не будем насто- роже каждую минуту. Состояние очень трудно создать, но очень легко погубить.

– Это произойдет? – настаивал Шаса.

Он тут же подумал о своей яхте «Печать Мидаса», о пони для игры в поло, о своих друзьях в колледже, о виноградниках в Велтевреде и испугался.

– Ничего нельзя знать наверняка. – Потянувшись к сыну, Сантэн взяла его за руку. – В том-то и веселье этой игры жизни, иначе не стоило бы в нее играть.

– Мне бы не хотелось быть бедным.

– Нет! – Сантэн воскликнула это так же страстно, как Шаса. – Такого не произойдет, если мы хитры и дерзки.

– А что ты говорила, что вся торговля в мире замерла? Люди больше не могут покупать наши алмазы...

Раньше это были просто слова, но теперь они превратились в пугающую возможность.

– Мы должны верить, что однажды колеса снова начнут вращаться, очень скоро, и мы должны играть по золотым правилам. Ты помнишь их?

«Даймлер» повернул вверх по склону, вокруг крутого отрога, так что строения рудника скрылись за каменной стеной утеса.

– Каково первое золотое правило, Шаса? – спросила она.

– Покупать, когда все продают, и продавать, когда все покупают.

– Хорошо. А что происходит сейчас?

– Все пытаются продавать...

Его осенило, и на лице Шасы расцвела победоносная улыбка.

«Он так красив, и у него есть здравый смысл и интуиция», – подумала Сантэн, ожидая, пока сын проследит за этой мыслью, как за змеей, свернувшейся кольцами, и доберется до ее головы, где обнаружит клыки. Выражение лица Шасы изменилось, когда это произошло. Он удрученно посмотрел на мать:

– Но, мама, как мы можем купить, если не получаем денег?

Она съехала на обочину и заглушила мотор. Потом серьезно повернулась к сыну и взяла его за обе руки.

– Я стану обращаться с тобой как с мужчиной, – сказала она. – То, что ты сейчас услышишь, – наша тайна, наше личное дело, которым мы ни с кем не будем делиться. Ни с дедушкой, ни с Анной, ни с Абрахамом Абрахамсом, ни с Твентимен-Джонсом. Это только наше дело, твое и мое.

Шаса кивнул, и Сантэн глубоко вздохнула.

– У меня предчувствие, что эта катастрофа, охватившая мир, является нашей точкой опоры, возможностью, которая редко кому подворачивается. В последние годы я готовилась ее использовать. Как я это делала, chéri?

Шаса покачал головой, зачарованно глядя на мать.

– Я превратила в наличность все, кроме рудника и Вельтевреде, и еще я занимала, много занимала.

– Так вот зачем ты забирала все ссуды! Мы для этого и ездили в Уолфиш-Бей, где та фабрика и траулеры... тебе нужны были деньги.

– Да, милый, да, – согласилась с ним мать.

И лицо Шасы снова осветилось.

– Ты собираешься покупать! – воскликнул он.

– Я уже начала, – ответила она. – Я купила землю и концессию на разработку, рыбную концессию и концессию на гуано, дома. Я даже купила театр «Альгамбра» в Кейптауне и Колизей в Йоханнесбурге. Но прежде всего я купила землю, десятки и сотни тысяч акров по два шиллинга за акр. Земля – это единственное стоящее вложение.

Шаса не мог по-настоящему все осмыслить, но он чувствовал всю важность того, что мать говорила ему, и она поняла это по его взгляду.

– Теперь ты знаешь нашу тайну, – засмеялась она. – И если я угадала верно, мы удвоим и еще раз удвоим наше состояние.

– А если все не изменится... если... – Шаса не сразу нашел слова. – Если Великая депрессия будет продолжаться и продолжаться, что тогда, мама?

Она надула губы и отпустила его руки.

– Тогда, *chégi*, ничто не будет иметь особого значения, так или иначе.

Она тронулась с места и провела «даймлер» по оставшейся части дороги к бунгалу, одиноко стоявшему посреди широких лужаек. В окнах горел свет, а слуги почтительно выстроились на передней веранде в безупречных белых ливреях, приветствуя ее.

Сантэн остановила машину у самых ступеней, выключила мотор и снова повернулась к сыну:

– Нет, Шаса, мы не станем бедными. Мы станем еще богаче, намного богаче прежнего. А потом, позже, благодаря тебе, мой милый, мы обретем власть вместе с богатством. Огромное богатство, огромная власть. О, я все спланировала, так тщательно спланировала!

От ее слов в голове Шасы вертелся целый водоворот мыслей. Он не мог заснуть.

«Огромное богатство, огромная власть». Это волновало и тревожило его. Он пытался представить, что это значит, и видел себя чем-то вроде силача в цирке, в леопардовой шкуре и кожаных браслетах, стоящим, подбоченившись, с огромными бицепсами, на пирамиде золотых сооружений, а толпа людей в белых робах почтительно стояла перед ним на коленях и кланялась ему.

Шаса снова и снова вертел в голове эту картину, каждый раз меняя в ней какие-то детали, и все они были приятными, но не хватало последнего штриха, пока наконец он не увенчал голову одной из поклонниц растрепанными выгоревшими кудрями. Он поставил ее в первый ряд, а она, оторвав лоб от земли, показала ему язык.

Эрекция возникла так быстро и сильно, что Шаса задохнулся, и, не успев остановить себя, сунул руку под простыню и прижал ее к выпуклости на пизжаме.

Джок Мёрфи предупреждал его на этот счет. «Это испортит тебе зрение, мастер Шаса. Я видывал много хороших мужчин с клюшками, погубленных миссис Ладоской и ее пятью дочерьми».

Но в воображении Шасы Аннализа сидела, расставив длинные ноги, и медленно поднимала подол белой робы. Кожа на ее ногах была мягкой, как масло, и Шаса тихо застонал. Она смотрела на переднюю часть его леопардового наряда, и ее язык легонько скользил по приоткрытым губам, а белый подол поднимался все выше и выше, и кулак Шасы начал ритмично двигаться. Он не мог это остановить.

Выше и выше поднималась белая юбка, но так и не добиралась до развилки между бедрами. А ноги как будто вытягивались до бесконечности, как железнодорожные рельсы в пустыне, никогда не встречавшиеся друг с другом. Шаса задохнулся и резко сел на пуховом матрасе, согнулся над движущимся кулаком, и когда наступил финал, это было остро и больно, как будто ему в живот всадили штык, и Шаса вскрикнул и упал на подушки.

Хитрое, усмехающееся веснушчатое лицо Аннализы отступило, мокрая передняя часть пизжамы стала холодной, как лед, но у Шасы не хватило воли снять ее.

Когда слуга, принесший на подносе кофе и сладкие сухарики, разбудил его, Шаса чувствовал себя оцепенелым и измученным. Снаружи было еще темно, и он перевернулся и накрыл голову подушкой.

– Мадам, ваша матушка, говорит, я ждать здесь, пока вы встаете, – мрачно произнес слуга-овамбо.

И Шаса потащился в ванную, стараясь спрятать подсохшее пятно спереди на пизжаме.

Один из конюхов уже оседлал его пони и ждал у переднего крыльца бунгало. Шаса задержался, чтобы пошутить и посмеяться с конюхом, а потом поздоровался со своим пони и приласкал его, потершись с ним лбами и легонько подув в ноздри.

– А ты толстеешь, Престер-Джон, – упрекнул он пони. – Нам придется согнать с тебя лишнее клюшкой для поло.

Он вскочил в седло и срезал путь, следуя трубопроводу вокруг выступа холма. Эта труба доставляла воду из источника за холмом на рудник и к промывочным механизмам. Шаса проехал мимо насосной станции, и ему стало стыдно из-за того, что эта станция связывала его с ночной порочностью, но потом солнечные лучи осветили равнины внизу, и он забыл об этом, наслаждаясь картиной оживающего утреннего вельда.

Сантэн приказала, чтобы по эту сторону холма лес оставили нетронутым, и деревья mopани величественно высились вокруг. Стайка франколинов щебетала в зарослях кустарника на склоне, а серая антилопа дукер, возвращаясь от источника, перескочила дорогу прямо перед носом пони. Шаса засмеялся и изобразил, будто уклоняется, чтобы избежать столкновения.

– Эй, прекрати выпендриваться!

Он обогнул выступ утеса – открывшийся перед ним вид удручающе контрастировал с тем, которым Шаса только что любовался. Оскверненный лес, уродливые шрамы на склоне горы, некрасивые кубики железных строений и голые конструкции промывочного оборудования... все это смотрелось так уродливо!

Шаса коснулся пятками боков пони, и они проскакали галопом последнюю милю, добравшись до главной откатки как раз в тот момент, когда старый «форд» Твентимен-Джонса подъехал со стороны деревни со все еще горящими фарами. Доктор посмотрел на часы, выходя из машины, и как будто опечалился из-за того, что Шаса явился на три минуты раньше.

– Вы когда-нибудь бывали на откатках, мастер Шаса?

– Нет, сэр.

Он чуть не добавил: «Мама никогда не разрешала мне этого», но почему-то это показалось ему излишним, и он впервые почувствовал негодование из-за вездесущего присутствия матери.

Твентимен-Джонс повел его к началу линии и познакомил с начальником смены.

– Мастер Шаса поработает с вами, – объяснил он. – Обращайтесь с ним как обычно, как вы обращались бы с любым молодым человеком, который однажды станет вашим управляющим.

По выражению лица Твентимен-Джонса совершенно невозможно было понять, когда он шутит, так что никто не засмеялся.

– Дайте ему каску, – приказал Твентимен-Джонс и, когда Шаса застегнул ремешок каски, повел его к основанию каменной стены утеса.

В камне был пробит наклонный туннель, круглое отверстие, в которое под углом сорок пять градусов уходили стальные рельсы, исчезающие затем в темной глубине. В начале линии стояла цепочка небольших вагонеток, Твентимен-Джонс повел Шасу к первой вагонетке, и они забрались в стальной приемник. За ними садилась в вагонетки очередная смена, дюжина белых мастеров и полторы сотни черных рабочих в потрепанных, пыльных комбинезонах и касках из светлого некрашеного металла, шумно смеясь и подтрунивая друг над другом.

Паровой ворот загредел и зашипел, вагонетки дернулись вперед и затем, подпрыгивая и раскачиваясь, побежали по узкоколейке вниз по крутому склону. Стальные колеса стучали и позвякивали на стыках рельсов, и все они провалились в темную пасть туннеля.

Шаса беспокойно ерзал на месте, охваченный непонятным страхом перед абсолютной чернотой, внезапно поглотившей их. Однако в вагонетке позади него шахтеры-овамбо запели, и их глубокие мелодичные голоса эхом разносились в темном пространстве туннеля; изуми-

тельный хор звучал в африканском ритме, и Шаса расслабился и придвинулся ближе к Твентимен-Джонсу, чтобы выслушать его объяснения.

– Уклон здесь составляет сорок пять градусов, а подъемник рассчитан на сто тонн, что в горной терминологии означает шестьдесят партий руды. Наша цель – поднимать шестьсот партий за смену.

Шаса пытался сосредоточиться на цифрах; он знал, что мать вечером станет задавать вопросы. Но темнота, пение и грохот вагонеток отвлекали его. Впереди он уже видел крошечную монетку яркого белого света, которая быстро увеличивалась в размерах, пока они наконец не выскочили по другую сторону туннеля, и Шаса задохнулся от изумления.

Он, конечно, изучал схемы алмазоносных трубок, на письменном столе его матери в Вельтевреде стояли фотографии, но все это ничуть не подготовило его к необъятности картины.

Прямо в середине горы было почти идеально круглое пространство. Оно открывалось в небо, а его бока поднимались вертикально, и круглая стена серого камня окружала дно, как арену для петушиных боев. Люди попадали сюда сквозь туннель, соединявший внешнюю сторону горы и узкий спуск, по которому они теперь ехали под тем же углом в сорок пять градусов, пока не добрались до котловины в двух сотнях футов под ними. Спуск оказался захватывающим. Ширина обрамленной скалами долины внизу достигала мили, а стены вокруг нее высились на четыре сотни футов.

Твентимен-Джонс продолжал свою лекцию:

– Это вулканический кратер, здесь раскаленная магма вырвалась из глубин земли на поверхность в самом начале времен. При таких температурах, сравнимых с температурой на поверхности Солнца, и при огромном давлении сформировались алмазы, и их вынесло наверх огненной лавой.

Шаса смотрел по сторонам, вертя головой, чтобы охватить взглядом гигантский провал в горе, а Твентимен-Джонс продолжал:

– Потом напряжение в жерле вулкана ослабло, магма остыла и окаменела. Ее верхний слой под воздействием воздуха и солнца окислился, превратившись в классическую «желтую землю», алмазосодержащую породу. Мы прорываемся сквозь нее уже одиннадцать лет и только недавно добрались до «голубой земли».

Доктор выразительно махнул рукой в сторону серовато-синих камней, что образовывали дно гигантской ямы.

– Это более глубокие отложения застывшей магмы, твердые, как железо, и набитые алмазами, как булочка изюмом.

Они достигли наконец самого дна рабочей зоны и выбрались из вагонетки.

– Работы организованы просто, – продолжал Твентимен-Джонс. – Первая смена спускается сюда с рассветом и начинает работу там, где накануне камни взорвали. Взорванную породу дробят и грузят в вагонетки, чтобы отправить наверх. После этого отмечают и пробивают шурфы для следующих взрывов, закладывают в них взрывчатку. В сумерках смена поднимается отсюда, взрывники поджигают фитили. После взрыва работы останавливаются на ночь, чтобы дым рассеялся, а на следующее утро все начинается сначала. Там, – доктор показал на площадку, усыпанную голубовато-серыми камнями, – породу взорвали вчера. Вот с чего мы сегодня начнем.

Шаса не ожидал, что его настолько захватит очарование этим гигантским котлованом, но его интерес в течение дня только возрастал. Даже жара и пыль его не утрашали. А жар, захваченный в ловушку отвесных стен, все усиливался, пока не стал особенно невыносимым, когда солнце начало светить прямо в неровную поверхность котловины. Густая пыль поднималась от раздробленного дна рудника, по мере того как молотобойцы взмахивали десятифунтовыми кувалдами, разбивая крупные камни на куски помельче. Пыль висела, как туман, над теми, кто

грузил породу в вагонетки, и покрывала их лица и тела, превращая всех в призрачно-серых альбиносов.

– Тут иногда случается шахтерский туберкулез, – признал Твентимен-Джонс. – Пыль набивается в легкие людей и окаменевают. В идеале мы должны поливать породу водой, чтобы смочить пыль, но воды нам не хватает. У нас ее даже для промывки маловато. Так что мы определенно не можем позволить себе расплескивать ее вокруг. Так что люди умирают и становятся калеками, но для этого нужно лет десять, а мы даем им или их вдовам хорошую пенсию, и горный инспектор проявляет к нам сочувствие, хотя его сочувствие и стоит денег.

В полдень Твентимен-Джонс подозвал Шасу:

– Ваша мать сказала, вы должны отработать только половину смены. Я сейчас отправляюсь наверх. Вы поедете?

– Я бы предпочел остаться, сэр, – довольно робко ответил Шаса. – Мне бы хотелось посмотреть, как готовят шурфы для взрывов.

Твентимен-Джонс печально покачал головой:

– Весь в отца!

И ушел, бормоча что-то себе под нос.

Старший взрывник позволил Шасе поджечь запалы под его внимательным наблюдением. Это дало Шасе чувство важности и власти; он поднес воспламенитель к открытым концам запала, и огонь быстро побежал вперед, а Шаса наблюдал, как огнепроводные шнуры шипят, чернея, и над ними клубится голубой дымок.

Они вместе с главным взрывником побежали к месту отгрузки с криком «Огонь в котловане!», и Шаса немного задержался, пока не прогремел взрыв и земля не дрогнула у него под ногами.

Потом он сел на Престер-Джона и, пыльный, пропотевший, уставший донельзя и счастливый так, как редко бывало в его жизни, поскакал обратно вдоль водовода.

Он даже не думал о ней, пока не добрался до насосной станции, но она оказалась там, сидела верхом на покрашенной серебряной краской трубе водовода. Шаса испытал такое потрясение, что, когда Престер-Джон пугливо шарахнулся в сторону, чуть не вылетел из седла и был вынужден схватиться за луку.

Она вплела в волосы дикие цветы и расстегнула верхние пуговицы блузки. В одной из книг в библиотеке Вельтевредена имелась иллюстрация, на которой изображались сатиры и нимфы, танцующие в лесу. Эта книга стояла в запретной секции библиотеки, которую Сантэн запирала на ключ, но Шаса потратил часть своих карманных денег на дубликат этого ключа, и с тех пор нимфы стали его любимицами среди всех эротических сокровищ библиотеки.

Аннализа была одной из них, лесной нимфой, лишь наполовину человеком, и она лукаво прищурилась, глядя на Шасу, и ее клыки, очень белые, выдавались вперед.

– Привет, Аннализа...

Голос Шасы предательски сорвался, а сердце заколотилось так бешено, что ему показалось, будто оно может запрыгнуть ему в горло и удушить его.

Девушка улыбнулась, но не ответила, а вместо этого лишь медленно погладила свою руку от запястья до обнаженного плеча. Шаса наблюдал, как ее пальцы приподнимают тонкие медные волоски на предплечье, и его чресла набухли.

А она наклонилась вперед и прижала указательный палец к нижней губе, продолжая коварно усмехаться, и ее грудь изменила очертания, вырез блузки распахнулся сильнее, и Шаса увидел кожу настолько белую и прозрачную, что сквозь нее просвечивали тонкие голубые вены.

Он сбросил стремяна и занес ногу над холкой пони, собираясь покинуть седло эффектным прыжком, как делают игроки в поло, но девушка стремительно вскочила на ноги, еще раз высоко подняла юбку и, мелькнув кремовыми бедрами, легко спрыгнула по другую сторону трубы и скрылась в густом кустарнике на склоне.

Шаса помчался за ней и очутился в густых зарослях. Ветки царапали ему лицо и хватали за ноги. Он разок услышал ее хихиканье, где-то впереди, недалеко, но ему под ногу подвернулся камень, и Шаса тяжело упал, задохнувшись. Когда он собрался с силами и захромал следом за девушкой, ее уже и след простыл.

Он еще некоторое время бродил в кустах, его пыл быстро остывал; и когда он вернулся к трубе, оказалось, что Престер-Джон воспользовался его отсутствием и сбежал, и Шаса уже кипел гневом на себя и на девушку.

Пришлось проделать пешком весь долгий путь до бунгало, и Шаса сам не осознавал, насколько устал. К тому времени, когда он добрался до дома, уже стемнело. Пони с пустым седлом вызвал тревогу, но опасения Сантэн мгновенно сменились облегчением и яростью, когда она увидела сына.

Неделя в жаре и пыли рудника и монотонность работы начали угнетать, так что Твентимен-Джонс отправил Шасу работать у лебедки на главной отгрузке. Машинист лебедки оказался человеком неразговорчивым, замкнутым и ревнивым к своему делу. Он не позволял Шасе даже прикоснуться к механизмам управления лебедкой.

– Мой профсоюз такого не допускает.

Он упорно стоял на своем, и через два дня Твентимен-Джонс перевел Шасу на площадку выветривания.

Там руду рассыпала на открытом месте целая команда рабочих-овамбо, обнаженных до пояса и распевавших хором, пока они раскидывали и переворачивали руду под присмотром белых контролеров и черных надсмотрщиков.

В зоне выветривания лежали груды камней, тысячи тонн руды, рассыпанные на площади размером в четыре поля для игры в поло. Когда голубую породу взрывали, она была твердой, как бетон; ее могли измельчить лишь взрыв или десятифунтовые кувалды. Но после того как руда пролежала на солнце шесть месяцев, она начинала крошиться и становилась похожей на мел, делалась хрупкой, и ее можно было снова загружать в вагонетки и отправлять на дробилку и на промывку.

Шасу поставили надзирать над группой из сорока рабочих, и вскоре он завязал дружбу с надсмотрщиком-овамбо. Как и все его соплеменники, мужчина имел два имени: племенное, которое он держал в тайне от белых нанимателей, и рабочее. Его рабочим именем было Мозес. Он был лет на пятнадцать моложе других черных старшин, и выбрали его за ум и инициативность. Он хорошо говорил и на английском, и на африкаансе, и уважение, которое чернокожие рабочие обычно оказывали только возрасту, он заработал дубинкой, пинками и язвительным остроумием.

– Будь я белым, – сказал он Шасе, – я бы однажды получил место Доктелы.

Доктелой овамбо называли Твентимен-Джонса.

Потом Мозес продолжил:

– Я и так могу его получить однажды... а если не я, то мой сын.

Шаса был поражен, а затем заинтригован столь вопиющим заявлением. Ему никогда прежде не случалось сталкиваться с чернокожим, который не знал бы своего места в обществе. И как-то тревожно было находиться рядом с высоким овамбо, похожим на изображение египетского фараона из запретной части библиотеки Вельтевредена, но этот намек на опасность лишь пробуждал в Шасе еще более сильное любопытство.

Они обычно проводили вместе обеденный перерыв, и Шаса помогал Мозесу совершенствовать навыки чтения и письма; у Мозеса имелась замусоленная тетрадь, самое драгоценное из его имущества. Взамен овамбо учил Шасу основам своего языка, в особенности ругательствам и оскорблениям, и объяснял смысл некоторых песнопений рабочих, большинство из которых оказались непристойными.

«Делать детей – работа или удовольствие?»

Таким был припев любимой песенки Шасы, и он присоединился к ней, к восторгу бригады, за которой наблюдал. «Это не может быть работой, иначе белые люди заставили бы нас делать это за них!»

Шасе уже исполнилось четырнадцать. Некоторые из подчиненных ему рабочих были в три раза старше его, но никто не находил это странным. Вместо этого они откликались на его поддразнивания, сияющую улыбку и жалкие попытки говорить на их языке. Вскоре его бригада разбрасывала пять отгрузок вместо четырех, в отличие от других команд, и вторую неделю они закончили с наилучшими результатами.

Шаса так увлекся работой и новым другом, что не замечал мрачных взглядов другого белого надзирателя.

В третью субботу, после того как рабочим заплатили в полдень, Шаса поехал к коттеджу Мозеса по его приглашению. Там он провел целый час, сидя на переднем крыльце дома, попивая кислое молоко из тыквенной бутылки, робко предложенной хорошенькой молодой женой Мозеса, и помогая овамбо читать вслух «Историю Англии» Маколея, которую он стащил в бунгало и привез в седельной сумке.

Книга была из тех, что входила в школьную программу, так что Шаса считал ее чем-то вроде своей собственности, и он наслаждался необычной ролью учителя и наставника, пока Мозес наконец не закрыл книгу.

– Очень трудная работа, Хорошая Вода. – Он перевел имя Шасы на язык овамбо. – Это тяжелее, чем рассыпать руду летом. Я потом над ней посижу.

И он ушел в однокомнатный домик, положил книгу в свой сундучок и вернулся с пачкой газет.

– Давай попробуем это.

Он протянул одну газету Шасе, и тот развернул ее на колене. Это был лист желтой бумаги очень плохого качества, а краска пачкала пальцы. Название наверху гласило: «Umloto Wa Vantu». Шаса перевел его без труда: «Голос черного народа» – и посмотрел на печатные столбцы. Статьи были в основном на английском, хотя попадались и на местном языке.

Мозес показал на редакционную статью, и они начали разбираться в ней.

– Что такое Африканский национальный конгресс? – недоуменно спросил Шаса. – И кто такой Джабаву?

Овамбо охотно начал объяснять, и любопытство Шасы постепенно сменилось неловкостью.

– Джабаву – отец всех банту, всех племен, всех черных людей. А Африканский национальный конгресс – пастух, охраняющий наш скот.

– Я не понимаю.

Шаса покачал головой. Ему не нравилось направление, в котором развивался их разговор, и он даже заерзал, когда Мозес начал цитировать:

Твой скот исчез, мой народ,
Иди спасать его! Иди спасать его!
Оставь свое оружие
И возьми вместо него перо.
Возьми бумагу и чернила,
Ибо они станут твоим щитом.
Твои права попираются,
Так что возьми перо,
Обмакни его в чернила
И сражайся этим пером!

– Это политика, – перебил его Шаса. – Черные не участвуют в политике. Это дело белых людей.

Таков был краеугольный камень жизни Южной Африки.

Лицо Мозеса помрачнело, он забрал у Шасы газету и встал.

– Я верну тебе книгу, когда прочитаю.

И, не глядя в глаза Шасе, ушел в дом.

* * *

В понедельник Твентимен-Джонс остановил Шасу у главного входа на площадку выветривания.

– Думаю, о выветривании вы уже все узнали, мастер Шаса. Пора нам перевести вас на дробилку и промывку.

Когда они шли вдоль рельсов рядом с одной из вагонеток, полной крошащейся выветренной руды, Твентимен-Джонс заметил:

– А еще, мастер Шаса, не стоит слишком сближаться с черными рабочими, вы быстро поймете, что они постараются извлечь из этого выгоду.

Шаса на мгновение изумился, но потом засмеялся:

– А, это вы о Мозесе? Он не рабочий, а надзиратель, и он очень умный, сэр.

– Слишком умный для его положения, – с горечью согласился Твентимен-Джонс. – Умные всегда недовольны, становятся бунтовщиками и причиной неприятностей. Ваш друг Мозес пытается организовать профсоюз чернокожих рабочих.

От деда и матери Шаса знал, что большевики и профсоюзные активисты – самые чудовищные монстры, стремящиеся уничтожить основы цивилизованного общества. Его потрясло, что Мозес оказался одним из них. Но Твентимен-Джонс продолжал:

– Мы также подозреваем, что он стоит за небольшой группой незаконной скупки алмазов.

Незаконная скупка алмазов представляла собой еще одно пугало цивилизованного мира, поскольку это была покупка-продажа краденых камней, и Шаса испытал настоящее возмущение при мысли о том, что его друг мог быть и членом профсоюза, и незаконным дилером.

И все же следующие слова доктора Твентимен-Джонса повергли его в уныние.

– Боюсь, мистер Мозес возглавит список тех, кого мы уволим в конце этого месяца. Он опасный человек. Мы просто должны избавиться от него.

«Они хотят выгнать его просто потому, что мы с ним стали друзьями, – расшифровал Шаса его слова. – Это все из-за меня».

Его охватило чувство вины, но почти сразу за этим вспыхнул гнев. На его язык просились некие слова... ему хотелось закричать: «Это несправедливо!» Но прежде чем произнести такое, он посмотрел на Твентимен-Джонса и интуитивно понял, что любая его попытка защитить Мозеса лишь усугубит судьбу чернокожего.

Он пожал плечами.

– Вам виднее, сэр, – согласился он.

И тут же увидел, как плечи мужчины слегка расслабились.

«Матушка, – подумал он, – я должен поговорить с мамой». И тут же его мысль, окрашенная разочарованием, повернула в другую сторону: «Если бы только я мог сам это решать, если бы только я сам мог приказывать, что следует сделать...»

И тут до него дошло, что именно это и имела в виду его мать, когда говорила о власти. Возможность решать и отдавать приказы в окружавшем его мире.

– Власть, – прошептал себе под нос Шаса. – Однажды я получу власть. Огромную власть.

Работа на дробилке оказалась трудной и интересной. Хрупкая выветренная руда загружалась в вагонетки с опрокидывающимся кузовом и подавалась в хоперы, измельчавшие ее до такого состояния, чтобы дальше можно было отправлять ее на промывку. Механизмы здесь были большими и мощными, грохот стоял почти оглушающий, измельченная руда сыпалась в спускной желоб и с непрерывным шумом засасывалась вращающимися цилиндрами. Сто пятьдесят тонн в час; в конце обломки размером с дыню превращались в гравий и пыль.

Брат Аннализы, Штоффель, умевший подражать птичьим голосам и наладивший зажигание старого «форда» во время прошлого визита Шасы на рудник Ха'ани, теперь стал помощником мастера на дробилке. Ему велели показать Шасе все вокруг, и он с удовольствием взялся за дело.

– Тебе следует быть чертовски осторожным с этими дробящими валами, настраивать их тщательно, иначе они разотрут чертовы алмазы в порошок.

Штоффель подчеркивал недавно обретенное важное положение постоянными ругательствами и богохульствами.

– Идем, Шаса, я тебе покажу точки смазки. Все их нужно смазывать из специального шприца в начале каждой смены.

Он прополз под краем гремящего конвейера, крича Шасе прямо в ухо, чтобы тот мог его расслышать:

– В прошлом месяце один из помощников умудрился сунуть свою поганую руку в подшипники! Они ее оторвали, как крылышко цыпленка, приятель! До сих пор кровь видно!

Он с отвращением показал на темные пятна засохшей крови на бетонном полу и оцинкованных стенках.

– Говорю тебе, приятель, кровь из него хлестала, как из садового шланга!

Потом Штоффель ловко, как обезьяна, взобрался на узкий стальной мостик, и они посмотрели вниз, на конвейер измельчителя.

– Один из этих черномазых овамбо свалился отсюда прямо в емкость с рудой, а мы потом в конце линии не смогли найти даже кусочка кости крупнее твоего пальца. Да, приятель, это чертовски опасная работа, – с гордостью сообщил он Шасе. – Тут приходится постоянно оставаться начеку.

Когда сирена рудника возвестила перерыв на обед, Штоффель повел Шасу вокруг строений дробилки на тенистую сторону, и они удобно устроились на трубе вытяжки. Они могли общаться открыто, поскольку их сейчас объединяла работа, и Шаса чувствовал себя взрослым и важным в своем синем рабочем комбинезоне, когда открывал коробку с ланчем, присланным ему из бунгало шеф-поваром.

– Цыпленок и сэндвичи с языком и пудинг с вареньем, – осмотрел он содержимое. – Хочешь чего-нибудь, Штоффель?

– Нет, приятель. Вон моя сестра, несет мне обед.

И Шаса тут же потерял интерес к еде.

Аннализа ехала по дороге на черном велосипеде «радж-уитворт», и на руле висело несколько жестяных коробок. Шаса впервые увидел ее после их встречи у насосной, хотя и высматривал ее с тех пор каждый день. Она заправила юбку в шаровары, чтобы не испачкать подол цепью. Стоя на педалях, она ритмично работала ногами, проезжая в ворота дробилки, а ветер прижимал к ее телу тонкую ткань платья. Грудь Аннализы была непропорционально большой по сравнению со стройными загорелыми конечностями.

Шаса зачарованно наблюдал за ней. А она, заметив, что Шаса сидит рядом с ее братом, сменила позу. Она опустила на седло, расправила плечи и оторвала одну руку от руля в попытке пригладить растрепанные ветром волосы. Притормозив, она спрыгнула на землю и поставила велосипед у кожуха вентиляционной трубы.

– Что на обед, Лиза? – спросил Штоффель Бота.

– Колбаса и пюре. – Она протянула ему коробки. – Как всегда.

Рукава ее платья были закатаны, и, когда она подняла руки, Шаса увидел светлые волосы у нее под мышками, спутанные и влажные от пота, и поспешил скрестить ноги.

– Черт, сестренка! – Штоффель не скрывал неудовольствия. – Вечно одно и то же!

– В следующий раз попрошу маму приготовить тебе бифштекс с грибами.

Она опустила руку, и Шаса осознал, что тарашится на нее, но не мог совладать с собой. Аннализа застегнула верх блузки, и Шаса заметил, как слегка покраснела на шее ее загорелая кожа, но она все еще ни разу не посмотрела прямо на него.

– Ладно, и на том спасибо. – Штоффель жестом отпустил сестру, но та не спешила уходить.

– Можешь у меня взять что-нибудь, – предложил Шаса.

– Можем поменяться, – щедро предложил Штоффель.

Шаса, заглянув в жестянку, увидел комковатое картофельное пюре, залитое жирным соусом.

– Я не голоден. – И Шаса наконец обратился к девушке: – Хочешь сэндвич, Аннализа?

Она расправила юбку на бедрах и посмотрела на него в упор. Глаза у нее были раскосыми, как у дикой кошки. Она лукаво усмехнулась:

– Когда я захочу что-нибудь взять у тебя, Шаса Кортни, я свистну – вот так.

Она соблазнительно сложила губы в бутон и свистнула, как заклинатель змей, одновременно медленно поднимая указательный палец в откровенно непристойном жесте.

Штоффель грубо расхохотался и хлопнул Шасу по руке:

– Приятель, да она на тебя запала!

Пока Шаса, заливаясь краской, потрясенно сидел, не в силах произнести ни слова, Аннализа подчеркнуто отвернулась и подняла велосипед. Она выехала за ворота, стоя на педалях и поворачивая велосипед из стороны в сторону, так что ее тугие ягодички раскачивались при каждом движении.

В тот вечер, поворачивая Престер-Джона к водоводу, Шаса задышался от предвкушения; а приблизившись к насосной, он придержал пони, боясь разочарования, не спеша поворачивать за угол здания.

И все же он оказался не готов к потрясению, когда увидел девушку. Она стояла, расслабленно прислонившись к одной из опор трубы, и Шаса утратил дар речи, когда она медленно выпрямилась и неторопливо направилась к голове пони, не глядя на всадника.

Взявшись за недоуздок, она нежно сказала лошадке:

– Какой симпатичный мальчик!

Пони резко выдохнул сквозь ноздри и переступил с ноги на ногу.

– Какой милый мягкий носик!

Она плавным движением погладила морду животного.

– Хочешь, я тебя поцелую, мой красавчик?

Она слегка сжала губы, розовые, мягкие и влажные, и посмотрела на Шасу, прежде чем наклониться вперед и демонстративно поцеловать морду пони, одновременно поглаживая его шею. Она задержала поцелуй на несколько секунд, а потом прижалась щекой к щеке пони. И начала раскачивать бедрами, что-то тихо напевая горлом, а затем снова взглянула на Шасу своими хитрыми раскосыми глазами.

Шаса пытался найти какие-то слова, ошеломленный бурей охвативших его чувств, а она не спеша передвинулась к боку пони и погладила шкуру.

– Такой сильный...

Ее рука слегка задела ногу Шасы, почти непреднамеренно, но тут же вернулась к его бедру, уже более целенаправленно, и теперь Аннализа не смотрела в лицо Шасе. А он ничего

не мог поделаться, не мог скрыть свою яростную реакцию на ее прикосновение, и она вдруг визгливо расхохоталась и отступила назад, уперев руки в бедра.

– Собираешься разбить тут лагерь, Шаса Кортни? – спросила она.

Шаса смутился, не понимая ее. И просто покачал головой в ответ.

– Тогда для чего ты поставил палатку?

Аннализа снова громко захохотала, бесстыдно показывая на бриджи Шасы, и он неловко согнулся в седле.

А девушка, чьи смены настроения сбивали с толку, похоже, пожалела его и вернулась к голове пони, чтобы повести животное по дороге, давая Шасе возможность прийти в себя.

– Что тебе говорил обо мне мой брат? – спросила она, не оборачиваясь.

– Ничего, – заверил ее Шаса.

– Не верь тому, что он говорит. – Аннализа ему не поверила. – Он вечно старается наговорить гадостей. Он тебе говорил о Фурье, шофере?

Все на руднике знали, как жена Герхарда Фурье застучала их вдвоем в кабине грузовика после рождественской вечеринки. Жена Фурье была старше матери Аннализы, но она подбила девушке оба глаза и в ключья изодрала ее единственное хорошее платье.

– Ничего он мне не говорил, – твердо повторил Шаса, но тут же с любопытством спросил: – А что случилось?

– Ничего, – быстро ответила девушка. – Это все вранье. – И опять сменила тему: – Хочешь, покажу тебе кое-что?

– Да, пожалуйста, – с готовностью откликнулся Шаса.

Он догадывался, что это может быть.

– Дай мне руку.

Аннализа подошла к стремяни, а Шаса наклонился, и они зацепились локтями. Он поднял ее, и она оказалась легкой и сильной. Она села позади него на круп пони и обхватила обеими руками талию Шасы.

– Поверни налево.

Она направляла его, и они молча ехали около десяти минут.

– Сколько тебе лет? – спросила наконец девушка.

– Почти пятнадцать.

Шаса слегка преувеличил, а Аннализа сказала:

– Мне через два месяца исполнится шестнадцать.

Если до сих пор оставались сомнения, кто из них главный, сказанное девушкой помогло решить этот вопрос. Шаса подчинился ей, и она это почувствовала. Она прижалась грудью к его спине, словно подчеркивая свою власть, и ее груди, крупные и упругие, как резина, обжигали его сквозь тонкую хлопковую рубашку.

– Куда мы едем? – спросил он после очередного долгого молчания.

Они объехали бунгало стороной.

– Тише! Я покажу, когда доберемся.

Дорога сузилась и стала более неровной. Шаса сомневался, что по ней за последние месяцы кто-то проезжал или проходил, разве что мелкие дикие животные, которые все еще жили так близко от рудника. Наконец у подножия утеса дорога окончательно исчезла, и Аннализа соскользнула со спины пони.

– Оставь свою лошадь здесь.

Шаса стреножил пони и с любопытством огляделся. Он никогда не забирался так далеко. Похоже, они уехали не меньше чем на три мили от бунгало.

Здесь каменистый склон резко обрывался вниз, а земля была изрыта трещинами и ямами, заросшими колючим кустарником.

– Идем! – приказала Аннализа. – У нас мало времени. Скоро стемнеет.

Она нырнула под какую-то ветку и начала спускаться по склону.

– Эй! – предостерег ее Шаса. – Не надо туда ходить! Ушибешься!

– Да ты испугался! – поддразнила его она.

– Нет!

Насмешка подстегнула его, и он тоже полез вниз по щебнистому склону. Один раз Аннализа остановилась, чтобы сорвать с куста веточку с желтыми цветами, и они продолжили путь, помогая друг другу на опасных местах, пробираясь под ветками, балансируя на валунах и перепрыгивая через расщелины, как пара горных кроликов, пока наконец не добрались до дна ущелья и не остановились, чтобы перевести дыхание.

Шаса запрокинул голову и посмотрел на утес, возвышавшийся над ними, крутой, как крепостная стена, но Аннализа потянула его за руку, привлекая внимание:

– Это секрет. Ты должен поклясться, что никому не расскажешь, особенно моему брату.

– Хорошо, клянусь.

– Надо это сделать как следует. Подними правую руку, а левую прижми к сердцу.

Она торжественно приняла его клятву, а потом взяла за руку и подвела к поросшей лишайником груди валунов.

– Опустись на колени!

Шаса повиновался, и девушка осторожно отодвинула зеленую ветку, что скрывала за собой нишу между валунами. Шаса задохнулся и отшатнулся, едва не встав на ноги. Эта ниша оказалась чем-то вроде святилища. На полу были расставлены стеклянные банки, и стоявшие в них дикие цветы увяли и потемнели. За цветочным подношением лежала куча белых костей, аккуратно сложенных в маленькую пирамидку, а венчал ее человеческий череп с зияющими глазницами и желтыми зубами.

– Кто это? – прошептал Шаса, его глаза расширились в суеверном страхе.

– Горная ведьма. – Аннализа взяла его за руку. – Я нашла ее кости здесь и соорудила это магическое место.

– Откуда ты знаешь, что она была ведьмой?

По коже Шасы побежали мурашки, голос дрожал и срывался.

– Она мне так сказала.

Это вызвало в голове у Шасы такие пугающие образы, что он больше не стал ни о чем спрашивать; череп и кости и без того ужасали, но голос, что мог прозвучать из них, был во сто раз хуже, и у Шасы встали дыбом волосы на затылке и на руках. Он наблюдал, как Аннализа меняла увядшие цветы на свежие желтые цветы акации, а потом села на корточки и снова сжала руку Шасы.

– Эта ведьма исполнит одно твое желание, – прошептала она.

Шаса задумался.

– Чего тебе хочется? – Девушка потянула его за руку.

– А я могу пожелать что угодно?

– Да, что угодно, – кивнула Аннализа, нетерпеливо глядя ему в лицо.

Шаса смотрел на побелевший череп, и его страх угасал; он вдруг уловил некое новое ощущение. словно нечто тянулось к нему, некое чувство тепла и знакомого уюта, какое он знал прежде, будучи младенцем, когда мать прижимала его к груди.

На высохшем черепе кое-где оставались клочки волос, похожие на коричневый пергамент, и местами – мягкие пушистые шарики, такие же, как на головах домашних бушменов, пасших молочных коров у станций отдыха на дороге из Виндхука.

– Что угодно? – повторил Шаса. – Я могу пожелать что угодно?

– Да, всего, чего тебе хочется.

Аннализа прислонилась к его боку, и она была мягкой и теплой, а ее тело пахло свежим сладким молодым потом.

Шаса наклонился вперед и коснулся белого костяного лба черепа, и ощущение тепла и покоя усилилось. Шаса осознал доброе ощущение любви, слишком сильное, чтобы выразить его в словах, да, любви, словно за ним присматривал некто или нечто, глубоко заботившийся о нем.

– Я желаю, – произнес он тихо, почти как во сне, – я желаю огромной власти.

Ему показалось, будто что-то укололо кончики его пальцев, касавшиеся черепа, вроде электрического разряда, и он резко отдернул руку.

Аннализа разочарованно вскрикнула и одновременно отодвинулась от Шасы.

– Глупое желание. – Она явно была задета, но Шаса не понимал почему. – Ты глупый мальчишка, и ведьма не исполнит такое глупое желание.

Она вскочила на ноги и закрыла нишу веткой.

– Поздно уже. Нужно возвращаться.

Шасе не хотелось покидать это место, он медлил.

Аннализа окликнула его уже со склона:

– Идем, через час станет темно.

Когда он снова вышел на тропу, она сидела, прислонившись к скале, лицом к нему.

– Я оцарапалась!

Она произнесла это как обвинение. Они оба покраснелись и тяжело дышали после подъема.

– Мне жаль, – выдохнул Шаса. – Как случилось, что ты поранилась?..

Аннализа подняла подол своей юбки до середины бедра. Одна из колючих ветвей зацепилась за нее, оставив длинную красную царапину на гладкой светлой коже внутренней стороны бедра. Царапина получилась неглубокой, но на ней выступила цепочка капелек крови, подобно ожерелью из крошечных ярких рубинов. Шаса уставился на них как зачарованный, а девушка снова прислонилась к скале, приподняла колени и раздвинула бедра, смяв юбку между ними.

– Промой ее слюной! – велела она.

Шаса послушно опустил на колени между ее ногами и намочил слюной указательный палец.

– У тебя грязный палец! – предостерегла его девушка.

– Что же мне тогда делать? – Шаса растерялся.

– Облизни... смажь ее языком!

Он наклонился вперед и коснулся царапины кончиком языка. Ее кровь имела странный металлически-соленый вкус.

Аннализа положила одну руку ему на затылок и погладила темные вьющиеся волосы.

– Да, вот так, очисти ее, – пробормотала она.

Ее пальцы погрузились в его волосы, она удерживала голову Шасы, прижимая его лицо к своей коже, а потом направила его выше, медленно отодвигая юбку свободной рукой, по мере того как его губы продвигались вверх.

А потом, заглянув между ее разведенных ног, Шаса увидел, что она сидит на собственном белье, белой ткани с рисунком из розочек. И тут до него дошло, что за те несколько минут, что Аннализа оставалась одна, она, должно быть, сняла трусики и подстелила их под себя как подушку на мягкой, покрытой мхом земле. Под юбкой на ней ничего не было.

Шаса резко проснулся, не понимая, где находится. Спиной он ощущал твердую землю, в плечо впился какой-то камешек, на грудь что-то давило, мешая дышать. Он замерз, вокруг стояла тьма. Престер-Джон топтался и фыркал где-то рядом, и Шаса увидел голову пони, силуэтом обрисовавшуюся на фоне звезд.

Внезапно он вспомнил. Нога Аннализы была перекинута через его ногу, а ее лицо уткнулось ему в шею; она наполовину лежала на его груди. Он оттолкнул ее с такой силой, что она с криком проснулась.

– Уже темно! – глупо воскликнул он. – Нас уже ищут!

Он попытался встать, но его бриджи оказались спущены до колен. Шаса ярко вспомнил, как девушка опытной рукой расстегивала их и спускала ниже бедер. Он резко натянул штаны и стал неловко застегивать ширинку.

– Нужно возвращаться. Моя мать...

Аннализа уже стояла рядом с ним, прыгая на одной босой ноге и пытаясь второй попасть в трусики. Шаса посмотрел на звезды. На горизонте сиял Орион.

– Уже больше девяти часов! – мрачно бросил Шаса.

– Не надо было засыпать, – уныло возразила девушка и схватила за его плечо, чтобы не упасть. – Мой папа меня выпорет. Он говорил, что в следующий раз убьет меня.

Шаса оттолкнул ее руку. Ему хотелось поскорее убраться подальше от нее, но он знал, что не может.

– Это ты виноват! – Она наклонилась, подхватила у лодыжек трусики и натянула их до талии, а потом расправила юбку. – Я так и скажу папе, что это ты виноват. Он на этот раз хлыстом меня избьет! Ох! Да он просто шкуру с меня спустит!

Шаса отвязал пони, руки у него дрожали. Он не мог думать отчетливо, оставаясь еще полусонным.

– Я ему не позволю. – Его голос прозвучал нерешительно, и галантность вышла неубедительной. – Я не позволю ему причинить тебе боль.

Похоже, это лишь разозлило девушку.

– Да что ты можешь сделать? Ты же просто ребенок! – Это слово, похоже, вызвало что-то еще в ее сознании. – А что произойдет, если ты сделал мне ребенка, а? Он же будет бастардом; ты подумал об этом, когда совал в меня свою штуку? – раздраженно бросила она.

Шаса обожгло несправедливостью ее обвинения.

– Ты сама показала мне, как это сделать! Я бы ничего и не сумел без тебя!

– Ни шиша хорошего теперь не будет! – Аннализа уже плакала. – Лучше бы нам просто сбежать!

Эта идея нашла отклик в душе Шасы, но он с неохотой отказался от нее.

– Пошли, – сказал он и посадил девушку на спину Престер-Джона, а затем забрался позади нее.

Они увидели факелы поисковых групп на равнине под собой, когда обогнули выступ горы. На дороге тоже горели огни – фары машин, ехавших медленно, явно шарили по обочинам, и до них донеслись крики поисковиков, когда пони добрался до леса далеко внизу.

– Мой папа точно убьет меня на этот раз. Он узнает, чем мы занимались, – хныкала Аннализа, и ее жалость к самой себе раздражала Шасу.

Он уже отказался от попыток ее успокоить.

– Да как он узнает? – огрызнулся он. – Его там не было.

– Ты же не думаешь, что ты был первым, с кем я это делала, – резко произнесла Аннализа, желая ранить Шасу. – Я этим со многими занималась, и папа дважды меня поймал. О, он все равно узнает!

При мысли о том, что Аннализа проделывала этот странный и удивительный фокус с другими, Шаса почувствовал жаркий прилив ревности, который вскоре остыл под влиянием рассудка.

– Что ж, – сказал он, – если он знает обо всех остальных, ты вряд ли сможешь свалить вину на меня.

Аннализа попалась в собственную ловушку и испустила очередное душераздирающее рыдание; и когда они столкнулись с группой искавших их людей, шедших вдоль водовода, она продолжала театрально плакать.

Шаса и Аннализа сидели в противоположных концах гостиной бунгало, инстинктивно держась как можно дальше друг от друга. Когда они услышали, как снаружи остановился «даймлер» с горящими фарами, Аннализа снова заплакала, шмыгая носом и потирая глаза, чтобы добыть побольше слез.

Они услышали быструю легкую поступь Сантэн на веранде, и за ней звучали более неторопливые шаги Твентимен-Джонса.

Когда Сантэн появилась в двери гостиной, Шаса встал и сложил перед собой руки в жесте кающегося грешника. На ней были индийские бриджи, сапоги для верховой езды и твидовый жакет, на шее красовался желтый шарф. Сантэн пылала, она одновременно испытывала облегчение и пребывала в ярости, как мстительный ангел.

Аннализа, увидев ее лицо, испустила тоскливый вой, притворяясь лишь наполовину.

– Заткнись, девица! – тихо приказала ей Сантэн. – Или я обеспечу тебе настоящую причину рыдать. – Она повернулась к Шасе. – Кто-то из вас пострадал?

– Нет, мама.

Шаса повесил голову.

– Престер-Джон?

– О, он в прекрасном состоянии.

– Ладно, значит, все в порядке. – Она не стала ничего уточнять. – Доктор Твентимен-Джонс, не отведете ли вы эту юную леди к ее отцу? Я не сомневаюсь, он знает, как с ней обойтись.

Сантэн коротко переговорила с отцом Аннализы около часа назад – это был крупный лысый мужчина с татуировками на мускулистых руках, агрессивный, с красными глазами, вонявший дешевым бренди и сжимавший волосатые кулаки, когда высказывал свои намерения относительно своей единственной дочери.

Твентимен-Джонс взял девушку за запястье, поднял на ноги и повел ее, хнычущую, к двери. Когда он проходил мимо Сантэн, выражение ее лица смягчилось, и она коснулась его руки.

– Что бы я делала без вас, доктор Твентимен-Джонс? – тихо произнесла она.

– Подозреваю, что вы прекрасно справились бы самостоятельно, миссис Кортни, но я рад, что могу помочь.

Он выволок Аннализу из комнаты, и тут же загудел мотор «даймлера».

Лицо Сантэн снова стало жестким, когда она повернулась к Шасе. Он поежился под ее взглядом.

– Ты проявил непослушание, – сказала Сантэн. – Я тебя предупреждала, чтобы ты держался подальше от этой маленькой потаскушки.

– Да, мама.

– Она переспала с половиной мужчин на руднике. Нам придется показать тебя врачу, когда мы вернемся в Виндхук.

Шаса содрогнулся и невольно посмотрел на свои штаны при мысли о туче отвратительных микробов, ползающих по самым интимным его частям.

– Непослушание само по себе плохо, но что ты сделал по-настоящему непростительного? – резко спросила Сантэн.

Шаса мог бы назвать не меньше дюжины нарушений.

– Ты вел себя глупо, – продолжила Сантэн. – Ты оказался настолько глуп, чтобы попасться на удочку. А это худший из грехов. Ты выставил себя на посмешище перед всеми на

руднике. Как ты теперь сможешь возглавлять людей и командовать ими, если настолько себя унижаешь?

– Я об этом не подумал, мама. Я вообще ни о чем особенном не думал. Это просто как-то само собой получилось.

– Так подумай об этом теперь, – приказала Сантэн. – Пока ты будешь долго принимать горячую ванну с половиной бутылки лизола, подумай обо всем этом как следует. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, мама... – Шаса подошел к ней, и, помедлив мгновение, она подставила ему щеку. – Прости, мама. – Он поцеловал ее. – Прости, что заставил стыдиться за меня.

Ей хотелось обнять его, прижать к груди его прекрасную любимую голову и сказать, что она никогда не будет его стыдиться.

Но...

– Спокойной ночи, Шаса, – повторила она, стоя неподвижно, пока сын выходил из гостиной.

Она услышала, как его шаги безутешно удаляются по коридору. Затем ее плечи поникли.

– О, мой милый... мое дитя... – прошептала она.

Внезапно, впервые за много лет, она ощутила нужду в успокоительном. Она быстро подошла к тяжелому застекленному шкафу, налила себе коньяка из графина и сделала глоток. Спиртное обожгло ей язык и вызвало слезы на глазах. Проглотив, она отставила стакан.

– Это не слишком поможет, – решила она и ушла к своему письменному столу.

Сев в кожаное кресло с высокой спинкой, Сантэн вдруг почувствовала себя маленькой, хрупкой и уязвимой. Для нее подобные чувства были чужды, и она испугалась.

– Это случилось, – шепнула она. – Он становится мужчиной. – И тут же она возненавидела ту девушку. – Маленькая грязная шлюха! Он еще не готов к этому. Слишком рано она выпустила демона, демона крови Тири.

Сантэн была прекрасно знакома с этим демоном, потому что он всю жизнь преследовал ее. Дикая страстность крови де Тири.

– О, мой дорогой...

Сейчас она теряет какую-то часть сына... уже потеряла, осознала она. Одиночество навалилось на нее, как голодный зверь, все эти годы подстерегавший ее в засаде.

Существовало лишь двое мужчин, способных смягчить это одиночество. Но отец Шасы погиб в своей хрупкой машине, слепленной из холста и дерева, а она беспомощно стояла и смотрела, как он сгорает... Другой мужчина отодвинул себя слишком далеко и навсегда, совершив один жестокий и бессмысленный поступок. Майкл Кортни и Лотар де ла Рей... оба теперь были мертвы для нее.

После них у нее были любовники, много любовников, краткие мимолетные связи, переживаемые исключительно на уровне плоти, простое противоядие от кипения крови. Ни одному из них не позволялось заглянуть в глубины ее души. Но вот теперь зверь одиночества вырвался сквозь охраняемые порталы и залег в ее потаенных местах.

– Если бы только был хоть кто-нибудь, – сокрушалась Сантэн.

Такое с ней случилось только раз в жизни, когда она лежала на постели, на которой дала жизнь золотоволосому бастарду Лотара де ла Рея.

– Если бы был хоть кто-то, кого я могла бы полюбить и кто мог бы полюбить меня...

Она наклонилась вперед и взяла со стола фотографию в серебряной рамке, фотографию, которую она возила с собой, куда бы ни поехала, и всмотрелась в лицо молодого человека, стоявшего в центре группы пилотов. Впервые она заметила, что снимок поблек и пожелтел, а черты Майкла Кортни, отца Шасы, размылись. Она смотрела на красивого молодого человека и отчаянно пыталась сделать изображение ярче и четче благодаря собственной памяти, но оно как будто уплывало все дальше от нее.

– О Майкл, – снова зашептала Сантэн. – Все это было так давно... Прости меня. Пожалуйста, прости меня. Я должна стараться быть сильной и храброй. Я должна стараться ради тебя и ради твоего сына, но...

Снова поставив снимок на стол, она подошла к окну и долго смотрела в темноту.

«Я теряю свое дитя, – думала она. – И потом я однажды останусь одна, старая и уродливая... и я боюсь...»

Сантэн заметила, что дрожит, и обхватила себя руками, но тут же ее мысли обрели четкость.

«Нет времени для слабости и жалости к себе на том пути, который ты выбрала для себя. – Она встряхнулась и выпрямилась, стоя одна в тишине спящего дома. – Ты должна идти вперед. Нельзя повернуть назад, нельзя колебаться, ты должна идти до конца».

– А где Штоффель Бота? – резко спросил Шаса у контролера дробилки, когда сирена рудника подала сигнал к перерыву на обед. – Почему его здесь нет?

– Кто знает? – пожал плечами контролер. – Я получил записку из главного офиса о том, что он не придет. Они не объяснили мне почему. Может, его уволили. Я не знаю. Да мне и все равно, он в любом случае был дерзким маленьким ублюдком.

Весь остаток смены Шаса пытался справиться с чувством вины, сосредотачиваясь на потоке руды на грохочущем конвейере.

Когда прозвучал сигнал окончания работы и черные рабочие стали кричать друг другу: «Shabile!» – «Время вышло!», Шаса вскочил на Престер-Джона и повернул его к ряду коттеджей, где жила семья Аннализы. Он знал, что рискует навлечь на себя гнев матери, но дерзкое чувство рыцарства гнало его вперед. Он должен был выяснить, какие неприятности и горести он причинил.

Однако у ворот территории дробилки его остановили.

Мозес, старший с промывочной площадки, возник перед Престер-Джоном и схватил пони за недоуздок.

– Вижу тебя, Хорошая Вода, – приветствовал он Шасу мягким низким голосом.

– О, Мозес... – Шаса улыбнулся от удовольствия, забыв на мгновение о своих тревогах. – Я собирался навестить тебя.

– Я принес твою книгу. – Овамбо протянул Шасе толстый экземпляр «Истории Англии».

– Но ты не мог еще прочитать это! – возразил Шаса. – Не так быстро! Даже мне понадобилось несколько месяцев!

– Я и не стану это читать, Хорошая Вода. Я уезжаю с рудника Ха'ани. Завтра утром с грузовиками отправляюсь в Виндхук.

– О нет! – Шаса соскочил из седла и схватил Мозеса за руку. – Почему ты решил уехать, Мозес?

Шаса изобразил неведение из-за чувства вины и соучастия.

– Дело не в моем желании или нежелании. – Высокий парень пожал плечами. – Многие завтра уезжают с грузовиками. Доктела их выбрал, а леди твоя мать объяснила причину и выдала нам месячное жалованье. Человек вроде меня не задает вопросов, Хорошая Вода. – Он грустно и горько улыбнулся. – Держи свою книгу.

– Оставь ее себе. – Шаса оттолкнул книгу. – Это мой подарок тебе.

– Отлично, Хорошая Вода. Она будет напоминать мне о тебе. Оставайся с миром.

Он отвернулся.

– Мозес... – произнес Шаса ему в спину, но понял, что не находит слов.

Он импульсивно протянул руку, но овамбо отступил назад. Белый человек и черный человек не пожимают друг другу руки.

– Иди с миром, – сказал Шаса, настойчиво не убирая руки, и Мозес почти украдкой огляделся, прежде чем ответить на пожатие.

Его кожа была до странности прохладной. Шаса задумался, у всех ли черных такая кожа.

– Мы друзья, – сказал он, задерживая руку Мозеса. – Ведь так?

– Я не знаю.

– О чем ты?

– Я не знаю, возможно ли для нас быть друзьями.

Он мягко высвободил свою руку и ушел. Он не оглянулся на Шасу, когда обходил ограду и удалялся к домикам рабочих.

Колонна тяжелых грузовиков ползла по равнине, соблюдая интервалы, чтобы пыль, поднятая предыдущей машиной, не мешала следующей. А пыль высоко взлетала во все еще горячем воздухе, как желтый дым горящих кустов.

Герхард Фурье в первом грузовике ссутулился за рулем, его большой живот свисал до колен; ему пришлось расстегнуть пуговицы рубашки, выставив наружу волосатый пупок. Каждые несколько секунд он поглядывал в зеркало заднего вида над головой.

Кузов грузовика был набит вещами и мебелью семей, как черных, так и белых, которых уволители с рудника. Поверх мешков сидели их невезучие владельцы. Женщины повязали головы шарфами, защищаясь от пыли; они придерживали младших детей, когда грузовики подпрыгивали и раскачивались на неровной дороге. Старшие дети устроили себе гнезда среди багажа.

Фурье протянул руку и немного поправил зеркало, чтобы видеть девушку за своей спиной. Она приютилась между старым коробом из-под чая и ободраным чемоданом из кожзаменителя. Откинувшись на свернутое в рулон одеяло, она дремала, и ее светлые, неровно выгоревшие волосы болтались от движения машины. Одно колено было слегка приподнято, короткая юбка задралась, и когда девушка заснула, колено опустилось набок, и Фурье мельком заметил ее трусики в розочках между гладких молодых бедер. Потом девушка резко проснулась, сомкнула ноги и повернулась на бок.

Фурье потел, и не только от жары; капли пота поблескивали на темной щетине его щек и подбородка. Он дрожащими пальцами вынул изо рта окурок сигареты и осмотрел его. Рисовая бумага намочила от слюны и покрылась желтыми табачными пятнами. Фурье выбросил окурок в боковое окно и закурил другую сигарету, ведя грузовик одной рукой и ожидая, когда девушка снова пошевелится. Он уже попробовал эту юную плоть, он знал, как она нежна, тепла и доступна, и мучился болезненным желанием добраться до нее еще разок. Он готов был ради этого пойти на любой риск.

Впереди из дымки жары выплыла группа серых акаций. Фурье так часто ездил по этой дороге, что она обрела для него свои знаки и ритуалы. Он посмотрел на карманные часы и хмыкнул. Они уже ехали на двадцать минут дольше положенного. Но ведь машины были перегружены жалкими пожитками целой толпы только что уволенных.

Он остановил грузовик у дороги рядом с деревьями и, неловко встав на подножку, закричал:

– Эй, ребята! Маленькая остановка! Женщины налево, мужчины направо! Кто не вернется через десять минут, останется здесь.

Он первым вернулся к грузовику и тут же занялся левым задним колесом, делая вид, что проверяет давление, но при этом высматривая девушку.

Она вышла из-за деревьев, расправляя юбку. Покрытая дорожной пылью, она выглядела раздраженной и разгоряченной. Но, заметив, что Фурье наблюдает за ней, она вскинула голову и демонстративно не обратила на него внимания.

– Аннализа, – прошептал Фурье, когда она подняла ногу, чтобы перебраться через борт грузовика рядом с ним.

– Пошел ты, Герхард Фурье! – прошипела она в ответ. – Оставь меня в покое, или я пожалуюсь папе!

В любое другое время она, возможно, отреагировала бы более любезно, но сейчас ее бедра и ягодицы все еще хранили на себе пурпурные полосы – следы от порки отца. Так что временно она потеряла интерес к мужскому полу.

– Но мне надо с тобой поговорить, – настаивал Фурье.

– Поговорить, ха! Знаю я, чего тебе надо.

– Давай встретимся вечером за лагерем, – умолял Фурье.

– Да ты жирный, как бочка!

Она запрыгнула в кузов, а у Фурье все перевернулось в животе, когда он увидел ее длинные загорелые ноги.

– Аннализа, я дам тебе денег!

Фурье был в отчаянии; желание просто сжигало его.

Аннализа задержалась на мгновение и задумчиво посмотрела на него сверху вниз. Его предложение стало неким открытием, лазейкой в новый мир чарующих возможностей. До этого момента ей никогда не приходило в голову, что мужчина может дать ей денег за то, чем она наслаждалась больше, чем едой или сном.

– Сколько? – с любопытством спросила она.

– Фунт, – предложил Фурье.

Это были большие деньги, больше, чем Аннализа когда-либо за один раз держала в руках, но ее торгашеский инстинкт тут же проснулся, и ей захотелось посмотреть, насколько далеко это может зайти. Поэтому она резко вскинула голову и отвернулась, краем глаза наблюдая за Фурье.

– Два фунта! – настойчиво прошептал Фурье.

Настроение Аннализы воспарило.

Целых два фунта! Она почувствовала себя дерзкой и хорошенькой, рожденной для удачи. Полосы на ее спине и ногах уже немного поблекли. Она прищурилась с понимающим видом, отчего Фурье совсем свихнулся, и она увидела, как на его подбородке выступил пот, а нижняя губа задрожала.

Это придало ей еще больше наглости, и она глубоко вдохнула, задержала дыхание, а потом отважно прошептала:

– Пять фунтов!

И тут же кончиком языка облизнула губы, сама потрясенная собственной храбростью, тем, что назвала такую безумную сумму. Ее отец примерно столько зарабатывал за неделю.

Фурье побледнел и заколебался.

– Три! – выпалил он, но Аннализа чувствовала, как близок он к согласию, и с оскорбленным видом отшатнулась.

– Да ты просто вонючий старик! – произнесла она с презрением.

– Хорошо! Хорошо! – сдался Фурье. – Пять фунтов!

Аннализа победоносно усмехнулась. Она открыла для себя новый мир бесконечного богатства и наслаждения и смело шагнула в него.

Она сунула в рот кончик пальца.

– А если ты хочешь и этого тоже, это обойдется тебе еще в один фунт.

Теперь ее дерзости не было пределов.

До полнолуния оставалось всего несколько дней, и луна омывала пустыню платиновым светом, а тени вдоль краев оврага казались свинцово-синими. Лагерь разбили возле оврага, и

кто-то уже рубил кусты на дрова, звякали ведра, женские голоса у костров напоминали издали птичье пение. Совсем близко взвывала парочка шакалов, привлеченная запахом пищи, – их вопли и стоны наводили на мысль об агонии.

Фурье присел на корточки у оврага и закурил, глядя в ту сторону, откуда должна была прийти девушка. Огонек спички осветил его полное небритое лицо, и Фурье в своей сосредоточенности совершенно не заметил хищных глаз, наблюдавших за ним из синей лунной тени неподалеку. Все его существо устремилось к девушке, он уже дышал с нетерпеливыми тихими стонами предвкушения.

Она походила на призрак в лунном свете, серебристая и неземная, и Фурье тяжело поднялся на ноги и затушил сигарету.

– Аннализа! – окликнул Фурье, его голос дрожал и срывался от желания.

Она остановилась на таком расстоянии, чтобы он не смог до нее дотянуться, а когда он бросился к ней, легко отскочила и насмешливо захохотала.

– Пять фунтов, минхеер, – напомнила она и подошла ближе, когда он достал из заднего кармана смятые банкноты.

Аннализа взяла их и повернула к лунному свету. Потом, удовлетворенная, спрятала деньги в одежде и смело шагнула к Фурье.

Он обхватил ее за талию и накрыл ей рот своими влажными губами. Наконец она вырвалась, задыхаясь от смеха, и придержала его за запястья, когда он полез к ней под юбку.

– Хочешь и того, за что отдашь еще фунт?

– Это слишком дорого, – выдохнул Фурье. – У меня столько нет.

– Ладно, десять шиллингов, – предложила она и провела по его телу опытной рукой.

– Половина кроны, – пробормотал он. – Это все, что у меня есть.

Аннализа пристально посмотрела на него, продолжая его поглаживать, и поняла, что большего не добьется.

– Ладно, давай, – согласилась она и спрятала монету, прежде чем опуститься перед ним на колени, словно прося благословения.

Он положил обе ладони на ее кудрявые выгоревшие волосы и притянул к себе голову девушки, наклонившись над ней и закрыв глаза.

Что-то твердое ткнулось ему в ребра сзади с такой силой, что вышибло воздух из его легких, и чей-то голос проскрежетал ему в ухо:

– Вели этой маленькой шлюхе исчезнуть.

Голос был низким, опасным и пугающе знакомым.

Девушка вскочила, вытирая рот тыльной стороной ладони. Она мгновение-другое смотрела через плечо Фурье расширившимися от ужаса глазами, а потом повернулась и припустила вдоль оврага к лагерю.

Фурье кое-как привел в порядок одежду и повернулся наконец к человеку, стоявшему за его спиной с винтовкой «маузер», направленной в живот шоферу.

– Де ла Рей! – вырвалось у Фурье.

– А ты ждал кого-то еще?

– Нет, нет! – Фурье энергично тряхнул головой. – Просто... так скоро...

После их последней встречи Фурье хватало времени, чтобы пожалеть о заключенной сделке. Трусость одержала победу над алчностью, и Фурье убедил себя, что замысел Лотара де ла Рея мало чем отличался от множества других, которые придумывал он сам, что это просто одна из тех фантазий, которыми обреченные на нищету и бесплодный труд утешают себя.

Он предполагал и надеялся, что никогда больше не услышит о де ла Рее. Но вот де ла Рей собственной персоной стоял перед ним, высокий и опасный, и его голова сияла в лунном свете, как маяк, а в леопардовых глазах вспыхивали топазы.

– Скоро? – повторил Лотар. – Так скоро? Прошло несколько недель, мой дорогой старый друг. На подготовку ушло больше времени, чем я ожидал. – Голос Лотара зазвучал жестче. – Ты еще не отвез в Виндхук партию алмазов?

– Нет, еще нет...

Фурье умолк на полуслове и мысленно обругал себя. Это ведь могло стать выходом. Ему следовало сказать: «Да! Я их отвез на прошлой неделе!» Но дело было сделано, и он в отчаянии опустил голову и сосредоточился на том, чтобы застегнуть последние пуговицы на бриджах. Эти несколько слов, произнесенных в спешке, могли стоить ему пожизненного срока заключения, и ему было страшно.

– Когда партию отправят?

Лотар сунул ствол «маузера» под подбородок Фурье и заставил шофера поднять голову. Он хотел заглянуть ему в глаза. Он не доверял ему.

– Они медлят. Я не знаю когда. До меня доходили слухи, что они готовят большой груз камней.

– Почему? – тихо спросил Лотар.

– Я только слышал о большой партии.

– Как я тебя и предупреждал, это потому, что они собираются закрыть рудник.

Лотар внимательно наблюдал за лицом шофера. Он чувствовал, что Фурье колеблется. Требовалось укрепить его дух.

– Это будет последняя отправка, а потом ты останешься без работы. Как те бедолаги, которых ты сейчас везешь в грузовике.

Фурье уныло кивнул:

– Да, их всех выгнали.

– А ты будешь следующим, старина. Но ты ведь говорил мне, какой ты замечательный семьянин, как сильно ты любишь свою семью.

– Да...

– Значит, у тебя больше не будет денег, чтобы кормить твоих детей и одевать их, не будет даже нескольких фунтов, чтобы платить девочкам за их умелые услуги.

– Черт, ты не должен так говорить!

– Сделай то, о чем мы договорились, и у тебя будут все девочки, каких ты захочешь, и в любом виде, как ты захочешь.

– Не говори так! Нехорошо это, черт побери!

– Ты помнишь уговор. Ты знаешь, что делать сразу после того, как тебе скажут, когда будет отправлен груз.

Фурье кивнул, но Лотар настаивал:

– Скажи. Повтори мне все это.

И внимательно слушал, когда Фурье неохотно повторял его инструкции, один раз поправил его и наконец удовлетворенно улыбнулся:

– Не подведи нас, старина. Мне не нравится разочаровываться.

Он наклонился ближе к Фурье и пристально посмотрел ему в глаза, а потом внезапно развернулся и исчез в лунных тенях.

Фурье дрожал и спотыкался, как пьяный, возвращаясь к лагерю. Он почти добрался до места, когда вспомнил, что девушка взяла его деньги, но не выполнила свою часть уговора. Он гадал, сможет ли уговорить ее сделать все на следующей остановке, а потом мрачно решил, что шансы у него невелики. Но почему-то это теперь не казалось таким важным. Лед, запущенный Лотаром де ла Реем в его кровь, словно осел в его чреслах.

Они ехали через редкий лес под утесами, и настроение у них было беспечным и радостным в предвкушении дней, ждавших их впереди.

Шаса сидел на Престер-Джоне, в кожаном чехле у его колена пряталась семимиллиметровая спортивная винтовка «манлихер». Это было прекрасное оружие, с прикладом из отличного орехового дерева, а его голубую сталь украшали гравировки и инкрустации из серебра и чистого золота: тонко исполненные охотничьи сцены и имя Шасы, тоже из драгоценного металла. Винтовка была подарком его деда на четырнадцатый день рождения.

Сантэн ехала на сером жеребце, великолепном животном. Его шкура была изукрашена легкими черными пятнами на плечах и крупе, а грива и морда были угольно-черными, и такие же черные круги красовались у глаз, являя резкий контраст со снежно-белой шкурой на животе. Сантэн назвала его Ньюаж, Облако, в честь того жеребца, которого еще в детстве подарил ей отец.

Сантэн надела широкополую австралийскую пастушескую шляпу и жилет из шкуры куду поверх блузки. На шею она свободно повязала желтый шелковый шарф. Ее глаза сверкали.

– Ох, Шаса, я себя чувствую как школьница, прогулявшая уроки! У нас целых два свободных дня!

– Кто первым доберется до источника? – крикнул Шаса.

Но Престер-Джон не мог состязаться с Ньюажем; и когда Шаса доскакал до цели, Сантэн уже спешила и придерживала голову жеребца, не позволяя ему выпить слишком много воды.

Они снова вскочили в седла и отправились вглубь Калахари. Чем дальше они отъезжали от рудника, тем меньше видели следов вторжения человека, а дикая жизнь становилась все более обильной и уверенной.

Сантэн научилась жизни в пустыне благодаря опытнейшим инструкторам, диким бушменам из племени сан, и она ничего не забыла. Ее внимание привлекали не только крупные животные. Она показала Шасе пару странных маленьких лисичек с огромными ушами; сам Шаса их не заметил. Лисы в редкой серебристой траве охотились на больших кузнечиков, поднимая гигантские уши, когда сначала хитро подкрадывались, а потом прыгали вперед на свою грозную добычу. А когда мимо проходили лошади, они прижали уши к пушистым загривкам и, припав к земле, замерли.

Потом они напугали желтого песчаного кота, выскочившего из муравьиной норы; он так спешил удрать, что влетел головой в липкую паутину гигантского паука. То, как зверь пытался обеими передними лапами смахнуть с морды паутину, при этом не останавливаясь, заставило их обоих покатиться со смеху.

Потом в середине дня они увидели стадо величавых сернобыков, цепочкой шествовавших на горизонте. Животные высоко держали головы, их длинные прямые рога из-за расстояния словно сливались воедино, превращая антилоп в единорогов. А дрожание горячего воздуха сначала придало им облик странных длинноногих чудищ, а потом и вовсе поглотило их.

Когда опускавшееся солнце окрасило пустыню свежими красками полутеней, Сантэн заметила еще одно стадо, на этот раз газелей-прыгунов, и показала Шасе на одного упитанного молодого самца.

– Мы всего в полумиле от лагеря, и нам нужен ужин.

Шаса с готовностью достал из чехла «манлихер».

– Аккуратнее! – предостерегла сына Сантэн.

Ее немного встревожило то, как он наслаждался погоней.

Но она придерживала коня, наблюдая, как Шаса спешивается. Используя Престер-Джона как прикрытие, Шаса повернул его в сторону стада. Престер-Джон понял свою роль и держался между Шасой и газелями, даже останавливался время от времени, чтобы щипнуть траву, если прыгуны начинали тревожиться, но снова приближался, когда они успокаивались.

За две сотни шагов от животных Шаса присел на корточки и уперся локтями в колени, а Сантэн испытала облегчение, когда увидела, что самец мгновенно упал после выстрела. Она

однажды видела, как Лотар де ла Рей попал в живот одной такой милой газели. Воспоминание об этом до сих пор преследовало ее.

Подъехав ближе, она увидела, что пуля попала точно в плечо животного, пройдя сквозь сердце. И внимательно наблюдала, как сын свежует добычу так, как учил его сэр Гарри.

– Оставь потроха, – сказала она. – Слуги любят рубец.

Поэтому Шаса завернул внутренности во влажную шкуру и, взвалив тушу на спину Престер-Джона, привязал за седлом.

Лагерь находился у подножия холмов, под пробивавшимся из скалы источником, который обеспечивал их водой. Накануне Сантэн выслала вперед троих слуг с вьючными лошадьми, и лагерь уже был устроен удобно и надежно.

Они поужинали жареными печенью, почками и сердцем, приправленными внутренним жиром газели. А потом допоздна сидели у костра, попивая кофе и наслаждаясь запахом древесного дыма, тихо разговаривали и наблюдали за восходом луны.

На рассвете они снова выехали, надев куртки из овечьих шкур для защиты от холода. Но не проскакали и мили, как Сантэн придержала Ньюажа и наклонилась в седле, изучая землю.

– Что там, мама?

Шаса, всегда замечавший любые перемены ее настроения, видел, что она взволнована.

– Быстрее сюда, chégi.

Сантэн показала сыну следы на мягкой земле.

– Что скажешь об этом?

Шаса соскочил из седла и наклонился.

– Люди? – недоумевал он. – Но такие маленькие... Дети?

Он посмотрел на мать, и ее сияющие глаза дали ему подсказку.

– Бушмены! – воскликнул он. – Дикае бушмены!

– Верно! – засмеялась Сантэн. – Двое охотников. Они идут за жирафом. Смотри! Их следы перекрывают его след.

– Мы можем поехать за ними, мама? Можем?

Теперь и Шаса разволновался так же, как она.

Сантэн согласилась.

– Следам всего день. Мы можем их нагнать, если поспешим.

Сантэн поехала по следу, а Шаса двигался за ней, стараясь не испортить знаки. Он никогда не видел мать такой: она пускала коня галопом, видя что-то там, где даже его острое молодое зрение ничего не различало.

– Смотри, бушменская зубная щетка!

Сантэн показала на свежую веточку, разжеванную в кисточку на одном конце, которая валялась рядом со следом.

Они направились дальше.

– А вот здесь они впервые увидели жирафа.

– Откуда ты знаешь?

– Они натянули луки. Вот отпечаток.

Маленькие люди прижимали концы луков к земле, чтобы натянуть тетиву.

– Смотри, Шаса, здесь они начали красться.

Шаса не заметил никаких перемен в следе и так и сказал.

– Шаги короче и легче... они переносят вес вперед, на пальцы ног, – объяснила Сантэн.

Затем, через несколько сотен шагов, продолжила:

– Здесь они легли на животы и поползли, как змеи. Здесь поднялись на колени, чтобы пустить стрелы, а здесь вскочили на ноги, чтобы проверить, куда те попали.

Еще через двадцать шагов она воскликнула:

– Смотри, как близко они подобрались к добыче! Здесь жираф почувствовал укол накопчиков и пустился бежать... смотри, охотники помчались за ним, ожидая, когда подействует яд.

Они проскакали галопом еще немного, и тогда Сантэн поднялась на стременах и показала вперед:

– Стервятники!

В четырех или пяти милях впереди синева небес была испещрена тонким облаком черных точек. Облако медленно кружило высоко над землей.

– Теперь помедленнее, *chégi*, – предупредила сына Сантэн. – Если мы напугаем их, это может быть опасно.

Дальше они поехали шагом и медленно приблизились к месту убийства.

Огромная туша жирафа, отчасти освежеванная и разделанная, лежала на боку. Рядом с окружавшими это место колючими кустами располагались сооруженные из веток примитивные укрытия от солнца, а сами кусты были увешаны полосами мяса и лентами кишок, сохнувшими на солнце, и ветки сгибались под их тяжестью.

Все вокруг было истоптано маленькими ногами.

– Они привели женщин и детей, чтобы те помогли разделить тушу и унести мясо, – пояснила Сантэн.

– Фу! Здесь жутко воняет! – наморщил нос Шаса. – Но где они все?

– Прячутся, – ответила Сантэн. – Они уже издали заметили нас, миль за пять, пожалуй.

Она поднялась на стременах, сняла широкополую шляпу, чтобы показать лицо, и закричала на незнакомом гортанном шелкающем языке, медленно поворачиваясь из стороны в сторону и повторяя свое послание во все уголки окружавшей их безмолвной задумчивой пустыни.

– Жутковато. – Шаса невольно поежился в ярком солнечном свете. – Ты уверена, что они еще здесь?

– Они наблюдают за нами. Им некуда спешить.

Затем из земли прямо рядом с ними поднялся мужчина, так близко, что жеребец шаранулся и нервно дернул головой. На мужчине была только набедренная повязка из звериной шкуры. Это был маленький человек, но сложенный безупречно, с изящными и гибкими ногами, созданными для бега. Твердые мышцы на его груди и животе напоминали волны песка, оставленные отливом на пляже.

Он гордо держал голову и, хотя был чисто выбрит, явно находился в расцвете мужских сил. Глаза у него были слегка раскосыми, а кожа сияла изумительным янтарным цветом и казалась на солнце почти прозрачной.

Он поднял правую руку в знак приветствия и мира и крикнул высоким птичьим голосом:

– Вижу тебя, Хорошее Дитя!

Он назвал Сантэн ее бушменским именем, и она радостно воскликнула:

– Я тоже вижу тебя, Кви!

– А кто с тобой? – требовательно спросил бушмен.

– Это мой сын, Хорошая Вода. Я говорила тебе при нашей первой встрече, что он родился в священном месте твоего народа, и О'ва стал его приемным дедушкой, а Ха'ани – бабушкой.

Бушмен Кви повернулся и закричал в пустыню:

– Это правда, о люди сан! Эта женщина – Хорошее Дитя, наш друг, а мальчик тот самый, из легенды. Приветствуйте их!

Из, казалось бы, голой земли поднялись маленькие золотистые люди сан. Вместе с Кви их было двенадцать: двое мужчин, Кви и его брат Фат Кви, их жены и их голые дети. Они прятались с искусством диких существ, но теперь столпились, чирикавая, шелкая языками и смеясь, и Сантэн спрыгнула на землю, чтобы обнять их, каждого называя по имени, и наконец подхватила двух малышей и держала их, прижимая к бедрам.

– Откуда ты так хорошо их знаешь? – поинтересовался Шаса.

– Кви и его брат – родня О’ва, твоего приемного дедушки-бушмена. Я впервые встрети-лась с ними, когда ты был совсем маленьким, а мы только начали разрабатывать рудник Ха’ани. Это их охотничьи уголья.

Остаток дня они провели с кланом. А когда пришло время уезжать, Сантэн подарила каждой из женщин по горсти медных семимиллиметровых гильз, и женщины визжали от радо-сти и танцевали в знак благодарности. Гильзы будут превращены в ожерелья, вперемешку с бусинами из скорлупы страусиных яиц, и станут предметом зависти всех остальных женщин сан, с которыми семья встретится в своих блужданиях. Кви Сантэн подарила охотничий нож с рукояткой из слоновой кости, и маленький человек тут же опробовал лезвие на своем большом пальце, хрюкнул от восторга, когда кожа разошлась, и гордо показал окровавленный палец каждой из женщин.

– Какое оружие у меня теперь есть!

Его брату Фат Кви Сантэн подарила пояс, и он тут же принялся изучать свое отражение в полированной медной пряжке.

– Если хочешь снова с нами повидаться, – вслед уезжающим крикнул Кви, – то мы будем в роще монгонго возле котловины О’чи, пока не прекратятся дожди!

– Они так счастливы, имея так мало, – заметил Шаса, оглядываясь на маленькие танцу-ющие фигурки.

– Они самый счастливый народ в мире, – согласилась Сантэн. – Но не знаю, надолго ли это.

– А ты действительно жила вот так, мама? – спросил Шаса. – Как бушмены? Ты действи-тельно одевалась в шкуры и ела корешки?

– И ты тоже, Шаса. Или скорее, ты ничего не носил, как и те малыши.

Шаса нахмурился, напрягая память.

– Мне иногда снится какое-то темное место, похожее на пещеру, с дымящейся водой.

– Это термальный источник, в котором мы купались и в котором я нашла первый алмаз нашего рудника.

– Мне бы хотелось снова там побывать, мама.

– Это невозможно.

Шаса увидел, как изменилось настроение матери.

– Тот источник находился прямо в центре алмазной трубки, и теперь там главный котло-ван рудника. Мы все раскопали и уничтожили источник.

Какое-то время они ехали молча.

– Там было священное место народа сан – но, как ни странно, они не возмутились, когда мы... – Она замялась, подбирая слово, но потом твердо произнесла: – Когда мы осквернили его.

– Интересно почему? Я хочу сказать, если бы какой-то чужой народ превратил в алмазные копи Вестминстерское аббатство...

– Давным-давно я говорила об этом с Кви. Он сказал, что священное место принадлежало не им, а духам и, если бы духи того не захотели, ничего бы не произошло. Он сказал, духи жили там так долго, что, возможно, им стало скучно и они захотели перебраться в какой-то новый дом, как делает это народ сан.

– Все равно я не могу представить, что ты жила как одна из женщин сан, мама. Только не ты. Я имею в виду, это невообразимо.

– Это было трудно, – мягко произнесла Сантэн. – Это было так трудно, что невозможно рассказать, невозможно представить... и все же без тех испытаний и трудностей я не стала бы такой, как сейчас. Видишь ли, Шаса, здесь, в пустыне, когда я почти дошла до предела, я дала

некую клятву. Я поклялась, что и я, и мой сын никогда не испытаем лишений. Я поклялась, что нам никогда не придется пережить такие ужасные крайности.

– Но тогда меня с тобой не было.

– О нет, – возразила Сантэн. – Ты был. Я несла тебя в себе на Берегу Скелетов и сквозь жар дюн, и ты был частью моей клятвы, когда я ее произносила. Мы – создания пустыни, мой дорогой, и мы выживем и будем процветать, когда другие потерпят поражение и падут. Запомни это. Запомни это хорошенько, Шаса, дорогой мой.

На следующий день ранним утром они оставили слуг сворачивать лагерь, грузить вьючных лошадей и следовать за ними, в то время как сами с сожалением повернули своих лошадей к руднику Ха'ани. В полдень они отдохнули под акацией, прислонившись к седлам и лениво наблюдая, как серовато-коричневые птицы-ткачики суетливо сооружают свое общее гнездо, уже выросшее до размеров неопрятного стога сена. Когда солнце перестало припекать, они поймали стреноженных лошадей, снова оседлали их и направились вдоль основания холмов.

Внезапно Шаса выпрямился в седле и прикрыл глаза ладонью, вглядываясь куда-то вверх.

– Что там, chéri?

А Шаса узнал ту скалистую расщелину, куда водила его Аннализа.

– Тебя что-то тревожит, – не отставала Сантэн.

Шасе вдруг захотелось отвести мать к той расщелине, к святилищу горной ведьмы. Он уже чуть не заговорил, но вспомнил о данной клятве и остановился, неуверенно замерев на грани предательства.

– Разве ты не хочешь мне сказать?

Сантэн наблюдала за борьбой, отражавшейся на лице сына.

«Мама не в счет. Она такая же, как я. Это не то же самое, что рассказать постороннему», – рассуждал Шаса.

И наконец, пока совесть не взяла верх, выпалил:

– Там, в той расщелине, лежит скелет бушмена, мама. Хочешь, покажу тебе?

Сантэн побледнела под загаром и уставилась на сына.

– Бушмен? – прошептала она. – Откуда ты знаешь, что это бушмен?

– На черепе остались волосы... такие, как у бушменов, маленькие комочки завитков, как у Кви и его семейства.

– Как ты его нашел?

– Анна... – Шаса умолк и покраснел от стыда.

– Та девушка тебе показала? – догадалась Сантэн.

– Да, – кивнул он, повесив голову.

– А ты сможешь снова найти это место?

Краска вернулась на лицо Сантэн, и она взволнованно наклонилась к сыну и потянула его за рукав.

– Думаю, смогу. Я запомнил то место. – Он показал на утес. – Вон там выемка в камнях и расщелина, похожая на глаз.

– Покажи мне, Шаса, – приказала Сантэн.

– Нам придется оставить лошадей и идти пешком.

Подъем был трудным, в ущелье стояла невыносимая жара, колючие ветки цеплялись за них, когда они медленно карабкались по утесу.

– Должно быть примерно здесь... – Шаса взобрался на один из валунов и сориентировался. – Возможно, чуть левее... Ищи груды камней с мимозой под ними. Там ветка, прикрывающая маленькую нишу. Давай разойдемся в стороны, поищем.

Они медленно продвигались вверх по ущелью, пересвистываясь и окликая друг друга, когда их разделяли кусты и камни.

Потом Сантэн не ответила на свист Шасы, и он остановился и свистнул еще раз, вскинув голову в ожидании звука и слегка обеспокоившись тишиной.

– Мама, ты где?

– Здесь!

Ее голос прозвучал слабо, в нем слышались то ли боль, то ли некие глубокие чувства, и Шаса перебрался через камни в ее сторону.

Сантэн, маленькая и несчастная, стояла в лучах солнца, прижимая к животу шляпу. На ее щеках поблескивала влага. Шаса думал, что это пот, пока не увидел, как по ее лицу медленно катятся слезы.

– Мама?

Он подошел к ней и понял, что она нашла святилище.

Она отодвинула прикрывавшую ветку. Маленький кружок стеклянных банок по-прежнему стоял на месте, но цветочные подношения потемнели и завяли.

– Аннализа сказала, что это скелет ведьмы...

Шаса выдохнул это с суеверным благоговением, глядя через плечо Сантэн на жалкую кучку костей и маленький аккуратный белый череп, венчавший ее.

Сантэн покачала головой, не в силах говорить.

– Она сказала, что эта ведьма охраняет гору и что она может исполнять желания.

– Ха'ани... – наконец с трудом произнесла Сантэн. – Моя любимая старая бабушка...

– Мама! – Шаса схватил ее за плечи и поддержал, потому что Сантэн пошатнулась. – Откуда ты знаешь?

Сантэн прислонилась к сыну, но не ответила.

– Тут в пещерах и ущельях могут лежать сотни скелетов бушменов, – неуверенно продолжил Шаса, но Сантэн энергично покачала головой. – Почему ты так уверена?

– Это она. – Голос Сантэн срывался от горя. – Это Ха'ани, это ее сломанный клык, это ее рисунок из кусочков яичной скорлупы на набедренной повязке...

Шаса и не заметил лоскута сухой кожи, украшенного бусинами, что лежал позади горки костей, полусасыпанный пылью.

– Да мне и не нужно доказательств. Я знаю, что это она. Я просто знаю.

– Сядь, мама...

Шаса помог ей опуститься на один из поросших лишайником валунов.

– Ничего, я уже в порядке. Это был просто момент потрясения... Я так часто искала ее многие годы. Я знала, где она должна быть... – Она рассеянно огляделась по сторонам. – И тело О'ва должно быть где-то поблизости.

Сантэн посмотрела вверх, где утес нависал над ними, словно крыша собора.

– Они шли вверх, пытаюсь спрятаться, когда он их застрелил. Они должны были упасть недалеко друг от друга.

– Кто их застрелил, мама?

Она глубоко вздохнула, но все равно ее голос дрогнул, когда она произнесла имя:

– Лотар. Лотар де ла Рей.

Еще с час они обыскивали дно и стены ущелья, надеясь обнаружить второй скелет.

– Нет, это впустую, – сдалась наконец Сантэн. – Нам его не найти. Пусть лежит непотребным, Шаса, как лежал все эти годы.

Они снова поднялись к маленькому святилищу в скале, а на обратном пути собрали полевых цветов.

– Вначале я собиралась забрать останки и достойно похоронить, – прошептала Сантэн, опускаясь на колени перед святилищем. – Но Ха'ани не была христианкой. Эти холмы являлись ее священным местом. Здесь ей будет спокойно.

Она тщательно расставила цветы, потом села на корточки.

– Я позабочусь, чтобы тебя никогда не потревожили, моя любимая старая бабушка, и я еще приду навестить тебя.

Сантэн встала и взяла Шасу за руку.

– Она была самым чудесным, самым добрым человеком из всех, кого я знала, – тихо сказала она. – И я так любила ее...

Держась за руки, они спустились туда, где оставили лошадей.

По дороге домой они не разговаривали. Когда солнце уже село и слуги встревожились, мать и сын добрались до бунгало.

За завтраком на следующее утро Сантэн выглядела бодрой и оживленной, хотя под ее глазами залегли темные тени, а веки опухли от слез.

– Еще неделя – и мы должны вернуться в Кейптаун.

– А мне бы хотелось остаться здесь навсегда.

– Навсегда – это долгий срок. Тебя ждет школа, и у меня есть обязанности. Но мы вернемся сюда, ты же знаешь.

Шаса кивнул, и Сантэн продолжила:

– Устроим так, чтобы эту последнюю неделю ты работал на промывочной площадке и на сортировке. Тебе понравится. Гарантирую.

Как всегда, она оказалась права. Промывочная площадка была приятным местом. Поток воды в лотках охлаждал воздух, и после неумолчного грохота дробилки здешняя тишина казалась блаженной. Атмосфера в длинном кирпичном помещении походила на священную тишину какого-нибудь собора, потому что здесь поклонение деньгам и алмазам достигало высшей точки.

Шаса зачарованно наблюдал, как дробленая руда медленно плыла по ленте транспортера. Слишком крупные обломки отсеивались и возвращались на дробилку. Оставались только самые мелкие. Они падали с конца движущейся ленты в бассейн с водой, а оттуда их выталкивало на наклонную поверхность сортировочного стола.

Легкий мусор и пустая порода всплывали и отправлялись в отвал к отходам. Тяжелый гравий, содержащий алмазы, несколько раз проходил через ряд сортировочных устройств, пока не оставались только отборные обломки, являвшие собой одну тысячную часть изначально добытого камня.

Их пропускали через масляный барабан. Барабан вращался медленно, покрывая каждый камешек толстым слоем плотного желтого жира. После этого гравий уходил дальше, но алмазы после купания оставались сухими. Одной из особенностей алмаза является то, что он не задерживает воду на своей поверхности. Можно намочить его, кипятить сколько угодно, но он все равно останется сухим. И когда сухая поверхность драгоценных камней касалась жира, они прилипали к нему, как насекомые к липкой бумаге.

Масляные барабаны были ограждены тяжелыми решетками, и за каждым из них присматривал белый мастер, не сводя с них глаз. Шаса, в первый раз заглянув сквозь решетку, увидел маленькое чудо, происходившее в нескольких дюймах перед ним: дикий алмаз попался в ловушку и усмирился, как некое чудесное пустынное существо. Шаса действительно уловил момент, когда камень выплыл из верхнего бака в мокрую кашу гравия, коснулся жира и тут же прилип к плотной желтой поверхности, создав крошечное волнение в общем потоке, как камень, брошенный в волну отлива. Он шевельнулся и даже словно бы на мгновение вырвался из захвата, и Шасе захотелось протянуть руку и подхватить его, пока тот не пропал навсегда, но расстояние между металлическими прутьями решетки было слишком узким. Однако потом алмаз прилип надежно и стоял в медленном потоке гравия, горделиво красуясь на слое жира, сухой и прозрачный, как пузырь на желтой коже гигантской рептилии. И Шаса испытал чув-

ство благоговения, такое же, какое охватило его, когда он наблюдал, как его кобыла Селеста подарила жизнь своему первенцу.

Все это утро Шаса переходил от одного огромного желтого барабана к другому, потом снова возвращаясь вдоль них, и наблюдал, как с каждым часом все больше и больше алмазов прилипает к жиру.

В полдень вдоль барабанов прошел управляющий промывочной площадки с четырьмя белыми помощниками; столько их не требовалось, разве что для присмотра друг за другом во избежание воровства. Широкими шпателями они снимали с барабанов жир и собирали его в котелок для кипячения, а потом тщательно наносили на барабаны новый слой желтого жира.

В запертой комнате в дальнем конце здания управляющий ставил стальной котелок на спиртовку и кипятил его, и в итоге у него оставалась половина котелка алмазов, а доктор Твентимен-Джонс уже находился рядом, чтобы взвесить каждый камень по отдельности и записать все в толстый журнал, переплетенный в кожу.

– Конечно, вы заметите, мастер Шаса, что здесь нет ни одного камня меньше полукарата.

– Да, сэр. – Об этом Шаса и не подумал. – А что случилось с мелкими?

– Жировой отбор не является непогрешимым, и, конечно, камни должны обладать неким минимальным весом, чтобы прилипнуть к барабану. А остальные, даже несколько крупных ценных камней, проскочили мимо.

Он снова повел Шасу в промывочную и показал ему емкость с мокрым гравием, прошедшим мимо барабанов.

– Мы отцедим воду и используем ее снова. Вы же знаете, как драгоценна здесь вода. Потом весь гравий нужно будет перебрать вручную.

Пока он говорил, из двери в конце помещения вышли двое мужчин, и каждый из них зачерпнул ведро гравия из емкости.

Шаса и Твентимен-Джонс последовали за ними через ту же дверь в длинную узкую комнату, хорошо освещенную благодаря застекленной крыше и высоким окнам. Длинный стол тянулся через все помещение, его столешница состояла из полированного стального листа.

По обе стороны стола сидели женщины. Они подняли головы, когда вошли мужчины, и Шаса узнал в них жен и дочерей многих белых рабочих и черных старшин. Белые женщины сидели вместе ближе к двери, на надлежащем расстоянии друг от друга, а черные сидели отдельно в дальнем конце.

Принесшие ведра парни высыпали гравий на металлическую поверхность стола, и женщины снова сосредоточились на работе. Каждая из них держала в одной руке пинцет, а в другой – плоскую деревянную лопатку. Они придвинули к себе горки гравия, разровняли его лопатками, а потом стали быстро перебирать.

– Для этой работы лучше всего подходят женщины, – пояснил Твентимен-Джонс, когда они с Шасой шли вдоль стола, глядя на ссутулившиеся плечи женщин. – Им хватает терпения, остроты глаза и ловкости, которых лишены мужчины.

Шаса увидел, как женщины выбирают из мутной массы гравия крошечные непрозрачные камешки, некоторые не больше крупинки сахара, другие размером с мелкий зеленый горошек.

– Это и есть то, что дает нам хлеб с маслом, – заметил Твентимен-Джонс. – Такие камни используют в промышленности. А те камни ювелирного размера, что вы видели в жировой комнате, – это клубничные джем и сливки.

Когда сирена рудника возвестила о конце дневной смены, Шаса поехал от промывочной площадки к конторе вместе с Твентимен-Джонсом в его «форде». На коленях он держал небольшой стальной ящичек, запертый на ключ, – в нем находилась дневная добыча.

Сантэн встретила их на веранде административного здания и провела в свой кабинет.

– Ну как, тебе было интересно? – спросила она и улыбнулась пылкой реакции сына.

– Это было потрясающе, мама, и мы нашли один по-настоящему прекрасный! Тридцать шесть каратов! Да это просто настоящий гигант!

Шаса поставил ящичек на ее стол, и когда Твентимен-Джонс открыл его, мальчик показал матери бриллиант с такой гордостью, словно добыл этот камень собственными руками.

– Он большой, – согласилась Сантэн. – Но цвет не особенно хорош. И еще... поднеси его к свету. Видишь, он коричневый, как виски с содовой, и даже невооруженным глазом ты можешь рассмотреть вкрапления и дефекты, черные точки внутри камня и трещины в середине.

Шаса упал духом, поняв, что его камень опорочили, а Сантэн рассмеялась и повернулась к Твентимен-Джонсу:

– Давайте покажем ему нечто по-настоящему хорошее. Вас не затруднит открыть хранилище, доктор Твентимен-Джонс?

Твентимен-Джонс извлек из верхнего кармана жилета связку ключей и повел Шасу по коридору к стальной решетчатой двери в конце. Он отпер дверь и снова запер за ними, прежде чем они спустились по лестнице в подземное хранилище. Он даже от Шасы закрывал замок своим телом, когда набирал комбинацию цифр, а потом воспользовался вторым ключом, прежде чем толстая зеленая стальная дверь с замком фирмы «Чабб» открылась и они вошли в комнату-сейф.

– Индустриальные камни лежат вот в этих канистрах. – Доктор дотронулся до них, проходя мимо. – Но камни высшего качества мы держим отдельно.

Он отпер стальную дверь поменьше, в задней стене подвала, и снял с заполненной полки пять пронумерованных коричневых бумажных пакетов.

– Это наши лучшие камни.

Он протянул их Шасе как знак своего доверия, и они направились обратно, снова отпирая и запирая каждую дверь.

Сантэн ждала их в своем кабинете; и когда Шаса положил перед ней пакеты, она открыла первый и осторожно высыпала его содержимое на промокательную бумагу.

– Боже мой! – вырвалось у Шасы при виде крупных камней, сиявших мыльным блеском. – Да они сверхогромные!

– Давай попросим доктора Твентимен-Джонса прочесть нам лекцию, – предложила Сантэн.

Доктор, пряча удовлетворение за мрачным выражением лица, взял один из камней.

– Что ж, мастер Шаса, это алмаз в его естественном кристаллическом виде, октаэдр, восемь граней, – сосчитайте. А вот другой, более сложной кристаллической формы, додекаэдр, двенадцать граней, а остальные здесь не сформированы. Видите, как они скруглены и бесформенны? Алмазы принимают разнообразный вид.

Он положил каждый из камней на открытую ладонь Шасы, и даже его монотонный голос не смог притупить очарование этого сияющего сокровища.

– Алмазы обладают идеальной спайностью граней кристалла, мы называем это зерном, и их можно разрезать в любом из четырех направлений, параллельно плоскостям октаэдра.

– Именно так их режут перед полировкой, – вставила Сантэн. – Следующим летом я отвезу тебя в Амстердам, чтобы ты сам увидел, как это делается.

– И вот этот довольно маслянистый блеск исчезнет, когда камни огранят и отполируют, – продолжил Твентимен-Джонс, обиженный ее вмешательством. – Тогда весь их внутренний огонь раскроется, как и их высочайшая способность улавливать свет и рассеивать его на краски спектра.

– Сколько весит вот этот?

– Сорок восемь каратов, – сообщила Сантэн, заглянув в журнал. – Но помни, он может потерять больше половины веса, когда его огранят и отполируют.

– Тогда сколько он будет стоить?

Сантэн посмотрела на Твентимен-Джонса.

– Очень много, мастер Шаса.

Как любому настоящему почитателю красоты – драгоценностей или картин, лошадей или скульптур, – доктору не нравилось выражать стоимость в деньгах, так что он ушел от ответа и продолжил лекцию:

– Теперь мне хочется, чтобы вы сравнили цвет этих камней...

За окнами уже стемнело, но Сантэн зажгла свет, и они еще час сидели над маленькой кучкой камней, спрашивая и отвечая, тихо и внимательно обсуждая, пока наконец Твентимен-Джонс не вернул камни в пакеты и не встал.

– «Ты находился в Эдеме, в саду Божием, – неожиданно процитировал доктор. – Твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями: рубин, топаз и алмаз... Ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней...» – Твентимен-Джонс смущенно умолк. – Простите. Не знаю, что на меня нашло.

– Иезекииль? – нежно улыбнулась ему Сантэн.

– Глава двадцать восьмая, стихи тринадцатый и четырнадцатый. – Твентимен-Джонс кивнул, стараясь не показать, насколько впечатлен ее знаниями. – Я уберу это все.

– Доктор Твентимен-Джонс, – остановил его Шаса. – Вы не ответили на мой вопрос. Сколько стоят эти камни?

– Вы говорите обо всех в целом? – Доктору явно стало неловко. – Включая промышленные и все, что лежат в хранилище?

– Да, сэр. Сколько, сэр?

– Ну, если «Де Бирс» возьмет их по той же цене, что и нашу последнюю поставку, они в общем принесут значительно больше миллиона фунтов стерлингов, – грустно ответил доктор.

– Миллион фунтов, – повторил Шаса.

Но по выражению лица сына Сантэн поняла, что эта сумма для него непостижима, как астрономические расстояния между звездами, которые исчисляются в световых годах. «Он научится, – подумала она, – я научу его».

– Только помни, Шаса, – сказала она, – это не прибыль. Из этой суммы нам придется оплатить все расходы по руднику за последние месяцы, и только после этого что-то останется. И даже из того, что останется, мы должны будем отдать сборщику налогов то, что причитается по закону.

Она встала из-за стола, а потом вдруг вскинула руку, останавливая Твентимен-Джонса, собравшегося уже выйти из комнаты; ей кое-что пришло в голову.

– Как вы знаете, мы с Шасой в ближайшую пятницу собираемся в Виндхук. Шаса должен вернуться в школу в конце следующей недели. Я сама отвезу алмазы в банк в «даймлере»...

– Миссис Кортни! – Твентимен-Джонс ужаснулся. – Я не могу этого позволить! Миллион фунтов, помилуй боже! Было бы преступной небрежностью согласиться на такое!

Он умолк, увидев выражение ее лица; губы Сантэн сжались в знакомом ему выражении упрямства, в глазах вспыхнул воинственный огонь. Доктор прекрасно ее знал, знал, как собственную дочь, и так же сильно любил, поэтому понял, что совершил ужасную ошибку, бросив ей вызов, пытаясь что-то запретить. Он предвидел ее реакцию и теперь отчаянно пытался придумать, как ее отговорить.

– Я лишь за вас тревожусь, миссис Кортни. Миллион фунтов в алмазах могут привлечь каждого хищника и падальщика, каждого грабителя и разбойника на тысячу миль вокруг.

– Я вовсе не собираюсь кричать об этом на весь мир. Я не стану сообщать об этом на тысячу миль вокруг, – холодно ответила Сантэн.

– Страховка, – доктора вдруг осенило вдохновение, – страховка не покроет потери, если груз не будет отправлен с вооруженной охраной. Можете ли вы действительно позволить себе такой риск – потерять миллион фунтов возмещения ради экономии нескольких дней?

Доктор нащупал тот единственный аргумент, который мог ее остановить. Он видел, как Сантэн тщательно обдумывает это: возможность потерять миллион фунтов стояла против минимальной потери лица... Он мысленно вздохнул от облегчения, когда Сантэн пожала плечами:

– Что ж, ладно, доктор Твентимен-Джонс, поступайте, как считаете нужным.

Лотар своими руками проложил дорогу к руднику Ха'ани через пустыню, полив каждую милю собственным потом. Но это произошло двенадцать лет назад, и те давние события слегка померкли в его памяти. Но он помнил с полдюжины мест вдоль дороги, способных послужить его цели.

С места той остановки, где он пересекся с конвоем Герхарда Фурье, они следовали по ухабистой дороге на юг и запад в направлении Виндхука, передвигаясь ночью, чтобы не быть замеченными неожиданными проезжающими.

На второе утро, как раз на восходе солнца, Лотар добрался до одного из намеченных мест и счел его идеальным. Здесь дорога шла параллельно глубокому каменистому руслу пересохшей реки, прежде чем повернуть вниз к глубокому спуску – Лотар его выкопал в свое время, чтобы машины могли пересечь реку, а на другой стороне находился такой же глубокий котлован для подъема.

Лотар спешил и прошел вдоль края высокого берега, чтобы все внимательно изучить. Они могли бы запереть грузовик с бриллиантами на спуске, а на противоположной стороне засыпать подъем камнями, сброшенными с верхней части берега. Под песком на дне реки наверняка есть вода для лошадей, им ведь придется ждать, пока появятся грузовики, и лошадей нужно будет поддерживать в хорошем состоянии для дальнейшего долгого пути. А до нужного момента их скроет речное русло.

К тому же здесь находилась самая отдаленная часть дороги. Понадобится несколько дней, чтобы дать знать обо всем полиции, а тем – добраться до места засады. И Лотар вполне мог ожидать, что сильно оторвется от погони, даже если охрана грузовиков осмелится рискнуть и погнаться за ним по безжалостному пространству пустыни.

– Вот тут мы это и сделаем, – сказал он Темному Хендрику.

Они разбили примитивный лагерь на крутом речном берегу, там, где телеграфная линия пересекала извилину дороги. Медные провода тянулись над руслом от столба на ближнем берегу, но этот столб не был виден с дороги.

Лотар вскарабкался на столб, прикрепил к главной телеграфной линии устройство для прослушивания, потом аккуратно провел свои провода вдоль столба, прикрепляя их к древесине, чтобы никто не заметил их случайно, и дальше протянул к землянке, выкопанной Темным Хендриком в обрыве над рекой.

Ожидание было монотонным и скучным, и Лотара раздражало, что он был привязан к наушникам, но он не мог позволить себе пропустить жизненно важное для него сообщение, когда оно пройдет с рудника Ха'ани, которое даст ему знать о точном времени отправления грузовика с алмазами. Поэтому в сонные жаркие часы ему приходилось прислушиваться к сообщениям о повседневных делах рудника, а далекий оператор с таким искусством работал ключом, что Лотару приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы успевать следить за ним и записывать в блокнот стремительный поток точек и тире, звучащий в его наушниках. А позже он переводил все в слова. Это была частная телеграфная линия, так что никто не трудился как-то зашифровывать сообщения.

В течение дня он сидел в землянке один. Темный Хендрик брал Манфреда и уводил лошадей в пустыню, якобы ради охоты, но на самом деле чтобы обучать и закалять и мальчика, и животных, готовить их к ожидавшему их пути, и еще – чтобы их не заметили из проезжавших по дороге машин.

Для Лотара эти долгие однообразные дни наполнились сомнениями и предчувствиями. Многое могло пойти не так, большое количество деталей могло испортить идеально задуманную операцию... В цепи имелись слабые звенья, и самым слабым из них был Герхард Фурье. Весь план держался на этом водителе, а он был трусом, человеком, легко отвлекавшимся и терявшим силу духа.

«Ожидание – всегда наихудшее время, – думал Лотар, вспоминая страхи, нападавшие на него накануне сражений, и отчаянные попытки справиться с собой. – Если бы можно было просто сделать это и покончить со всем, вместо того чтобы сидеть здесь бесконечные дни...»

Вдруг в его наушниках запищал сигнал вызова, и он тут же потянулся к блокноту. Оператор на руднике Ха'ани начал передачу, и карандаш Лотара забегал по листу, едва успевая за ним. Потом со стороны Виндхука пришло короткое подтверждение о приеме сообщения, и Лотар, повесив наушники на шею, перевел точки и тире в слова:

Для Петтифоггера. Готовьте частный вагон Юноны к включению в воскресный ночной экспресс на Кейптаун. Точка. Юнона прибывает к полудню воскресенья. Точка. Вэнт.

Петтифоггером был Абрахам Абрахамс. Сантэн, должно быть, называла его так, когда сердилась на него, а «Вэнт», «двадцать одно», представлял собой каламбур на имя Твентимен-Джонса; французский подтекст снова выдавал влияние Сантэн, но Лотар гадал, кто придумал называть Юноной Сантэн Кортни, и поморщился, решив, что ей это очень подходит.

Значит, Сантэн отправлялась в Кейптаун в своем личном вагоне. И почему-то Лотар ощутил виноватое облегчение из-за того, что ее не будет рядом, когда это произойдет, как будто расстояние могло смягчить для нее удар. Чтобы спокойно добраться до Виндхука к середине воскресного дня, Сантэн нужно выехать с рудника утром в пятницу, быстро подсчитал Лотар; значит, здесь, на сухой реке, она окажется днем в субботу. Потом он убавил из своих расчетов несколько часов: она ведь гоняла на своем «даймлере» как демон.

Он сидел в душной, жаркой маленькой землянке, и вдруг его охватило огромное желание увидеть ее снова, хотя бы мельком увидеть, как она проезжает мимо. «Это станет чем-то вроде репетиции столкновения с грузовиком», – уговаривал он себя.

«Даймлер» выскочил из мерцающей дали – как один из стремительных пыльных смерчей жаркого пустынного полудня. Лотар увидел столб пыли за десять миль или более того и подал знак Манфреду и Темному Хендрику занять места в верхней части спуска.

Они заранее выкопали неглубокие траншеи в стратегических точках, рассыпав вынутую землю и позволив сухому ветру разнести ее вокруг. Потом они замаскировали позиции ветками колючих кустов, пока Лотар не решил, что их возможно заметить только с расстояния в несколько шагов.

Камни, которыми они собирались перекрыть оба конца переправы, были тщательно собраны с речного дна и уложены на краях спусков. Лотар старательно придал им естественный вид, и все же даже легкий удар по веревке, удерживающей нижние камни, заставил бы их рухнуть на узкую дорогу.

Это была репетиция, так что масок они не надевали.

Лотар наконец еще раз проверил все, а потом снова повернулся, чтобы взглянуть на быстро приближавшийся столб пыли. Тот уже был достаточно близко, и Лотар мог рассмотреть очертания автомобиля под ним и услышать далекий гул мотора.

«Не следует ей так ездить, – сердито подумал Лотар. – Она же разобьется!»

Но тут же он горестно покачал головой.

«Я себя веду как влюбленный супруг, – сообразил он. – Да пусть себе ломает свою чертову шею, если ей того хочется!»

Однако мысль о ее возможной смерти болезненно уколола его, и он тут же скрестил пальцы, чтобы отогнать такую возможность. А потом он затаился в своем окопе и наблюдал за ней сквозь завесу колючих ветвей.

Величавый автомобиль раскачивался и подпрыгивал в колеях, поворачивая на петлю дороги. Гул мотора усилился, когда Сантэн прибавила скорость, используя всю его мощь, чтобы удержать машину от заноса, и белая пыль фонтаном вырвалась из-под передних колес. «Весьма искусно», – ворчливо подумал Лотар. Она снова прибавила скорость и ринулась к началу склона.

«Милостивый Боже, она что, хочет проскочить на другой берег вот так, на полном ходу?» – изумился Лотар.

Но в последний момент она внезапно сбросила скорость и остановилась перед спуском.

Когда Сантэн открыла дверцу машины и встала на подножку в клубах пыли, она оказалась всего в двадцати шагах от того места, где лежал Лотар, и он почувствовал, как его сердце колотится о землю. «Неужели она до сих пор так на меня действует? – удивлялся он сам себе. – Мне следует ее ненавидеть. Она насмеялась надо мной и унизила меня, отвергла моего сына и лишила его материнской любви, и все же, все же...»

Он не позволил даже мысленно прозвучать этому слову, и он намеренно пытался ожесточиться.

– И вовсе она не прекрасна, – сообщил он себе, всматриваясь в ее лицо.

Но в ней было нечто большее. Она была полной жизни и энергии, вокруг нее словно сияла некая аура. «Юнона, – вспомнил Лотар ее кодовое имя. – Богиня. Могучая и опасная, стремительная и непредсказуемая, но бесконечно чарующая и невообразимо желанная».

Она мгновение-другое смотрела прямо в его сторону, и Лотар почувствовал, как сила и решительность покидают его под взглядом этих темных глаз, но она не увидела его и отвернулась.

– Мы спустимся пешком, *chéri*, – окликнула она молодого человека, вышедшего с другой стороны «даймлера». – Посмотрим, безопасна ли переправа.

Шаса как будто подрос на несколько дюймов за то короткое время, пока Лотар его не видел. Сантэн и Шаса направились рядом вниз по дороге.

Манфред прятался в своем окопе на нижнем конце спуска. Он тоже наблюдал за парой, шедшей по узкой дороге. Женщина ничего для него не значила. Да, она была его матерью, но он этого не знал, и никакой инстинкт не подсказал ему этого. Она не кормила его грудью, не держала его на руках. Она была посторонней, и Манфред посмотрел на нее без каких-либо эмоций, а потом перевел внимание на юношу, шедшего рядом с ней.

Приятная внешность Шасы оскорбила его. «Хорошенький, как девчонка», – подумал Манфред, пытаясь отнестись к нему презрительно. Но он видел, как широки плечи его противника, как крепки мышцы его загорелых рук.

«Я бы с удовольствием еще раз с тобой схватился, дружок...»

Он почти забыл боль и унижение, когда левый кулак Шасы снова и снова бил по свежей ране, но теперь коснулся своего лица кончиками пальцев, нахмурившись при этом воспоминании. «В следующий раз я не позволю тебе устроить танцульки». И он подумал о том, как трудно было дотянуться до этого хорошенького личика, о том, как Шаса постоянно уходил от его удара, и снова ощутил разочарование.

Мать и сын добрались до нижней части спуска, где залег Манфред, и какое-то время стояли на месте, тихо переговариваясь, а потом Шаса вышел в широкое русло сухой реки. Дорога по песку была укреплена ветками акации, но колеса тяжелых грузовиков разломали их. Шаса уложил их заново, ногами вдавливая в песок.

Пока он работал, Сантэн вернулась к «даймлеру». На держателе запасного колеса висел брезентовый мешок с водой, и Сантэн сняла его, поднесла к губам и сделала глоток. Негромко

прополоскав горло, она сплюнула воду в пыль. Потом сняла длинный белый плащ-пыльник, защищавший ее одежду, и расстегнула блузку. Намочив желтый шарф, она обтерла влажной тканью шею и верхнюю часть груди, наслаждаясь ощущением прохлады на коже.

Лотар хотел бы отвернуться, но не мог; вместо этого он смотрел на нее во все глаза. Под светло-голубой хлопковой блузкой на Сантэн ничего не было. Кожи на ее груди солнце не коснулось, она была светлой, гладкой и жемчужной, как наилучший костяной фарфор. Груды у нее были маленькими, они не сморщились и не обвисли, соски оставались нежно-розовыми, как у девушки, а не как у женщины, родившей двух сыновей. Они эластично выпрямлялись, когда Сантэн отирала их влажным шарфом, и она смотрела на них, стирая пот. Лотар тихо застонал от поднявшегося в нем желания этой свежей плоти.

– Все готово, мама! – крикнул Шаса, поднимаясь по склону, и Сантэн быстро застегнула на себе блузку.

– Да, времени мы потратили достаточно, – заметила она и скользнула на водительское сиденье «даймлера».

Как только Шаса захлопнул дверцу, она повела большую машину вниз по дороге, разбрасывая задними колесами песок и щепки акации, когда пересекла речное дно и взлетела на противоположный берег. Грохот мотора быстро затих в молчании пустыни, а Лотар вдруг заметил, что дрожит.

Никто из них долго не двигался. Первым поднялся на ноги Темный Хендрик. Он открыл рот, чтобы заговорить, но увидел выражение лица Лотара и промолчал. Спустившись вниз, он направился к их лагерю.

Лотар подошел к тому месту, где остановился «даймлер». Он долго стоял, глядя на влажное пятно на земле, где Сантэн выплюнула воду. Отпечатки ее ног в пыли были узкими и аккуратными, и Лотару отчаянно захотелось наклониться и коснуться их, но тут внезапно за его спиной заговорил Манфред.

– Он боксер, – сказал он, и Лотар не сразу сообразил, что сын говорит о Шасе. – Он похож на девчонку, но он умеет драться. Его не ударить.

Манфред поднял кулаки и принялся боксировать с воображаемым противником, пританцовывая в пыли в подражание Шасе.

– Давай вернемся в лагерь, подальше от дороги, – сказал Лотар.

Манфред оставил защитную стойку и сунул руки в карманы. Они не разговаривали, пока не добрались до землянки.

– А ты умеешь боксировать, па? – спросил Манфред. – Можешь меня научить боксу?

Лотар улыбнулся и покачал головой.

– Я всегда находил, что куда легче врезать мужчине между ног, – сказал он. – А потом ударить его бутылкой или прикладом.

– Мне бы хотелось научиться боксу, – заявил Манфред. – И когда-нибудь я научусь.

Похоже, эта идея зрела у него давно, но внезапно она превратилась в твердое решение. Его отец снисходительно улыбнулся и хлопнул его по плечу.

– Лучше принеси мешок с мукой, – сказал он. – И я вместо того научу тебя печь содовый хлеб.

– О, Эйб, вы же знаете, как я ненавижу такие званые вечера, – раздраженно воскликнула Сантэн. – Комнаты набиты людьми, переполнены табачным дымом, пустая болтовня с незнакомцами!

– С этим человеком было бы очень полезно познакомиться, Сантэн. Я бы даже больше сказал: он может стать самым ценным вашим другом в этих краях.

Сантэн скорчила гримасу. Конечно, Эйб был прав. Администратор фактически являлся губернатором территории с огромными полномочиями. Его назначило правительство Южно-Африканского Союза, дав ему мандат в соответствии с Версальским договором.

– Полагаю, это очередной напыщенный старый зануда, как и его предшественник.

– Я с ним пока не встречался, – признался Эйб. – Он только что приехал в Виндхук, чтобы принять назначение, и будет приведен к присяге только первого числа следующего месяца, но наша новая концессия в окрестностях Цумеба уже лежит на его столе, ожидая подписи.

Он заметил, как изменился ее взгляд, и воспользовался моментом.

– Две тысячи квадратных миль в эксклюзивном пользовании – разве это не стоит нескольких часов скуки?

Но она не собиралась уступать так легко и перешла в контратаку:

– Мы должны присоединиться к экспрессу, что отправляется этим вечером. Шасе нужно вернуться в Бишоп-колледж утром в среду.

Сантэн встала и принялась расхаживать по салону своего вагона, остановившись для того, чтобы поправить розы в вазе на своем столе, так что ей незачем было смотреть на Абрахама, когда он отбил ее удар:

– Следующий экспресс уходит вечером во вторник. Я уже договорился, чтобы ваш вагон прицепили к нему. А мастер Шаса может уехать на этом экспрессе, я забронировал для него купе. Сэр Гарри и его жена все еще в Вельтевреде, и они могут встретить его на вокзале в Кейптауне. Нужно лишь дать им телеграмму.

Абрахам через салон улыбнулся Шасе:

– Уверен, молодой человек, вы сможете доехать без того, чтобы кто-то держал вас за ручку, не так ли?

Эйб просто хитрый мелкий дьявол, подумала Сантэн, когда Шаса с негодованием принял вызов:

– Конечно могу, мама. А ты оставайся. Важно ведь познакомиться с новым администратором. Я и сам доберусь до дома. А Анна поможет мне собраться в школу.

Сантэн всплеснула руками:

– Если я умру от скуки, Эйб, пусть это лежит на вашей совести всю оставшуюся жизнь!

Сначала она предполагала надеть бриллиантовый комплект украшений, но в последний момент передумала.

– В конце концов, это же просто небольшой провинциальный прием с толстыми фермерскими женами и мелкими гражданскими служащими. Кроме того, мне не хочется ослепить бедного старика.

Поэтому она выбрала желтое шелковое вечернее платье от Коко Шанель. Она уже надевала его, но в Кейптауне, так что здесь его едва ли кто-то видел.

– Оно достаточно дорогое, чтобы выдержать два выхода, – успокоила она себя. – Да и в любом случае для них оно слишком хорошо.

Она надела скромные серьги-гвоздики с бриллиантами, не слишком большими, чтобы выглядеть броско, но на шею надела огромный желтый бриллиант цвета шампанского на платиновой цепочке. Он привлечет внимание к ее маленькой высокой груди; Сантэн нравился этот эффект.

А вот волосы, как всегда, были сплошным мучением. Они переполнились электричеством от сухого воздуха пустыни. Сантэн хотелось, чтобы здесь была Анна, потому что только она умела справиться с этой роскошной гривой. В отчаянии Сантэн попыталась использовать их беспорядок, намеренно распушив их в некое гало и повязав на лоб бархатную ленту.

– Хватит суетиться.

Она вообще не чувствовала себя готовящейся к приему. Шаса уехал на почтовом поезде, как и задумал Эйб, и Сантэн уже отчаянно скучала по сыну. Кроме того, ей самой не терпелось вернуться в Вельтевреден, и она негодовала из-за того, что придется провести ночь вне дома.

Эйб заехал за ней через час после времени, указанного на пригласительном билете, на котором красовался герб администратора. Во время поездки Рэйчел, жена Эйба, потчевала их перечислением своих домашних побед и трагедий, включая подробный рассказ о том, как работает кишечник ее младшего отпрыска.

Административное здание, Инк-палас, было выстроено немецкой колониальной администрацией в тяжелом имперско-готическом стиле; когда Сантэн окинула взглядом бальный зал, она увидела, что компания собралась не лучше, чем она предполагала. Общество состояло в основном из мелких чиновников, начальников и заместителей начальников разных ведомств с женами, офицеров местного гарнизона и полицейских чинов, а также крупных городских предпринимателей и землевладельцев, живших достаточно близко от Виндхука, чтобы откликнуться на приглашение.

Среди них оказались и служащие самой Сантэн, все менеджеры «Компании Кортни по разработкам месторождений и финансированию». Эйб предоставил ей нужные сведения, так что, когда к ней робко подходил очередной гость, чтобы представить супругу, Сантэн могла сказать каждому какую-то личную любезность, отчего они сияли и улыбались от удовольствия. Эйб стоял рядом – на случай, если кто-то вздумает слишком навязываться, и после приличного интервала дал ей повод сбежать.

– Полагаю, мы должны засвидетельствовать свое почтение новому администратору, миссис Кортни.

Он взял ее под руку и повел вперед.

– Я разузнал кое-что о нем. Это подполковник Блэйн Малкомс, командовал батальоном конных стрелков. Он хорошо воевал и награжден Военным крестом. В частной жизни он адвокат и...

Полицейский оркестр старательно и с удовольствием исполнял вальс Штрауса, и танцевальная площадка уже была заполнена. Когда они подошли к хвосту очереди на представление администратору, Сантэн с удовлетворением отметила, что они будут представлены последними.

Сантэн не слишком обращала внимание на хозяина приема, пока двигалась вперед, держа под руку Эйба. Она наклонялась мимо него, слушая Рэйчел, шедшую по другую сторону Абрахама, – та делилась с ней семейным секретом куриного супа – и в то же время пыталась сообразить, как скоро она сможет сбежать.

Внезапно она сообразила, что они уже подходят к хозяину и адъютант администратора произносит их имена.

– Мистер и миссис Абрахамс и миссис Сантэн де Тири-Кортни.

Она посмотрела на человека, стоявшего перед ней, и невольно впиалась ногтями в локоть Абрахама Абрахамса с такой силой, что тот поморщился. Сантэн этого не заметила, потому что во все глаза смотрела на подполковника Блэйна Малкомса.

Он был высоким и худощавым, его рост заметно превышал шесть футов. Держался он свободно, без военной скованности, и в то же время слегка покачивался на пятках, словно готов был в любое мгновение начать действовать.

– Миссис Кортни. – Он протянул ей руку. – Я рад, что вы смогли прийти. Вы были единственной, с кем я в особенности хотел познакомиться.

Говорил он тенором, с легкой напевностью, похожей на уэльский говор. Это был голос образованного и культурного человека, с модуляциями, вызвавшими мурашки удовольствия на предплечьях и затылке Сантэн.

Она взяла его руку. Кожа у него была сухой и теплой, и Сантэн ощутила сдерживаемую силу в его пальцах, когда они мягко сжали ее ладонь. «Да он мог бы раздавить мою руку, как яичную скорлупу», – подумала она, и эта мысль вызвала в ней легкий восторженный холодок. Сантэн всмотрелась в его лицо.

Черты были крупными, челюсть, скулы и лоб казались тяжелыми и массивными, как камень. Крупный нос с римской горбинкой, нависшие брови, большой подвижный рот... Он напомнил Сантэн молодого и красивого Авраама Линкольна. Она прикинула, что Малкомсу еще нет сорока – весьма молод для такого звания и должности.

Потом она вздрогнула, осознав, что продолжает держать его руку и не ответила на его приветствие. Он нависал над ней, рассматривая ее открыто и пристально, как и она его, а Эйб и Рэйчел переглядывались весело и заинтересованно. Сантэн слегка тряхнула рукой, чтобы высвободиться из его пальцев, и, к собственному ужасу, почувствовала, что заливается краской.

«Я краснею!..»

Такого с ней не случилось много лет.

– Мне посчастливилось прежде иметь отношения с вашей семьей, – сказал Блэйн Малкомс.

Зубы у него тоже были крупными и очень белыми. А широкий рот становился еще шире, когда он улыбался. Сантэн нервно улыбнулась в ответ:

– Вот как?

Она понимала, что это не слишком блестящее начало беседы, но разум словно покинул ее. Она стояла, как школьница, краснея и таращась на него. Глаза у него были потрясающего зеленого цвета. Они отвлекали ее.

– Я служил во Франции под командованием генерала Шона Кортни, – пояснил администратор, все так же улыбаясь.

Кто-то слишком коротко подстриг волосы на его висках, из-за чего торчали его большие уши. Это раздражало Сантэн – и в то же время эти выставленные напоказ уши делали его милым и привлекательным.

– Он был исключительным джентльменом, – продолжил Блэйн Малкомс.

– Да, он был таким, – ответила Сантэн и тут же мысленно выругала себя: «Скажи наконец что-нибудь остроумное, что-нибудь интеллигентное... он же примет тебя за бестолочь...»

Малкомс был в мундире, темно-синем с золотом, с двойным рядом орденских ленточек. А Сантэн еще с девических лет зачаровывали мундиры.

– Я слышал, вы в семнадцатом году несколько недель находились в штаб-квартире генерала Кортни. Но я был на фронте до конца того года.

Сантэн глубоко вздохнула, чтобы взять себя в руки, и наконец ей это удалось.

– Это были безумные дни, когда вся вселенная рушилась вокруг, – сказала она, и ее голос прозвучал низко и хриловато, а французский акцент слегка усилился.

«Что это такое? – подумала она. – Что с тобой происходит, Сантэн? Так не должно быть. Помни о Майкле и Шасе. Дружески кивни этому человеку и проходи дальше».

– Похоже, я на данный момент покончил со своими обязанностями.

Блэйн Малкомс посмотрел на своего адъютанта в ожидании подтверждения, потом снова повернулся к Сантэн.

– Не окажете ли мне честь, миссис Кортни? Позвольте пригласить вас на вальс?

Он предложил ей руку, и Сантэн, ни на мгновение не заколебавшись, решительно положила пальцы на его локоть.

Другие танцующие расступились, освобождая для них место, когда они вышли на танцевальную площадку. Сантэн повернулась лицом к Блэйну и шагнула в кольцо его рук.

Уже то, как он обнял ее, явно говорило, что он будет отличным танцором. Сантэн мгновенно почувствовала себя легкой и грациозной, она взлетала над полом, выгибала спину и опиралась на его руки, а нижняя часть его тела как будто сливалась с ней.

Он провел ее стремительным кругом, и когда она откликнулась на каждое его движение и поворот, он начал более сложную серию поворотов. Сантэн следовала за ним без сознательных усилий, она скользила по полу, но оставалась полностью в его власти, откликаясь на каждое па.

Когда музыка наконец завершилась оглушительным аккордом и музыканты откинулись на спинки стульев, потев и задыхаясь, Сантэн весьма неразумно вознегодовала на них. Они играли недостаточно долго. Блэйн Малкомс все еще держал ее в объятиях посреди танцпола, они оба восторженно смеялись, а гости встали в круг и аплодировали.

– К сожалению, на данный момент, похоже, это все, – сказал Блэйн, все еще не делая попытки отпустить ее.

Его слова заставили Сантэн очнуться. Причин продолжать физический контакт уже не было, и она неохотно отступила от него и ответила на аплодисменты коротким реверансом.

– Думаю, мы заслужили бокал шампанского.

Блэйн подал знак одному из официантов в белых куртках, и они с Сантэн встали на краю танцевальной площадки, попивая вино и жадно глядя друг другу в глаза во время разговора. Напряжение танца вызвало легкую испарину на широком лбу Блэйна, и Сантэн чуяла запах пота от его тела.

Они были одни в центре переполненного зала. Легким движением плеч и головы Сантэн отогнала одну-две дерзкие персоны, подошедшие к ним, словно намереваясь присоединиться к разговору, и после того остальные держались в сторонке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.